

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии LXIII

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии ВГУ LXIII

Литературно-художественный альманах

25 марта 2019 г.

Воронеж

2019

В оформлении альманаха использованы графические работы
M. Саратовой и А. Павловой, акварели *B. В. Тулупова*,
фрагмент карты «Воронеж на ладони» *M. Демченко*

Редакционный совет: *Д. А. Чугунов* (редактор-составитель),
Л. И. Зимина, В. П. Нацентов, Э. О. Пархоц, В. В. Тулупов

dr-chugunov@yandex.ru

Поэзия и волшебство

Весной всегда думается о необычном — в новых днях, людях, событиях. Весною приходят новые стихотворения и новая образность жизни. Весною мы празднуем День поэзии ВГУ.

Это неудивительно. Набоков однажды заметил, что в личности автора сходятся трое: рассказчик, учитель, волшебник. И великим автором станет только в том случае, если первую скрипку будет играть волшебник.

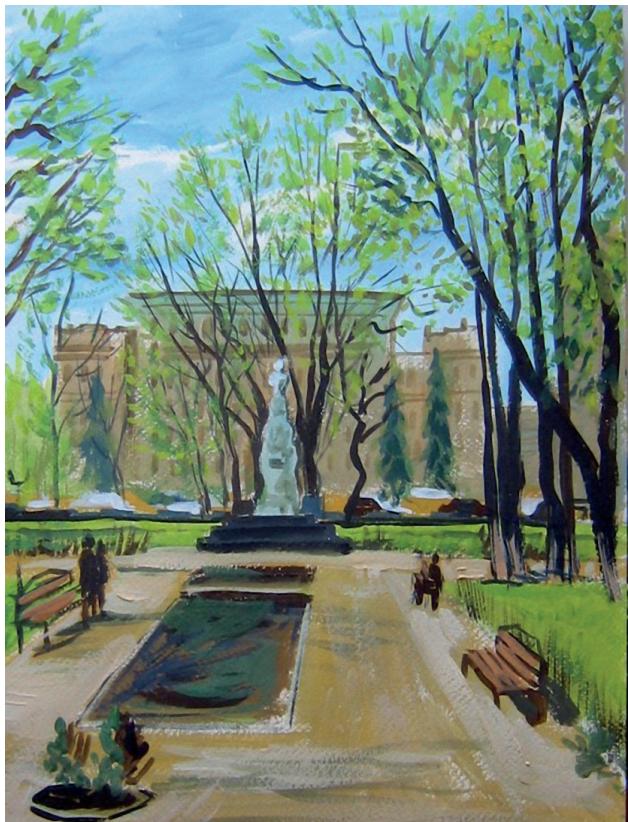
25 марта — день, в который волшебники собираются вместе. Каждый из них услышал нечто особенное в мире и успел записать это. И решил поделиться обретенным с другими. Конечно же, голоса у всех разные. Одни звучат уверенно, зрело, в других ещё слышится робость первого прикосновения к тайне. Одни — как скромная мелодия лесного ручья, другие — как взвихренный оркестр. Однако во всех слышится искренняя музыка мира.

Университетские поэты всегда рады гостям. В этом альманахе мы предоставили им сразу две рубрики. Одна из них — гостиная для тех, кто уже давно дружит с Воронежским университетом. Другую мы назвали словом «Контекст», возвращая альманах в пространство современной русской Поэзии. Участники первых встреч любят вспоминать, как в Воронеж в далёкие 1950–1960-е гг. приезжали поэты со всей страны, как воронежские авторы вставали в один ряд со столичными. Теперь можно смело говорить, что наш альманах вновь притягателен для тех, кто определяет развитие современной лирики в её лучших образцах.

Отбирая стихи для публикации, мы руководствовались сразу несколькими принципами: качество, контекст, память. Именно поэтому в альманахе мы «возвращаем» читателю стихотворения замечательного автора из воронежской глубинки. Именно поэтому мы отдаём дань уважения тому, кто долгие годы был хранителем поэтической традиции в университете.

Искренне надеюсь, что вы почувствуете волшебство поэзии, беря в руки этот альманах! LXIII День поэзии стал историей.

Дмитрий Чугунов

Найти — и не сдаваться!

Чем дальше в прошлое уходит День поэзии ВГУ, тем более притягивает к себе его история, тем сильнее желание погрузиться в его весенние, мартовские страницы...

Университетский День поэзии сразу же вышел за пределы учебных корпусов, стал городским, областным, региональным, в нём участвовали поэты всей страны — от Чукотки до Ленинграда и от Мурманска до Ташкента. Со сцены Дня читали стихи профессора (А.М. Абрамов, Н.А. Плаксенко, В.С. Рахманин) и первокурсники, авторы многих книг и начинающие, даже школьники. Газета «Воронежский университет» была настоящим штабом по подготовке и проведению поэтических праздников, редакторы в этот период работали за троих (с особой благодарностью вспоминаю В. Кузнецова, А. Беликову, А. Тополенко). Спецвыпуски Дней поэзии, начавшие выходить с 1964 года при газете — это настоящий культурный феномен, которым может гордиться Воронежский университет.

День поэзии ВГУ...

Из каких далей прилетел он к нам, каким душевным огнём, какой летучей искрой воспламенился тот поэтический факел, который не гаснет вот уже более шестидесяти лет? Ни смена поколений, ни всякие переломы и перепады общественных настроений не смогли остановить шествий Дней по каменистым тропам времени. Даже всесоюзный День поэзии, ровесник нашему, университетскому, не перенеся развала и распада страны, на целых 15 лет погрузился в ночь небытия и только в 2006 году вновь заявил о себе, получив в Воронеже духовную и материальную поддержку. А вот День поэзии ВГУ каким-то чудом остался в строю. Конечно, и он в «лихие девяностые» был «частично рассеян, а частично истреблён», присмирел, ужался в объёме и в оформлении, однако выстоал и стал набирать силу. Наверное, потому, что до 90-х набрал такую прекрасную форму, что сумел перебраться через болота и буреломы уже в иную страну. А в Воронеже за это время громко заявили о себе многочисленные группы, клубы, объединения («Зинзивер», «Лик», «Поэтоград»)!

Появление в литературном процессе Дней поэзии (как всесоюзного, так и воронежского университетского) связывают, конечно, с так называемой «оттепелью», принесённой XX съездом. Однако вода пробивает лёд задолго до половодья. Первые признаки оттепели принесла на своих знамёнах великая Победа, её выжившие на фронтах молодые солдаты и офицеры. После войны на Всесоюзных совещаниях молодых писателей (1947 и 1951 гг.) в их речах и стихах обнаружилась жажда перемен, потребность в обновлении и потеплении общественной атмосферы. К середине 50-х годов эта потребность получила возможность реализоваться. Советской идеологии нужно было культурное, гуманистическое подкрепление, поэтому она на время разрешила поэтическую вольницу, закипавшую в стране. С крушением Советской власти и Советского Союза гуманистическое подкрепление оказалось никому не нужным. «Выпуск ежегодника,— пишет А. Бобров,— был прекращён с 1993 года, с полной победой капитализма, ельцинизма и так называемых демократических реформ» (1, 55). Университет оставался неким островком, хранящим высокие заветы науки, образования и культуры, поэтому многие безобразия «лихих девяностых» обошли его стороной. Не сдался под их напором и День поэзии ВГУ.

Есть давний афоризм: «Когда говорят пушки, музы молчат»! Ни в Первую мировую, ни в гражданскую, а особенно на фронтах Великой Отечественной музы не замолчали, напротив, стали говорить больше и задушевнее, чем в дни мира. На протяжении почти всей войны во фронтовой газете «Красноармейская правда» печаталась гениальная «Книга про бойца» Твардовского, во всей фронтовой периодике звучали пронзительные стихи воинов, которые часто не доживали до появления своих строк в газете. А в переломные 90-е давний афоризм стал оправдываться: стихи переставали звать. Значит, происходило что-то противное душе и разуму, что-то чужеродное и не божеское. Вместе с Советским Союзом, соглашается с А. Бобровым С. Мнацаканян, «умирал и окончательно исчезал замечательный праздник радости и вдохновения — московский “День поэзии”» (2, 16). Он возродится только через 15 лет, возродится в городе Кольцова и Никитина, которых не одолели «свинцовье мерзости» жизни, в университете городе, в котором День поэзии ВГУ не сдался на милость шоковых терапевтов и нуоришей...

В самые последние годы заметно поднимается новая волна стихотворства, но пока трудно определить, к каким берегам она направит свой бег. По многим приметам в ней многое от вчерашнего (настроения, мотивы, детали), но она уже многое зачерпнула от постмодернизма, от сетевого общения. Часто стихи как бы без сердечного звука, что ли, без горячей крови, непременно с иронией, психологическими вывертами, отчаянием, безверием, отпадением от общенародного, с тягой к игривости, к словесным забавам. И написаны они не дрожащей рукой, а компьютером, будто наблюдения за собой со стороны. И никакой почти злобы дня, «проклятых вопросов», словно всё и навсегда разрешилось. Порой прихорашивание на гламурный лад, шевеление цветными пёрышками, самолюбование, расслабуха — всё равно ведь ничего не изменить, только шею сломаешь. Положительное тут то, что стих становится сложнее, разнообразнее, дальше от заданности и шаблонов, а значит ближе к нашей человеческой сути. Не отойти от неё, не разоружиться духовно, не опустошиться душевно, не окаменеть сердцем — вот главное. Кризис всегда ведёт к выздоровлению, а любой поиск — к новому, ведь поэзия всегда — «езда в незнамое»!..

Виктор Акаткин

¹. Бобров А. Восприимчивость души // Альманах «День поэзии — 2006» как явление культуры.— Воронеж, 2007.

². Мнацаканян С. «День поэзии»: 1956–2006 // Там же.

Университетская муз

Марина Баранова

Выпускница факультета ПММ

Неизвестным героям Первой Мировой

19 строк в 2019 году к 105-летию
начала Первой Мировой

Знаем ли героев прошлых страшных войн?
Подвиг неизвестный славной битвы той?
Слышим ли истошный дикий бабий вой
По пропавшим, павшим в тот далёкий бой?!

— Где же ты, соколик, родненький ты мой?
Для меня один ты — на коне — Герой!
Из латуни крест-то — с воином — святой!
— Где ты, мой любимый, ненаглядный мой?
Как прекрасен облик мне, сердечный, твой!
Слышится от церкви колокольный бой...
— Кто-то пусть поставит памятник простой
И повесит крестик — простенький такой.
Лиши кукушка знает, сколько быть одной...
— Мне не нужен, милый, никакой другой!
Буду в наших детях видеть образ твой.
Крест целуем вместе! Ой, родимый,
ой!..

Кто они — герои Первой Мировой?
С трепетом напомню плач славянки той.—
И слезу смахну я дрогнувшей рукой...

Иван Белоусов

Студент 3 курса факультета географии, геоэкологии и туризма. Член Совета молодых литераторов Союза писателей России

Сыплет кровью хрупкая рябина
за рекою граем воронья.
Вся страна страшна и неделима,
будет ли в ней место для меня?

Знаю точно — птицей снега буду,
снегом кровель, талым, на краю,
падает нежданно, словно чудо,
я в руках его не сохранию...

Горчит рябина. Сорвана не мной.
Как жить на свете холодно и дико!
Ложится снег
шершавый, безъязыкий,
Но — быть весной...

И помнить о весне.

Сырых небес немая нагота
до белизны застирана дождями.
Упавшей каплей слово между нами
покатится по плоскости листа.

Тугие ливни в водостоках крыш,
как речь ручья, притворно говорливы.
И мокнет под заборами крапива,
и ты опять о чём-то говоришь.

Во всей печальной пустоте страны
мы навсегда останемся гостями,
как листья августа уже обречены
и улетают хриплыми грачами.

Осенний день,
но в комнате темно,
и стынет чай, разбросаны бумаги.
Виновно незакрытое окно —
трепещут занавески, словно флаги.

И мне опять из дома уходить,
не остаётся ничего другого —
писать стихи, за птицами следить,
чтоб примирить молчание и слово.

В лесу пылает осени огонь,
он обледит, погаснет незаметно.
Сорвётся лист, как отпечаток лета,
и обожжёт холодную ладонь.

Юлия Беляева (Диденко)

Студентка факультета журналистики

Научиться бы жить не вдогонку,
Научиться бы знать наперёд,
Что там дальше за линией тонкой
И что будет, когда всё пройдёт.

И тогда нам не нужно бояться,
Думать, ждать и гадать по ночам –
Есть надежда увидеться завтра
Или можно не верить мечтам.

Вдруг, когда ты проснешься наутро,
Всё исчезнет, уйдёт, пропадёт,
И из глаз потихоньку вдогонку
Та немая слеза потечёт.

Не изменишь судьбы повеленье,
И закроется дверь на замки,
Только в сердце слепая надежда
Будет скжата в тугие тиски.

Ты собою меня напои,
Чтоб причудилось сизое море,
Где с тобою мы только одни,
Чайки тонут в ленивом прибоем.

Ты волнами меня обними,
Спрячь уставшие плечи от боли.
Тени пляшут у нас на груди,
Тени прошлого. Пленники воли.

Тихо. Море шуршит. Пустота
Разрывает застывшее сердце:
Ведь одна я стою у моста –
Никуда от себя мне не деться...

Ольга Благонадеждина

Выпускница геологического факультета

Сам себе и зритель, и актёр

Ожиданье Счастья неизменно,
Ожиданье светлых перемен,
Всё оплачено, высоки цены
В пьесе Жизни, режиссуре сцен.
Автор столь заоблачно далекий
И седой, уснувший билетёр,
Лицедей, презревший жанр и сроки,
Сам себе и зритель, и актёр.

Соединённость мостов

Верная, светлая Ночь,
Радость предчувствия Счастья.
Словно остались со мной
Блеском дождя над водой.
Как в ожиданье причастья,
Трепета не превозмочь.
Ива склонилась, листвой
Тёмные волны лаская.
Вечности мало, постой,
Не исчезай, путь простой...
В первом звоночке трамвая
Соединённость мостов,
Воспоминаний и снов.
Лирика городская.

Метелица-певунья

Вновь зимняя песня на Душу легла,
Певунья Метелица всё замела.
Деревья, тропинки, скамейки, бульвары,
Машины, киоски, дома, тротуары.
В дуэте я спеть с ней, пожалуй, смогу,
Губами снежинки ловя на бегу.

Ольга Булахтина

Выпускница филологического факультета

Там, где горькие травы пьянят непокорные души,
Там, где чистые росы ласкают усталые ноги,
Там бывала и я, чтобы тихое утро послушать
И покинуть тот край навсегда по туманной дороге.

Знаю: осень не станет жалеть ни осины, ни вербы.
Будут сонные куры бродить по траве пожелтевшей.
Чай-то пёс, заскулив, побежит на дорогу, чтоб
первым
Встретить тех, кого ждали так долго и так
безнадежно.

Но не я, у порога помедлив, ругая беспечность,
Прошепчу те слова, что теперь опоздали на вечность.

Мне не успеть себя переменить,
Пока ещё дышать не перестала.
Не оборвать невидимую нить,
Что крепко душу с родиной связала.

Другая жизнь, чужие города,
Вошло в привычку быть такой, как надо.
Но только что-то рушится, когда
Мне снится луг и станция за садом.

Заходишь в дом, где не был столько лет...
А там всё так же тихо и прохладно.
Улыбку пряча, выйдет встретить дед
И проворчит: «Что, вспомнила? Ну ладно...»

Как свечереет, бабушка зайдёт,
Взъбьёт перину, трижды перекрестит.
А на рассвете ласточка споёт.
Я так давно не слышала их песен!..

Проснусь — одна — под гул ночных дорог,
И снова сон предаст и станет пусто.
Да, надо жить без боли и тревог,
Но только память душу не отпустит.

Никто на камень сердце не менял,
Но я теперь сама себя пугаю.
Который год с ухмылкой на меня
Из зеркала в упор глядит другая.

Она забыла, как любила май,
Она тепла давно уже не хочет.
Ей хорошо, когда повсюду тьма,
Когда метель безжалостно хохочет.

Она не ходит в церковь по утрам,
Забыла клятвы, данные когда-то.
Но с ней судьбу мы делим пополам:
Мы обе перед Богом виноваты.

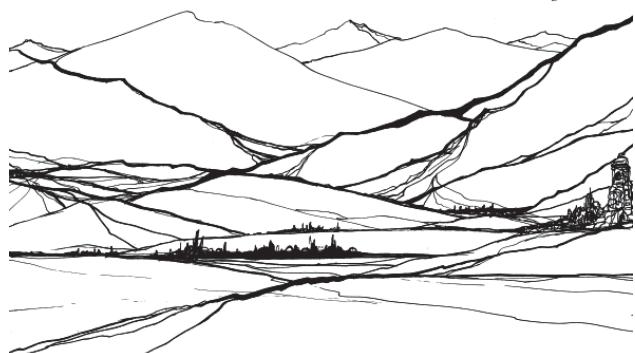
Когда-то мне так просто было жить!
Сберечь девчонку ту я не сумела...
Когда себе становишься чужим,
Душа всегда стареет раньше тела.

Дорога выбрана. Ступаю на неё.
Несмелый шаг в пугающую вечность.
А если это поле не моё?
А если мне утешиться здесь нечем?

Быть может, я не той пошла тропой,
Быть может, Бог рассчитывал иначе,
И над моей несбывшейся судьбой
Мой нерождённый сын тихонько плачет.

А может, параллельно моему
Пути пошли все те, по ком скучаю,
Не жизнь мою, безлюдную тропу
Моя звезда тоскливо освещает?

Как знать, что там маячит впереди?
Что есть моя манящая дорога?
Болото, где блуждают огоньки,
Или стезя, отмеченная Богом?

Владислава Бурносова

Студентка филологического факультета

Тишина. Только шорох страниц
Потревожит безлунную ночь.
Светят звёзды с небес, и зарницы
Уж давно укатились все прочь.

Стопки книг на шкафу, на полу,
Под подушкою прячутся. Робко
Словари притаились в углу
И глядят из-за яркой коробки.

А в коробке живут твой конспекты.
Сколько строк исписали — не счесть.
А поодаль чуть — дремлют проекты:
УНТ, и латынь даже есть.

И когда сил уже не осталось,
Засыпаешь. И видишь во сне,
Как Толстому от няни досталось,
Что ходил босиком по воде.

Пушкин спорит с Дантеом о жизни.
Нет дуэли. А Гоголь, хвалясь,
С новой книгой идет по отчизне;
Ветер треплет страницы, смеясь.

Поутру на щеке — часть конспекта...
Тяжела жизнь филолога. Да,
Пусть не спим мы порой до рассвета,
Но ведь это же — наша судьба.

Мы не будем спать вечность, лишь только
Дайте сотню нам книг прочитать.
Всё пройдет, но останутся строки
Обо всем, что хотели сказать.

И когда в тишине темной ночи
Вы услышите шорох страниц,
То не ветер шалит полуночный –
То филфак над конспектом не спит...

Бабушке

Люди плачут ночами... Вы знали,
Как сгорает душа от тоски?
В ней живут расставания, вокзалы,
Горечь правды, свободы. Мечты...

И закаты над лесом багряным,
Танец листвьев над жухлой травой.
И летят журавли над поляной,
Где ручей изогнулся дугой.

Руки бабушки пахнут ванилью:
Пирожки из духовки глядят.
Помнишь, бабушка, как мы любили
Видеть наш засыпающий сад?

И рисунок я всё рисовала:
Лепестки с белой вишни летят,
А тюльпаны горят, как пожары,
От которых все души не спят...

Ты всё помнишь... Как в дождик порою
Я спала, прижав книгу к себе.
Горько пахла полынь у дороги,
Словно крик о тяжёлой судьбе.

Я засну, вытру слёзы подушкой...
Помнишь, ночью под вишней, вдвоём
Мы сидели у старой кадушки,
Что наполнил нам дождик водой...

Люди плачут ночами... Вы знали,
Как сгорает душа от любви?
В ней вокзалы, перроны, причалы,
Где они вместе быть не смогли...

Лана Владимирова

Выпускница факультета ПММ

малахитовый цветок

Каждый раз чего-то не хватало,
Близко к идеалу, да не то.
Горы под рукою материала –
Не выходит каменный цветок.

Сверху — малахитовые кроны,
Малахитом стелется трава,
И изводит душу взгляд зелёный,
В жаркий день её замуровав.

Бархатно-болотными цветками
Удивит невзрачный куст тоски,
А живым, хоть как, не станет камень,
Разве что почудится таким.

автодорожное

Ирине Кучеровой

Что в память залетело, то — крылато,
В ней сложно удержать и быль, и сны.
Теряю знаменательные даты
С названьями, что к ним прикреплены.

В своём-то прошлом рыться неохота,
Ну а в чужом и вовсе не резон –
И линию крутого поворота
Умело распрямляет горизонт.

Сегодня — здесь, а планами на завтра
Опять смешу небесного Отца.
Молчит географическая карта,
И плещется за окнами Тверца.

вишневое

Это признанье — только когда ушел,
Если озвучишь — голос листве лишь слышен,
И без усилий рвешь паутинок шелк,
Чтоб дотянуться до темнобоких вишен.

Ягоды, как слова — не наешься впрок.
То, что имеешь, значится в настоящем:
Льется бесцельно мысленный монолог,
И несказанно кажутся вишни слаще.

лесное

Арсению

Потом поймёшь: не на лету,
А можно пристально, веками
Смотреть на эту красоту,
Смотреть — и не давать названий

Ни очертаньям, ни тонам,
Не разбирать на составные...
Мы — здесь, и было б странно нам
Себя придумать вне России.

упрямое

С погодою неразбериха,
И настроенье — по погоде.
Дождь то сорвётся, то затихнет,
Но не уходит. Не уходит.

Он так упрям. Или настойчив?
Шумит, скребётся, барабанит...
Нескладным звоном многоточий –
По крыше, по стеклу, по раме...

Ему — кружить, бежать по лужам
Под взрывы лиственных оваций,
А мне — в твою стучаться душу
И разбиваться.
Разбиваться.

Разлад в душе шуршаньем шин утешен,
И сонный жар главенствует с утра.
Меняется пейзаж. Деревьев меньше.
Земля открыта взглядам и ветрам —

Ей влаги так немного достаётся,
Что многие на ней не устоят,
И лишь сезонно радуются солнцу
Подсолнухи, посаженные в ряд.

Павел Волков

*Студент магистратуры факультета журналистики.
Член Совета молодых литераторов Союза писателей России*

Ухожу

К черту лисьему искренность,
Мегаполисный шум.
Сыпать фразами-искрами
Я устал. Выхожу
Из бетонной обители
На асфальтную жесть.
Темноты изобилие
Не пугает уже,
Не доводят до паники
Хаотичные сны,
Сапоги из Испании
Мне почти не тесны.
Понимаю, что лучше бы
Мне свернуть со строки.
Напрямик — не получится:
Русло нашей реки
Изогнулось параболой.
Изнуряет меня
Переправа. Пора бы нам
Лошадей поменять.
Кинуть искры белесые
На сухую траву:
«Я, конечно же, с легкостью
Без тебя проживу».

Лелап Лисичке

Нет. Не погиб. Это чувство немного другое —
Выстрел кометой. Насквозь. Не припомню, когда
Я, беспощадный к лисицам, за годы погони
Твердо решил, что мечтаю тобой обладать.

Я не заметил, как твердь под ногами пропала,
Как засиял светлячками и выгорел лес.
Вот он — твой хвост из разбросанных точек-opalов.
Как одержимый, бегу на магический блеск
Меж треугольников, ромбов, кривых и трапеций.
Остановись! Прекрати многолетний побег!
Видишь, как Сириус — песнь огромное сердце —
Светит сквозь мрак бесконечной любовью к тебе!

Крокодилы

Бросить хобби с работой на фиг бы,
Удалиться из соцсетей
И стрельнуть самолетом в Африку,
Там усесться под пальмой в тень,
Исцарапать дощечки стилосом,
Убаюкать гремучих змей,
Познакомиться с крокодилами,
Стать «своим», завести друзей.
Этим тварям мораль не писана —
Выпьют Конго за два глотка,
Только лень им. Известно издавна:
Могут сутками мять бока.
Что им критика? Что им социум,
Наполняющий местный лес?..
Буду с ними плеваться солнцами
В голубой потолок небес!

Кристина Гайдукова

Студентка юридического факультета. Член Совета молодых литераторов Союза писателей России

Ипотечное

Столько домов возводится,
к небу поданы.
Смотришь: пустырь-бездвица,
год — и проданы
площади, метражи,
пластик, плиточки.
Нанизаны этажи,
как на ниточку.

Кипенно-белый мел,
двери, лестница.
Тысячи новых тел
в короб вместятся.
Тысячи голосов:
мамы, деточки.
И на глухой засов
свои клеточки.

В солнце бликует двор
металлический.
Каждому свой мотор
механический.

Каждый, кто так сумел —
считай, выиграл бой.
Этого ты хотел,
ипотечный мой?

Бишоп-Рок

Миром, порванным на клочки,
государства и городочки,
я сижу у исходной точки
и подсчитываю очки.

Я на карте — не приблизай —
что-то около Бишоп-Рока.
Ты — Евразия, и глубока,
как весь Тихий, твоя душа.

У меня лишь маяк да гладь,
и горячая речь повстанца —
Я краду тебя у пространства,
помещая в свою тетрадь.

спелой яблони аромат
зрелой вишни зовущий цвет
ты похожа на рай и ад
только рая и ада нет

неба летнеготишина
дома милого огонёк
ты похожа на шёпот сна
я в тебя так и весь прилёт

не буди меня на груди
твоей сплю как в саду притих
где-то речка ж/д пути
дай пожалуйста слушать их

я устал от с тобой разлук
одичал от с тобой не-встреч
не гони моих добрых рук
дай на тёплую грудь прилечь

моя добрая этот сад
твоей самой родной души
для меня есть и рай и ад
только быть мне в нем разреши

я не трону его границ
и цветка в пути не сорву
в тени из-под твоих ресниц
я в волос провалюсь траву

и часов оборвётся тик
месяц выгляднет уголёк
я в тебя так и весь проник
я в тебя так и весь прилёт

Екатерина Гарманова

Выпускница факультета журналистики

Строки вновь сбылись

Немного нервно: строки вновь сбылись...
А что же дальше? Рукописей пепел —
Черновики... Опять рифмую жизнь
К обыденности дней. И солнце слепит.
Щебечут что-то за окном скворцы,
Их узнаю теперь ещё в полёте.
Что наша жизнь? Игра? Скорее, цирк.
Что наша смерть? А вы еще живёте?
Антракт. Сценарий надо дописать,
Иначе — пустота — чему сбываться...
Я начинаю новую тетрадь...
А пьеса жаждет чьих-нибудь оваций.
Укус-улыбка. Помните? С лихвой
Окупится всё вложенное в тексты.
Настало время управлять толпой
И обжигать в печи иллюзий тесто.

Самому любимому посвящается

Опять весна, опять зимой... Куда
Так засмотрелся поставщик погоды?
Быть может, наша общая беда —
Последствие нечаянной свободы?
На небе звёзды светятся едва,
Напоминая контур белой розы...
Ночь снова кружит голову. Слова
Пугающие просты и несерёзны.

Наверно, в этом нет моей вины,
Но я гадать не вправе о грядущем,
Ты знаешь, эти ночи так длинны,
Но помогают стать немного лучше.
Я в новый год возьму с собой лишь то,
Что не имеет веса в настоящем,
А прошлое, как старое пальто,
Закрою в самый отдалённый ящик.
Мы встретимся на рубеже миров,
И будь что будет. Пальцы на удачу...
Любовь навылет... И не нужно слов –
Как мелочь, пусть уйдут они на сдачу...

Ностальгии по детству посвящается

Отступила кукольная жизнь,
Став совсем другой — многоэтажной...
Путаются в паутине лжи
Сказочные наши персонажи.
Нет фантазий, мы уже не те –
Стали pragматичней, жёстче, громче...
Мчимся к ослепляющей звезде,
Сыплем многозначьем многоточий.
Путь закрыт сквозь кроличью нору...
Лишь вперёд с закрытыми глазами,
Слушая про адскую жару
И меняясь с кем-нибудь местами.
Где же этот каверзный пароль?
Прошлое, откройся на мгновенье...
Мама, я твой верный муми-тролль,
Я хочу оладий и варенья...

О тщете всего сущего

Тысячи покинутых ракушек:
Берег чудным выложен ковром...
Там цепляет брошенную душу
Чайка белым бархатным крылом...
Ветер гонит блики ожиданий
Мимо верениц вчерашних снов.
Тихо дремлет в порванной пижаме
одинокий позабытый Бог.
Он придуман был для цели важной –
Править в мире без кривых зеркал...
Но писатель потерял бумажный
Лист, где он об этом написал.
И теперь к обочине дороги
Жмётся и желтеет между строк,
Выцветая,— правильный и строгий –
Мой печальный рукописный бог...

Ануш Давтян

Доцент кафедры рекламы и дизайна факультета журналистики

Обмельчала река твоей широкой души,
Высохла под палящим солнцем невзгод,
Сломались под корень карандаши,
Нагрянул нежданно нехлебный год.

Есть ли смысл жизнь читать по слогам?
Запинаясь, кому-то в любви признаваться?
Спотыкаясь, шагать по головам и ногам,
В лоскуты разноцветные рваться?

Я не знаю, что лучше для вечной души –
Чахнуть от зноя или заболоченно гнить.
Не рисуют, не пишут карандаши,
И упрямо рвётся сердечная нить...

Распустились цветы в жёлто-синем саду,
Распустила я волосы, распустилась сама,
Как душистый цветок в душно-сером аду,
Как веющие сны, как сказка-дурман,
Как русалка в лимонно-сизом пруду,
Бросив удочки, ловит на сладкий обман,
Как привыкший глязеть в ледяную слюду
На звёздное небо беззубый шаман.

Август хочется разглядывать,
Вдыхать и пробовать на вкус.
А в сумерках мечту загадывать,
И резать сахарный арбуз.

Август хочется расспрашивать
И слушать как печальный блюз,
Солнцем дни свои раскрашивать
И украшать кустами бус.

Елена Дубровина

Выпускница филологического факультета. Член Совета молодых литераторов Союза писателей России

Дождик

Нудный серый мелкий дождик
Затянул свой граммофон.
Вот уж ночь, а он не хочет
Покидать мой старый дом.
Лижет окна, лижет двери,
Ластится ручьём в стекло.
Что ему мои потери,
Смытые слезой давно?

Мне б хотелось солнца детства,
Когда нечего терять.
Только никуда не деться –
Дождь сумеет всё слизать.

Ожиданье

Слышу я дыханье ночи.
Полночь... Тишина...
Стрелка двигает секунды...
Снов я лишена.
Тщетно силюсь я услышать
За окном шаги.
Моё сердце ими дышит:
«Боже, помоги!»
О тревоги, ожиданья,
Да пойдите ж прочь!
Но сижу я у порога,
Карауля ночь.

Владимир Емельяненко

Выпускник физического факультета

Бумажное

Так твёрдомысленна рука,
Когда пространство ею движет,
Прочитанные листья книжек
Скользят, листая неба скат.

Желтеющие снимки лиц
Глядят тебе в лицо. С вопросом:
Поэт ты? Или впрямь философ?
Так расскажи о нас.

Десниц

Протянутых горит огонь,
Ещё живыми бродят тени,

Ещё есть дух для песнопений,
И не ленись, и струны тронь
В сердцах друзей и посторонних:
И прянет жарким мёдом донник,
И меловые скаты вдоль
Дорог потянутся по Дону,
А песни, петье искону,
Окрасят серую юдоль.

Литературщикнка

Сударыня, мои угасли чувства,
Мне горько жить, и целый свет не мил.
Когда б не Ваша кислая капуста,
Я Вас бы без сомненья пристрелил.

В присутствии меня послали к чёрту,
Уж не трепещет мой задорный флаг.
Я угодил бы точно Вам в аорту,
Когда б не Ваш пирог о трёх углах.

В душе моей гуляют злые тени,
А сердце полно наших русских выног.
Я б Вас терзал без слов и сожалений,
Но Ваше заграничное фондю...

Вы заслужили гнев и наказанье.
Язык — Вам враг, мой несравненный друг,
Но эта Ваша дивная лазанья,
Рубин наливки из прекрасных рук...

Вы где-то там сказали, что — левша я,
Не в смысле мастерства, но неуклюж.
На бал Вас нынче я не приглашаю,
Партнёром будет Вам Ваш пошлый муж.

Крысиный яд? Так пошло, безыскусно.
Любите свёкра, он Вам — добрый хан.
Ах, эта Ваша кислая капуста,
К тому же я опять забыл наган.

Стиховластное

Сюжет поэзии, сударыня,
Всегда во всём не нов:
Поэт — хирург (улыбка каменна),
Вскрывает слов покров.

Слова обыденные закоростены,
Сокрыты мглой тенет,
Но в них, зажатых болью оспенной,
Прекрасный льётся свет.

Вскрываешь, кровь живая пенится,
Несёшь на общий суд.
А в спину чьи-то вопли-сплетницы,
И — с правой по лицу.

Набегушное

— Есть родство колдовства?
 — Пожалуйста. Здесь — рассветы, пожары роз.
 Там, в углу, — небеса с побежалостью...
 — Мне б немного вечерней слабости.
 — Нет, увы. Есть вечерние новости. Вот: ирано-
 чилийский вопрос.
 — О, сыщите мне ветра над прозою, где — аллюра
 летящий напор.
 — Да, конечно, есть синий, есть розовый.
 Есть зелёный, подбитый угрозами...
 — Синий дайте. Простреленный стразами.
 — Вам с собой? Иль сдадите в набор?
 — Ох, не знаю.
 И, да — рассеян я. Не примерил заботы к плечу.
 — Ничего, это сырость осенняя. На дворе
 уж неделю, как скверная...
 — Хорошо тут у вас. Размеренно.
 — Познакомьтесь: хранитель, Чур.
 — Да! Усталость. Вы знаете, книжица всё плутает,
 не видит окна.
 — Что, совсем по краям не движется?
 — Нет, частями кое-что слышится.
 — Может, опт? Мы здесь только в розницу.
 — Есть ли время? Успеть дотемна.
 — Если очень нужно, время обязательно найдётся.

Глыбинное

Сверкают дни. Не рыба, глыба
 всплывает, отрываясь ото дна.
 А вы, как «донн»! А вы смогли бы?
 Сказать: «Душа моя полна...»

Не вычисленью, но стремленью
 Поверх шептаний и рассуд.
 О, вы — талантище. Но гений
 ведёт искать ногой росу.

Не по молвению, некстати.
 Да. Без согбенья и трусцы.
 Гляди: в партикулярном платье,
 Но мати-матери сосцы

дарают пламенную влагу,
 Не ту, что омутняет взор,
 Но — цель — всплывающему лагом,
 Дарит меж уплотнённых пор.

Всплывает рыба, ты восходишь
 По тропам молний и сует.
 И восплывает солнце, то бишь
 Там где-то
 За стеною — свет.

На следу

Когда я плачу от стиха,
 Когда стихи пишу.
 Я говорю стиху: «Ты гад.
 Я шут. Я только шут».
 Я просто старый колоброд
 Среди младых повес.
 Живу я так... Наоборот.
 И вру. Не вижу лес.
 Я жёлтую кору сосны
 Корябаю ножом.
 Не вижу снов, но вру про сны
 И вереницы жён.
 Я вру про гордость и печаль,
 Про порох, пух и прах
 И не блуждаю по ночам
 В томительных мирах.
 Выдумываю сердца зов,
 Пишу про сень и хрень.
 Глядишь, уходит из мозгов
 Проклятая мигрень...
 Но рыбкой выльется из рук
 Картинка жгучая,
 Где колокола гулкий звук.

И плачу, плачу я.

Анастасия Еремина

Студентка филологического факультета

Лес передо мной раскинул ветви с инеем,
 Обнимая после прожитой главы.
 Не впущу я в душу прежнее уныние.
 Ну, а как там ты? Иль, может, лучше — Вы?

Мне дышать теперь и легче, и спокойнее,
 Отпустить порою лучше, чем держать.
 Подниму с дороги нежно ветку хвойную:
 Больше незачем под снегом ей лежать.

Вспоминаю наше прошлое невольно —
 Вместо радости всплывает только боль.
 Ты играл моими чувствами так долго,
 Что лекарством стала ранам соль.

Ты искал всегда во мне одно веселье,
 Пребывая в скуке, шёл быстрее прочь.
 Посмотри, мои поступки стали смелыми —
 Не страшны мне сообщения под ночь.

Я свободна, я горда, и я не сломлена,
Не продолжу нашей ветреной войны.
Бог поднял меня, как будто ветку хвойную,
Для счастливой, самой сказочной любви.

Вера Жердева

Выпускница факультета РГФ, член Союза
писателей Москвы

Прочь объятья квартиры!
Я шагаю по миру,
где листвы эликсиры,
где весна — как салют.
Облаков восклицанья,
белых вишен мерцанье...
Жаль, что на созерцанье —
только пара минут.

Хорохорится травка
возле автозаправки.
Пёс загадочно гавкнул,
привнеся суetu.
Светофор пешеходу
спел зелёную ноту...
Сквозь весну на работу
рано утром иду.

Я примерила маску — и маска мне впору пришлась.
Роль играть начала и играла порой не без блеска,
погрузившись в поток непривычных поступков
и фраз.

Эта роль, как крючок. Я попалась. Натянута леска.

Новый ритм. Новый темп. Новый нерв телефонных
звонков.
Мне весна не ясна, и на вкус время пробовать осень.
О, невнятность вина! Запоздавшая свежесть глотков!
Опьяняет? — Слегка. Окрыляет? — Пожалуй,
не очень.

Маска, маска, ты кто? Бьёт в глаза раскуроченный
быт,
и финансы — о, проза! — выводят безумные трели.
Может, сцену оставить? Так проще. Но как же мне
быть
с чутким зрителем тем, что в игру мою искренне
верит?

Студенческое

Сеет скучу лектор тучный.
Конспектирую. Но вот
Мысли строго ненаучный
принимают оборот.

Я в окно смотрю украдкой:
облака легки-легки —
вместо лекции в тетрадке
появляются стихи.

Александр Журихин

Магистрант математического факультета

Томный город

Томный город, уставшие улицы,
Серо-блеклый, тускнеющий люд,
Здесь так редко, так редко волнуются,
Но так часто, так часто плюют.

Тут и грязно, и пыльно, и шумно
Очень хочется выбежать вон,
Да и жизнь здесь настолько безумна,
Будто всё, что со мною, — сон.

Но проснуться не так-то просто
И открыть наконец глаза,
Пусть и сделаны мы не по ГОСТу,
Но не все прогорели сердца.

Дайте нам керосиновый факел,
Чтобы мгла уступила путь,
Хоть изрядно себя растратили,
Но еще способны вернуть.

Лариса Зимина

Выпускница филологического факультета

Поэт и Поэзия

Поэзия — музыка души.
Вольтер

Поэт неизлечимо одинок
В толпе любой, и жаждущей, и жадной
До развлечений плоти, до сапог,
Что топчут чужака в своей парадной.

Поэт один идёт сквозь ураган,
Что ветром бьёт по рёбрам и по нервам,
Но переди маячит Зурбаган
И хитро улыбается Минерва.

Поэтами рождаются. И — всё!
Без всяких теорем о гениях мигрени
Возьмите аксиомку у Басё:
Всего три строчки — бог стихотворений!

Поэзия рождается вовне —
В координатах с точкой невозврата,
Купается в искрящемся вине
Совместно с Мельпоменой и Эрато.

Поэзия есть музыка души:
Звук к слову льёт в пустыне речи.
Когда Поэт не согрешит,
Родится стих, что музыкой излечит.

Золотые мальчики-поэты

Ивану Харабарову, Юрию Панкратову —
забытым поэтам 20-го века.

...забытые наши мальчики преданные и убитые
летящими вслед доносами пулями насмерть
там знали в кого стрелять кого молчаньем травить
строчились приказы сочилась кровь на молодую
сныть

а они шагали Москвою ранней читая стихи
с парапетов
литинститутское братство влюбленное в смелых
поэтов

самые знаменитые ещё неизвестны стране
но кто-то услышал и кто-то сказал этих не надо мне

юные сильные настежь открытые послевоенным
ветрам
рвались прокладывая дорогу новым счастливым мирам
верили что услышат верили что поймут
но первых не слышит время — первых пока не ждут

оттепель говорите да там был такой мороз
ребром Пастернаком Ахматовой ставили личный
вопрос
докладывали докладанты подписывали подписанты
никли от боли флаги и бились в ночи куранты

а те кто рядом и вместе где вы ребята были
когда по убитым поэтам колокола звонили
золотые наши мальчики забытые всеми поэты
вас поглотила эпоха холодного русского лета

век изолгавшийся помни дни свои окаянные
когда уходили в герои солдатики оловянные
но песня их прямо упрямо летела по белу свету
страна возвращает забытых и новых зовёт поэтов

...золотые мальчики-поэты!..

Памяти Бориса Рыжего

Погадай мне, цыганка, на медный грош,
растолкуй, отчего умру.
Отвечает цыганка, мол, ты умрешь,
Не живут такие в миру.

Б.Р.

Кто убил тебя, мальчик рыжий
Без войны, без дуэлей, без
В небо вставшей волны, что слижет
Всех, кто бросится наперерез?

Кто убил тебя, мальчик рыжий?
Ты ведь знал про судьбы пистолет...
И на парте царапал: «Ниже-
подписавшийся Ваш поэт».

Кто убил тебя, мальчик рыжий
Страшной дурью, чужой причудой?
Ты, обласканный всеми, обижен:
Не догнал тебя друг Иуда.

Кто убил тебя, мальчик рыжий,
Огарёва любивший и Фета?
Сгинул инок в рассветной жиже,
Не дожив до Господнего лета.

Но в поэзии ты не «рыжий»:
Всепланетной поэзии правнук,
Ты и дальше от нас, и ближе...
И не видно сегодня равных.

Если б стих твой услышал Пушкин,
Если б Тютчев «Дневник» прочитал,
Все поэты сдвинули б кружки,
Закружился бы Рыжего бал!

Кто ж убил тебя, мальчик рыжий?
Город призраков? Век-палач?
Или сам ты? И мы на бирже,
Продающие сердца мяч?

Но когда-нибудь мальчик рыжий,
На тебя похожий точь-в-точь,
За Уралом, а может, в Париже
Повторит предрассветную ночь.

Василий Зубков

Выпускник исторического факультета

Выпью горькой.
Чтоб вам сладко,
Вам теперь не выбирать...
Утерев слезу украдкой...
Поминать — не помирать.
Только в этой малой тризне
Все слова — как на духу,
Погибали вы для жизни,
И за это мы в долгу
Неоплатном,
Неприметном,
Не забытом...

Но при этом
Вскоре, видно на веку,
Сдачи нам давать придётся —
Хищник жадный на пиру.
А награда? Она сладка,

Коли горечь на земле,
Я налью ещё —
несладкой —
Поминая о войне.

Вера Калашникова

Выпускница факультета ПММ

Желудёвая слеза

Что за странный звук в лесу,
Будто дождь роняет капли?
Желудёвую слезу
Бережно ловлю руками.

Пусть ещё не листопад —
Старых сучьев осыпанье,
Но опустошённей взгляд
И размеренней дыханье.

Всё ж надежда есть, пока
Стынь сосулькой не повисла...
Возымете жизнь-строка
С жёлудем бочонок смысла!

Желудёвый пир

Так жалко жёлуди давить,
Но ими выстлан путь,
У белок постигая прыть,
Земли касаюсь чуть.

По щёлкающему ковру,
Скользя, спешу к бревну,
Оно утратило кору,
И я к нему прильну.

Там глубь перетекает в ширь
Дубравы и души,
Чтоб править желудёвый пир
Бочонки хороши.

Александр Каменский

Ассистент кафедры теоретической физики

Чьи-то воспоминания

Я не спеша по улицам бродил
И, осмотревшись, вдруг остановился.
Вот детский сад, куда я не ходил,
Чуть дальше школа — там я не учился.
И вдоль аллеи я не провожал
Девчонку до ближайшей остановки.
Спортивный клуб... Туда я не бежал,
Спеша по четвергам на тренировки.

Я уходил. И с грустью оставлял
И тротуар, и дворик, полный света,
И старый парк, где раньше не гулял,
И зелень тополей, хранивших лето.

Сказка про Мастера

Поверх геометрий кубов и шаров,
Среди парадоксов, что вечность сложила,
Жил сказочный мастер — создатель миров,
И время ему материёлом служило.
То был очень старый и дряхлый стариk,
Работал, творил, невзирая на трудности.
Но каждый с любовью построенный лик
Вовсю излучал негасимую юность.
В пыли шестерёнок под скрежет станков
Подолгу стариk колдовал с проводами,
И где-то всходили поля колосков,
А чьи-то сады наполнялись плодами.

Анна Ковалёва

Студентка факультета РГФ. Член Совета молодых литераторов Союза писателей России

Горизонт разрезает небо,
Замыкая меня в свой круг.
Дождь непролитый, были небыль,
Непрерывный дрожащий звук.

Сколько рук на ветру колышется!
Но не руки, а ковыли.
Это поле живое движется
Под безмолвный хорал Земли.

Я не верю тебе, молчание!
Это вовсе не горизонт.
Это тот, кто по нам скучает,
Глаз наставил на нас и ждет,

Прислонившись лицом к ладоням,
А на сгибах его кистей,
Как морщинки, седые горы,
Неуютные для людей.

Над дорогой, ослеплённой солнцем,
сотни невесомых голубей.
Черное обугленное бьется
между ребер убранных полей.

Это осень, это осень рядом
на исходе города, в лесу,
падаю молчанием и взглядом –
не живу, а просто взгляд несу.

Взгляд несу до нового исхода.
Цифра восемь в желтом октябре –
завтра будет истеченье года
жизни вне себя или в себе.

Приходит к человеку пристани
скрипучий неминучий край.
Приходит море, смотрит пристально:
— Запоминай, запоминай,
соленой влагой потревоженный,
на старом небе новый знак –
твой силуэт на белом. Может быть,
ты чей-то росчерк в облаках?

И топит молча свои истины –
какого века? — человек,
не истины совсем, но вымыслы
стирает рукавами с век.
Толкает горе в море с пристани –
не повторяйся и не снись –

и начинает жить неистово
свою единственную жизнь.

Созревает слеза —
и лёд на крыше.
Бог не может сказать,
но может слышать,
как по тонкой дуге
капельной кромки
тихо водит рука
Его ребенка.

Голос детский звенит
капели тише,
умывает малыш лицо,
не слышит,
как за краем воды,
хрустальный раем,
бессловесный Отец его
страдает.

За капелью Его,
за купелью, молча
лес холодный стоит
и глядит по-волчьи —
и ни веткой одной,
ни одной иголкой
не умеет сказать,
как спастись от волка.

Разорванная рана колеи.
И снег болит от глины до руки.

Моя большая страшная весна.
Ты баба опьяневшая, из сна
Шагнувшая к соседям на поминки
свои.
И вся земля — твои носилки,
И всё — силки
расставлены кругом.
И слишком скользко,
слишком всё — не дом
родной и теплый.
Слишком всё — февраль.
Оттаявший и неопрятный рай.

И если — май,
то будет дождь и гром.
Исчезнет всё, что раньше было льдом.
И всё, что было подо льдом, излечит
простая радость не тепла, но встречи
и выхода из холода вдвоём
тебя с твоим потерянным теплом.

Но если ты хотела показать
свою тоску, мне нечего сказать.

И если мной увиден этот знак,
то кто ты,
кто ты,
кто ты,
если так?

Моя живая жизнь, иже еси,
увиденная в чистоте грязи.

Валерия Колесникова

Выпускница факультета журналистики, и. о. заведующего кафедрой телевизионной и радиожурналистики факультета журналистики

Льдинка

I

Стук колес
И бегущий пес.
Твой ответ –
Это мой вопрос.
Пыль, лети,
Колесо, крути!
Ты иди,
Лучше сам уйди.
Лай не лай,
Этот вой невой.
Пес — главарь,
Пес бежит домой.
Стон не стон,
Плач уже не плач.
Мой конвой,
Твой ответ — палаch.

II

Отчего у колеса темно-синие глаза?
Словно неба бирюза, словно ветра полоса.
Отчего бегущий пес весь продрог, совсем замерз?
Оттого, что небеса закрывают очеса.
Что же будет, говори, что же будет, говори!
Будут солнца фонари, будут неба фонари...
Хоть ори, хоть не ори.

III

Мы уснули с псом в обнимку.
Растопили печку, льдинку,
Распахнули очи, души,
Полетели в сон грядущий.
Просыпаться не желали,
Время с нами задремало.

IV

Утренний гул оказался птичьим.
Я наслаждаюсь его величием.
Я одеваюсь в его обличье –
Птичье, парящее, слишком птичье!
Я воспаряю над облаками,
Я полетаю немного с вами,
Чуть полетаю, чуть помечтаю,
И моя льдинка в душе растает.

V

Не было, оказалось, совсем льдинки.
Жила по соседству одна псинка,
С лохматой грудкой и белой спинкой,
И люди прозвали ее Льдинкой.
А мне сказали — смени пластинку,
Возьми с собой лучше эту Льдинку.
Я ждать не стала. На птичьем рынке
Взяла я в дар ее, как тростинку.
Теперь ходит рядом с моим ботинком
Такая белая жучка — Льдинка.

VI

Льдинки тоже бываю преданны,
Псинки тоже бываю преданы.
Не за шкурку и не за спинку,
Просто купят ее как финку
На простом бараходльном рынке,
А затем — на цепь животинку.
Или в лес, или яд в перинку.

VII

Люд дурной совсем без разбору,
Без какого к себе укору
Разделяет на половинки
Жизнь бездомной собаки Льдинки.
Приручает — и отлучает,
То налает, то приласкает.
Но прощает болящу спинку
Добродушная псинка Льдинка.
Не растает и не подставит,
Измениться тебя заставит.
Непонятно, зачем ей это.
Так и бродит она по свету
Ради дружественного ботинка,
Человечище ты, псинка!

Виктор Колесниченко

Выпускник филологического факультета

Медленно

Старение! Здравствуй, моё старение!
Иосиф Бродский

Медленно медной крови струение.
Глаз не охватит оттенков.
Зверем крадётся за мной старение.
Голос без тембра.
Сулиная возрасту мудрость
Обернулась склерозом, отцом маразма.
А на лице отпечаталась хмурость,
Неизлечимая, как проказа.
Стройных ног приближение –
Оно не ко мне, а моё внимание
Может вызвать недоумение
И непонимание.
Лишь звери меня стали вроде любить,
А я понимать их лучше.
Явился к подробностям аппетит,
А тайны не мучат.
И звёзды стали проще и ближе.
И пальцы сжались до хруста.
И то, что я не увижу Парижа,
Не вызывает грусти.

Лет пятнадцать или чуть больше
На Земле проживает кот.
Пусть немного, но он не ропщет,
А как время его придёт,

В узелок он не свяжет вещички.
Завещанья, прощанья — вздор!
Только запах родного жилища
Он в ноздрях унесёт, как вор.

И отыщет малую ямку
Где-нибудь в углу кладовой
И свернётся клубком, как с мамой,
Но с поникшей седой головой.

И не вспомнит всего, что было,
Никому не скажет «прощай»,
Лишь вздохнет, скажет: «Стоп!» И пылью
Станет тёплый пушистый шар.

Невесомы, простодушны
Стрекозиные крыла,
Груз ракет несут послушно
Для кровавого котла.

Дождь пахнет мокрою собакой.
Собака, вымокнув, — дождём.
Дождь пахнет строчкой Пастернака
И пастернака корешком.

И ритм дождя в хорее частом.
И гром гекзаметром гремит.
И ливень лапами сграбастал
И строчки выдохнул навзрыд.

На белёном холсте января
Лишь кровавый шиповник пропустит.
Как повязка на ране, заря
Кровянится сквозь снежные струпья.

Птица редкая молча взлетит,
Оставляя колючую осыпь.
Там, где цвёт незабудкой зенит,
Ветер низкие тучи проносит.

Нахлобучим треух до бровей.
Рукавицы подтянем плотнее.
До февральских лазурных полей
Доживём, добредём, доболеем.

Самолётик в синем небе
Чертит линию, парит.
И другой за ним по следу
Устремляется в зенит.

Дмитрий Колесниченко

Выпускник филологического факультета

Оттепель

Февраль стоит не лютый и брутальный,
Каким он был, к примеру, в прошлый год.
Какой-то он совсем наоборот —
Слезливый и сентиментальный.

Откроешь утром форточку — не рык
Машин, на волю рвущихся из снега,
А с крыши или, может, с неба
Грачиной стаи раздается крик.

И ветер влажный залетает в дом,
Как будто плещет море где-то рядом,
И пристань там, не видимая взглядом,
С пришвартовавшимся волшебным кораблём.

Геральдика

В старинных книгах — ветхих, запылённых —
Гербы князей, что сотни лет в аду,
Но вот в местах, не столь уж отдалённых,
Геральдики по-прежнему в ходу.

На коже герб, как запись в личном деле,
Поведает о сроках и статьях,
Девизы, знаки, символы на теле,
Как на каретах, стягах и щитах.

Герольд не проведет неверных линий,
Кому попало не наколет храм,
Аристократ — он от регалок синий,
А рядом — сразу видно — просто хам!

Ныряю в памяти глубины.
Сквозь толщу лет
Здесь лица еле различимы,
И слабый свет.

Пытаюсь разглядеть, но тщетно –
Тут так темно!
И день вчерашний незаметно
Пошел на дно.

На небе ветер облака тасует,
Сдвигает так и сяк, мешает масти,
Играет сам с собой великий мастер,
Играть с которым мало кто рискует.

В его руках ожившая колода,
Он погружен в своей игры нюансы,
А если вдруг мудрёные пасьянсы
Не сложатся — испортится погода.

Точка зрения

Попробуйте представить на минутку,
Как будто вас закрыли на прилавке,
Где быть положено колбасному продукту.
Сидите вы, а рядом в этой лавке
Толпятся и глазеют отбивные,
Котлеты, антрекоты и тефтели,
Ветчины и колбасы кровяные —
Все дружно вас увидеть захотели.
И вашим видом потрясён безмерно
Пришедший с мамой маленький пельмень...
Представили? Вот это же примерно
Тигр видит в зоопарке каждый день.

Константин Кондратьев

Выпускник экономического факультета

Поэт, как собака — он всё понимает...
Берёт в руки вещи — руками их маёт.

Настроивши ухо — нутром звуки чует.
И мерной стопой сквозь пространства кочует.

И тьмой не укрыться от грустного ока
Поэта, чье сердце, как пёс, одиноко...

...но как по стеклу наконечником ржавым —
сухим языком по губам по шершавым...

(Памяти ушедшей неизвестно куда кошки)

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

Ни аптеки, ни огня, ни чёрной хаты,
ни советчика, ни Блока, ни врача —
только я за старым псом бреду куда-то,
палкою стуча.

Хмель цепляется за хвост и голенище...
А когда-то ты ведь тоже был ходок!..
Что же держит нас с тобою здесь, дружище?..
— Бог и поводок...

(гемофилия)

сегодня, конечно, не то что вчера
вчера бронзовело, а нынче дождит
они догадались. Они — мастера
они духовидцы, пророки, вожди
чуть-чуть солонеет, немножко горчит
во рту...
укороченный жизнью на треть
язык потихонечку кровоточит
«ни словом унять, ни платком утереть...»

(Вакхальная песня)

«Выпьем с горя, где же кружка?..»

Терпко после дождичка: выйди да разгуляйся!..

...Говорила бабушка (кто бы её слушал) —
«Играй не отыгравайся, пей не похмеляйся...»

(А чего ещё сказать этим старым клушам?..)

Говорю: «Красавица, что-то сердце щемит...»
— смотрит, улыбается... я же между делом
чую, что в буквальности —
промеж рёбер — щебет...

Но чего ещё сказать этим юным девам?..

(под рассветный щебет
закапают в щебень...)

...как поскрипывает где-то в близкой чаще
днём вчерашним расщеплённый ствол...
как потенъкивает птичкою ледащей
в голых рёбрах детский произвол...
Неужели вправду настоящий
этот лес — от кроны до корней?..
и вокруг — всё чаще, чаще, чаще...
А вверху — всё реже и синей...

Надежда Копылова

С 1975 г. по 2018 г. — преподаватель, доцент
кафедры теории литературы и фольклора

Жизнь... звучит, на все лады играет
Горем, счастьем, смехом и слезой.

И с орбиты звуки посыает
В черное пространство Шар Земной.

Распластались, держимся покуда...
Что там? Кто там дышит у руля?
Неким Чудом созданное Чудо —
Жизнь Земли, пространства, жизнь моя.

Страшно. Сладко мне — молекуле вселенной.
Что есть я? С улыбкой и слезой?
Под твоей ладонью, тоже тленной,
Я сияю в Вечность крохотной звездой.

Моей души «коснулась благодать»
Лесных дорог и снежных наслаждений,
Речных объятий и морских волнений,
Готовых забаюкать, заласкать.

Моей души «коснулась благодать»
Цветка, восхода и заката,
И тайны тайн пущистого собрата:
Глядит, молчит, как будто бы сказать

Мне что-то хочет, нет... мне не понять...

Речка юности, здравствуй. Привет.
Не суди отраженье моё:
Столько Бед. И Потерь. Столько лет!
Всё моё. Что поделать — моё.

Ну а ты, как тогда, молода.
Вон — кувшинками радуешь глаз.
Только лилий стыдливый наряд —
Он уже не про нас. Не про нас...

Дождик льет. Поливает усердно.
Под ногою пружинит наст.
Сколько радости в этом болезненом,
В этом стылом мире для нас:

Радость вздоха и радость шага,
Радость ветки, хлестнувшей в лицо.
И опят неразумное стадо
У догори в обнимку с пеньком.

Под звуки Бетховена...

Бабушке, маме, тёте

Как буду любить их,
Когда с ними
Встречусь!
Как буду любить
Недолюбленных
Здесь!
На всё их вниманье
Я нежно отвечу,

Земное отринув
Как лишнюю весть.

Как буду любить их...
Одним дуновеньем
Я памяти метки
Земного сотру.
Живу. Я живая.
А сердце трепещет —
Причастия просит
Другому Добру.

Ирина Куянцева

Выпускница факультета РГФ

Ничего не возьму за улыбку и взгляд,
Подарю просто так этих строк звездопад,
Ты на небо взгляни — для тебя все они;
Эти звёзды, и небо, и добрые дни...
Утро светом своим мило мне подмигнет,
Ну, а я вспомню это не раз, а пятьсот.
Утро — ты, до тебя — нержавеющий мост,
И в ладонях моих — чистый мир *синих* звезд.

Зинаида Лаврова

Выпускница экономического факультета

Дом в забытьи; и тишина,
В клубок свернувшись, томно дремлет...
И грёза сна на длинном стебле
Колышет занавесь окна,
Чтоб с петухами ровно в срок
Рассвет сиреневый явился,
И солнца алый лепесток
На сто зеркал в окне разбрисал.

Юрий Лебедев

Выпускник исторического факультета ВГУ, главный
редактор газеты «Воронежский университет»

Ожидал я рассвет на крутом берегу.
Он же медлил. Я думал: ещё подожду.
Словно древний, отринув познанья дорогу,
Ждал ответа от неба. Оно равнодушно к вопросам...

Почему покатилось по этой дороге
Колесо моей жизни? Сомненья, тревоги,
Не избрал бы гербовым девизом никто.
Но — с избытком их в жизни мне было дано.

Не душою, не разумом — опытом знаю:
То, что было,— игра, иль случайность слепая.
Ошибался, как свойственно людям, не раз.
Что же тут удивляться про здесь и сейчас...

Много доброго в мире исходит от нас?
Погруженных в себя или занятых очень,
Невнимательных, точно плохие мужья?
Лучше корчиться молча. Все любят себя.

Ожидал я рассвет на крутом берегу.
Не спешил он... Чего же я всё-таки жду?
День ушёл — не вернуть, не прожить его снова...
Я застрял в ожиданье рассвета иного?

Жребий брошен

Теми тропами люди не ходят случайные —
Нет дороги туда им, не знают о них.
Перекрёсток судьбы, мои грёзы печальные...
Как маяк путеводный костёр там горит.

В его свете мерцающем жребий бросают:
Кто любимчиком станет судьбы, а кто — нет,
«Жребий брошен» — звучит. И живут-поживают,
И вздыхают — вот нам бы! — великим вослед.

Мимохожим, и чистым, и лёгким, как ветер,
Я спросил, пролетая, судьбу у огня:
Что за жребий остался в корзине в тот вечер?
Ждёт кого он сегодня — быть может, меня?

Тот, кто жребий бросает, помедлил с ответом:
«Может быть, и тебя. Но ты помни о том,
Что всегда здесь в достатке недобрых остатков,
Когда в жизни идёт всё своим чередом.

Каждый шаг, что вперёд,— это шаг против бури,
Но остаться на месте сложней, чем идти.
Благодарность? Забудь. Для тебя будут дули,
И девиз твой — не бойся, не верь, не проси.

Будешь добр и умён. По тебе и дорога:
Всякий встречный дурак тебя станет учить,
Как Отчизну любить, как — жену и как — Бога,
А не хочешь — заставят, заставят любить!

Не сломаешься — станешь, понятно, сильнее,
Но что tolку — ты сам не узнаешь о том.
Жребий брошен! Что скажешь?» — Молчу и краснею,
А проснувшись твержу себе: «Это был сон!».

И живу вот. Люблю, ненавижу, тоскую,
И черствею снаружи. Есть повод — смеюсь.
На упрёки и ругань всегда отвечаю:
Моё дело — мой крест. Я его не боюсь!

Лидия Люличева

Выпускница физического факультета. Работала на факультете журналистики. Живёт в Сербии

Трамвай в лето

Словно солнышком согрета,
Я в трамвайной толчее
Вижу надпись: «Скоро лето!» —
На заснеженном стекле.
Буквы чётки, как на фото,
И легли одна к одной.
Не ребенок — взрослый кто-то
Вывел твердо рукой.
Для движения планеты
Есть закон календаря,
Но безумец жаждет лета
В середине декабря!
Чьим-то локтем я задета.
Кто-то слово бросил вслед...
«Скоро лето, скоро лето» —
Сам собой идет напев.
С этой песенкой неспетой
Отступает маэта,
Проступают краски лета
В звуках скрипки и альта.
Я в метели, как в тумане,
Но глядится в душу май.
Над снегами, над домами —
Мчится в лето мой трамвай!
Значит, есть надежда где-то,
И не век нам жить во мгле,
Если пишут: «Скоро лето!» —
На заснеженном стекле.

Aх, лето!

А летом всё ясно и просто:
За плечи рюкзак — и вперёд!
Ах, лето! Я снова подросток,
И детство пылит у ворот.
Бегу по тропинке вприпрыжку,
Упруга листва под ногой —
Пацанка в коротких штанишках
С седою шальной головой.
О Боже! Я только пылинка,
Держи меня, солнечный круг!
Не чудо ли — лето, тропинка
И запахи детства вокруг...

Пальчики

Ах, как девочки и мальчики
Торопились подрастать
И показывали пальчики:
Раз, два, три, четыре, пять...
Были смелыми и гордыми,
Всюду силились поспеть

И считали свои годы мы:
Десять, двадцать, двадцать шесть...
Вырастали и взрослели мы,
И учились побеждать.
Годы мчались каруселями:
Тридцать, сорок, пятьдесят...
...Те же девочки и мальчики,
И всё тот же пыл и страсть –
Не хватает только пальчиков,
Чтобы годы сосчитать.
Всё быстрей планета вертится,
И всё чаще рвется нить...
А нам верится и верится,
Что мы вечно будем жить!

Гимн Большого журфаковского костра

*Посвящается бардовскому фестивалю
«Парус надежды»*

На «Парусе надежды» —
Особые одежды.
Ведется здесь неспешный, душевный разговор.
Сверкает в небе чистом
Трескучий и искристый,
Огромный и прекрасный
Журфаковский костер.
Легко и незаметно
Вернётся наше лето,
Взметнётся белый парус и осенит простор.
И мы услышим снова
И музыку, и Слово,
И ярко запылает
Журфаковский костер.
На парусе надежды
Мы встретимся, как прежде,
И скажем, что журфаку верны мы до сих пор.
Ведь главное богатство –
Студенческое братство,
Гори, не угасая,
Журфаковский костер!

Пародия

*Моя любимая стирала,
Ходили плечи у нее...
Евгений Винокуров*

Моя любимая стирала
Моё несвежее белье,
И что меня так занимало —
Ходили плечи у неё.
Я наблюдал за их ходьбою,
Глядел задумчиво, светло,
Но вдруг почувствовал душою:
Ходить им страшно тяжело.
Они ходили до одышки,
Их было просто не унять.
Чтоб дать чуть-чуть им передышки,
Решил я что-то предпринять.

Я им навесил коромысло,
На нём — с водою два ведра...
Но не имело это смысла:
Ходили плечи до утра.
Сморённый, я уснул под вечер,
А утром, поглядев в окно,
Увидел: уходили плечи,
Сливаясь в белое пятно.

Михаил Маврин

Преподавал на факультете ФиПси

И ночь была, и день настал.
Мы говорили о заботах.
А в это время Вышний Кто-то
Над нами руку простиral.

Мы укрывались от судьбы
В глухих времен слuchайных складках,
А в это время соком сладким
Сады земли напоены.

Мы укрывались от себя
И о своём не говорили,
Мы полужили, полубыли,
Любить пытаясь не любя.

И мы низвергнулись в провал
Ненужных слов — ненужно пышных.
А в это время Кто-то Вышний
Нам нашу долю нашептал.

Глотает полночь вздох земли,
Седые пряди треплет ветер,
На пустырях снега белы,
Белым-белы на белом свете,
И тени по углам легли.

Еще следов в пустынях нет,
И всё былое вездесуще,
И только в окнах поздних свет —
Как будто из времён грядущих
Тепла прикосновений след.

И только там, где нет любви,
Снег заметает пустыри.

Екатерина Макушина

Выпускница юридического факультета. Работает адвокатом. Член Союза писателей России

У Каина белый галстук и чёрный «Паркер». В часы досуга перебирает марки, В ладонях вертит камни со дна морского Шлифованные — ни выростов, ни сколов.

Ладонь в ладони, подпись, обмен словами, Фуршет, где мало избранных, много званых, Постель, пастель и масло, наброски яви, Спроси спросонья: Каин, где брат твой, Авель?

А брат — убрать — сорняк, что никак не сох, От ветра набившийся в волосы песок, Рассаженная коленка, царапка кошки, Пропал — и ладно, было ведь понарошку,

Никто о нем не станет дудеть в дуду, За шиворот не потащит тебя к суду, Да было ли? Как будто когда-то в осень, Тебе — аж целых, брату — всего-то — Восемь...

Умыться — кофе — с козырьей новый кон.
— А вместо коня — шлепать бы босиком.
— Ты что, опять? Да я ж тебя вроде метко...
Расставлено, расчерчено все по клеткам,
Зачем о старом — угли, колючки, овцы?..

На зеркало дышит с той стороны.
Смеётся.

Где-то —
Я сплю под ступеньками дачного дома,
Не слыша скрипа над головой,
Не слыша вжуха палой листвы.
Они уезжают, а я —
Свившись лапками, гибкой шеей,
Так и не отданным хвостом —
Я с тобой,
До чешуйки, до крапинки,
До коротких ударов пульса —
Раз в минуту, а то и в две:
«Эй, ты здесь?»
«Конечно.
Спи».
«Мне тепло. А тебе?»
«Тепло».
До воды, до птичьего вздоха,
Не гадая,
Это ли — вправду — зовётся
Хладнокровием.

Как татары ушли — нам осталась полынная гарь,
По-над бурными бревнами дым, что монашеский
плат.

Корни сорные речи чужой прорастают словами,
Да горят твои губы багровым закатным огнём.

До французской воды, источающей память сирени,
До альковного шёлка, до пудры и фижм, до Невы —
Только жар и ковыль, вороная колючая грива,
Только руки на плечи да волосы тихой рекой.

Строки наискось, чёрным по белому, тонко и гневно.
Пролети от раздора к Рязани, от розни к резне,
Пролети и замри: да к кому же вы льнули губами?
Если тащат за косу — лобзаниям здесь не бывать.

Пыль квартиры и память — чего же, хмельного,
иного?

Пролистаю учебник — а толку в чужих голосах?
Я целую, как прежде. Сливаются тёмные строки.
И дрожит под руками полынный тягучий огонь.

По другую сторону океана
Ходят мальчики в розовом, девочки в розовом,
Каждое утро рот завязывают улыбкой,
Топ-топ ножками.
Упаси их подумать: «Чёрный»,
Упаси их шепнуть: «Красный».
Только розовый, всех оттенков
Стылой позавчерашней овсянки.
Розовый сладко липнет к зубам,
Комками набивается в речь.

А по эту сторону — чёрное — чёрным,
Грязное — грязным,
Говори, говори, говори,
Жаль, никто не услышит: провод
Вчера обрезали.

Волны лижут босые пятки,
Я кричу, кричу тебе с берега,
Что закаты красны до краешка,
Что уплыть мне не,
Мне некуда —
С аллергией на розовый сахар.

Полная чаша, глухая чаша,
Слышишь — я ща, я ща,
Я счастлива!..
Только знать бы, сумела ли
Докричаться.

О ржи, о лжи, о ржавчине — дрожа.
В озноб — из жажды. Знаешь ли, зачем?
Дождём не остужаемый пожар —
Твой рыжий блик на ободке ключей.

Шуршащий шаг, шестое чувство сна.
В основе — синью — сила осязать
Твоя. Ноябрь сыр, и ночь сиза.
Из дома в дым. Леса, листва... Одна.

Высоких сосен сотканный собор,
Где шепчется неверное «навек»...
За шесть секунд придуманный тобой —
Какую власть имеет человек!

Кристина Маркова

Выпускница филологического факультета. Член Совета молодых литераторов Союза писателей России

Я видела, как обломки рыбакских лодок втыкались мне в щеки, сетью дробили воду; пытаясь забыть свою рыбную несвободу, волна наливалась в карман. Я видела, как птицы курили тучи и пахли горевшей идеей, и были хуже чернеющих воронов, были белей и хуже — молились птичьим богам. Я видела постмодернистов, они молили не бога, кричали со сцены, в слова запечатав болезни любовных лестниц, а море питалось слезами не неба — каких-то далеких их странных песен. Я видела, как распинали культуру слова, как я лично матом крыла святую воду, культурный слой поминая водкой, страной и родом, ушедшими в рекламный щит. Я видела, что небоскребы правдивей космоса: он светит уже неживыми горевшими звездами, и я вырастаю лживой, простой, серъезною — не видящей ничего.

Серый камень

Я лежу на сером камне на сырому холме:
Постоянно чья-то песня крутится в уме,
Постоянно чьи-то руки тянут меня вширь,
И на коже оседает с рук густая пыль.
Я лежу на сером камне — рядом нет зеркал,
Помню только, ты глазами зелень отражал,
А теперь стеклянной коркой полегла роса,
И зачем-то ты полынью растворил глаза.
Я лежу на сером камне — дым туманом пах,
Разметавший вместе с ветром тишину в ушах.
И в звенящем безголосье на сырому холме
Перья ворона короной заплелись на мне...

Под сегодняшним странным Питером он сидит и жалуется, как ему одиноко и сонно. Голос в трубке становится талым и вытертым и меняет наполненность вечности на пустоту его

слов:

свет моргает и корчится,
а я ему говорю, что во мне это всё когда-то закончится,
что ему придётся заново со мной познакомиться,
что мы все одиноки, бог — это одиночество,
только вот повезло: я — атеист, а ты — не блондин,
так что не жалуйся — спи один.

Смотри на дурацкие надписи на причале,
Шути, чтобы мы, как глиняные, не молчали,
Чтоб голос звучал не песенно, не прощально,
Но странно, как твердь.
Сейчас я засуну с собой в чемоданы
Твои путеводные карты, на счастье планы,
Твои за глазами раны, рассказы о странах,
В которых мне вряд ли быть.
И пусть от тебя остается ворох ненужных шуток,
Шуршанье немых прогулок и кашель слепых
маршруток
И вера, что я не из проституток,
А просто живая стать.
Что я занимаюсь важным и нужным делом,
Что я могу быть непознанной и несмелой,
Как мне не идёт ходить в ослепительно белом,
На чувствах играть.
Зашарканым дном просвечивало за бортом:
Соленые лапы чаек, гудок аккордом —
Растрескиваюсь, только ты знаешь, как быть
твердым —
Мне страшно об этом знать.

Ирина Олей

Студентка экономического факультете ВГУ.
Член Совета молодых литераторов Союза писателей России

А лес шумел, шумел и пел,
Вершины сосен танцевали,
Ты чувствовал, но не успел
Сказать о главном. И едва ли
По закоулкам парка мы
Ходили, может, кто-то третий,
И кажется теперь сквозь сны —
Такой дороги нет на свете.
А в вышине, где свод небес,
Играют свет и тьма на пару,
Как будто мы, и грезит лес
С тобою чутко под гитару:

И в унисон, и невпопад,
И струны обнажают нервы...
Гляди, какой здесь снегопад,
Он не последний и не первый...

Пространство комнаты мало,
Луна глядит за шторы хитро,
И разделяет лишь стекло
Её и комнаты палитуру.

Разбросан грифель на столе,
И послевкусие родного,
Неясного... И дорог мне
Тобой не сказанного снова

Посыл. Излей, отдай
На суд дождей свою тревогу,
Но никогда не забывай,
И не надейся, ради Бога...

Эльвира Пархощ

Выпускница филологического факультета ВГУ.
Работает в лингвокраеведческой лаборатории
им. проф. В. И. Собинниковой при кафедре
славянской филологии

Дождь шуршит, как серебряный стог.
Под окном — топоточек капели.
Чешет облако серый истрёпанный бок
О скрипучие петли.

По-старинному теплится яканьем речь:
«При'дя твой. Погуляя — и при'дя».
Протянуться бы дымом, на волглых покосах прилечь
И вплестись в полотно — нитью.

Лаборант набирает отчёт.
А за окнами ночь
Перекатывает на ладони
Старый жемчуг расколотых лун.
Лаборант набирает и слышит,
Как вокруг замыкает кольцо
Стая ФГОСов, ЕГИСУ и РИНЦ...

А бумага бела,
будто призрак листвы на порубках,
А жемчужины катятся, падают в водоворот...

Но развеется морок.
Останется ранняя дымка
И песчинка-звезда
Между створками тучи-ракушки.

Москва — Воронеж

Поезд в ночь, как стальная иголка,
Нижет, нижет янтарины-бусы:
Милюковское, Заново, Усмань...
И татарская дочь, обернувшись протокой,
Вновь бежит сквозь метель,
с побелевшими косами;
Стук монист — в перезвоне колёсном.
То ли снег за окном, то ли пепел Рязани,
То ли кони-туманы с разрытых стоянок...
Я вернулся, родная. Метёт, замерзая,

Ветер-дворник
Пустой
полустанок.

Наталья Перепечаева

Студентка филологического факультета

Фотографии

Фотографии возвращают в прошлое,
Склеивают в единую картину прошлое,
Почему-то всегда напоминают хорошее,
Вынуждают в настоящем искать похожее,
Собирают разбившееся с развалин,
Делают значимыми детали.
В рупор кричат: «Мы были, существовали!» —
Делая каждый ушедший миг реальным...
Делая каждый ушедший миг воскресшим:
Зажигая то, что считалось сгоревшим...
Возвращают назад. Ты стоишь, опешив,
Теплом от фотографий согревшись.
Хочешь вернуться назад. Не в силах.
Как бы внутреннее ни просило.
«Лучше бы этого не было... или
Лучше бы это не проходило?»

Иди сердцем, а не ногами

Запутавшись в собственных нервных
Окончаниях,
Я пытаюсь отчаянно всё начать
Сначала.
Перевернув устоявшиеся устои в груди,
Оставить всё,
Без чего могу — позади.
Выдернуть с корнем пустые волненья,
Тревоги
И идти, куда меня сердце ведёт,
Не ноги.
Выжить впитавшийся порошок из бледной кожи
И больше не ждать,
Что мне в этом кто-то поможет.
Услышать себя. Внимать внутренним
Смерчам.

Остановиться и не искать чьи-то
Плечи.
Двигаться по инерции, без опоры
И перестать хотеть,
Чтобы кто-то понял.
Взять себя в руки, выбросить за пределы
Красных буйков. Перестать решать
Теоремы,
Перестать усложнять и без того непростую
Жизнь, в которой я постоянно
Рисую.
Не думать, не рассуждать. Анализ — на «выкл».
Вести себя так, как я совсем не привыкла.
Но быть собой в своем сумасшедшем
Цунами,
И идти вперед своим сердцем,
А не ногами.

Николай Писаревский

*Профессор кафедры археологии и истории
древнего мира*

Всё, что было не с нами на той дальней войне.
Всё приходит со снами, что являются мне.
Будто вновь я в атаке, и прервался мой бег.
Я убит или ранен. И обрушился в снег.

Иль шагаю на марше я в шинели до пят.
Смёрзся напрочь с рукою мой шальной автомат...
Просыпаюсь порою. И в холодном поту
Я форсирую Одер на разбитом плоту.

...И опять погибаю. Вновь от боли кричу.
И дожить до рассвета в бою страшном хочу...
Вижу, до передышки не взята высота...
Стынет в глотке охрипшей крик
«За Ро...» и «За Ст...»

Елена Правда

*Выпускница филологического факультета,
доцент ВГПУ*

Иметь — зависеть,
иметь — платить,
иметь — беречь и бояться,
страдать, потеряв.
А не иметь — быть свободным,
не иметь — быть спокойным:
нечего терять — нечего жалеть.
Не иметь — значит ЖЕЛАТЬ,
ощущать душу свою живую...

Предновогоднее

Раздам последние долги — и снова в путь.
Молю, о Боже, помоги хоть чем-нибудь!
Даруй мне силы — не прошу иных щедрот.
Душе остылой дай поверить в Новый год!
И, если можешь, отпусти мои грехи,
Чтоб кто-то тоже мне простил мои стихи.

Аркадий Пресман

Выпускник филологического факультета

Когда поэзия молчит...

Поэзия в осадок выпала.
Должно быть, вовсе не нужна.
Из неживых тихонько выбыла
и от живых отрешена.

Взмывало время поэтически,
свергая лживую строку.
Давно уже Политехнический
не собирает публику.

Любые залы брали силою,
немилосердно гомона.
Грассировал красиво Симонов,
на бис читая «Жди меня».

А девушка почти что пела.
Стихи угадывали вмиг
и повторяли: «Это Белла,
её манеры и язык».

Эпоха дерзкая недаром
рождала крупную волну.
Недаром Женя «Бабьим яром»
гипнотизировал страну.

Крамольно бередила душу
отвага своевольных слов.
Булата в март великолужный
вела мелодия стихов...

Затихло всё. Строптивый Пушкин
в торжественную бронзу влит,
а выступать готовы пушки,
пока поэзия молчит.

Россия пашет, сеет, косит,
не зная за собой вины,
и в бой пойдет — и только спросит:
«Хотят ли русские войны?»

Две книги

Я знать не знаю, кто звонил
и на меня донёс.
Я на беседу вызван был,
вернее, на допрос.

Перед майором я стоял,
как будто злейший враг:
— Когда и кто тебе давал
«Архипелаг ГУЛАГ»?

Пятнадцать с половиной лет
мне было, пацану.
Казалось, меркнет белый свет,
и я иду ко дну.

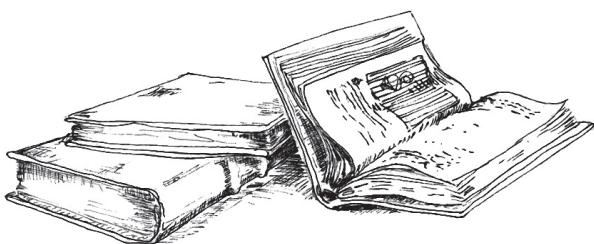
Но выплыл, будто на волне,
к спасительным словам:
«Подбросил кто-то книгу мне,
а кто — не знаю сам».

Мне не поверили тогда,
но отпустили всё ж.
Как выручает иногда
наивнейшая ложь.

Легла на автора вина.
Майор, помягче став,
мне обменял ту книгу на
«Как закалялась сталь».

Приметой памятного дня
принёс её к себе.
Она хранится у меня
с пометкой КГБ.

А время чудного чудней.
И вовсе не как враг
стоит на полке рядом с ней
«Архипелаг ГУЛАГ».

*Моему отцу, Григорию Аркадьевичу
Пресману, посвящается.*

Когда маразма лёд натужно тронется
и прояснится времени оценка,
страна моя очнется и опомнится,
и наградит посмертно Евтушенко.

И слово сокровенное, не пресное
найдёт, пожалуй, для поэта Пресмана,
который был пускай не знаменитым,
а всё же удивительным пионом.

Не зря его учила и растила
к идеализму склонная Россия.
По правде жил, порой почти безденежно,
зато хранил своё призванье бережно.

Наивный и доверчивый на редкость,
он верил в справедливую советскую.

Развал державы оправдать не в силе,
писал стихи для будущей России,
где правят вместе, никогда не ссорясь,
благородство, доброта и совесть!

Валентин Рахманин

*Вечный (с 1948 г.) студент, экс-профессор ВГУ,
доктор философских наук*

Время раскрывает бытие

Где-то ничто, ну а где-то и нечто...

Время — сквозняк бытия.

В каждой котомке заплечной

Неисказанность своя.

Камень ли капли источат

Иль океан сберегут,

В таинстве их многоточий

Свой исторический суд.

Чьё-то столетье уходит;

Чей-то свой час настаёт.

Солнечный ветер

нас колобродит,

Или — наоборот?

Мудрость вскрывает беспечность

Всех поворотов круtyх.

В каждом мгновении вечность

Всех несвершений моих.

Катится шар по наклонной;

Мысли бредут в голове...

Свистни мгновенью вдогонку —

Эхом откликается век.

Времени звёзды подвластны,

И к бытию откровенья ключи...

Может быть, всё ж не напрасно

Мой метроном стучит?

Жизнь как жизнь. Экзистенция

Кто-то идёт по дороге;
Кто-то бредёт без пути;
Кто-то стоит у порога,
Смелости нету вйти.

Непредсказуемость рисков,
И нетерпения дрожь.
Есть откровение истин,
Но соблазнительна ложь.

Сердце и мозг в диссонансах
Строят и рушат мосты...
И беспредельность пространства,
И неуёмность мечты.

Радость и горе посменны.
Время не терпит застой.
Прячется вечность в мгновеньях,—
Их называют Судьбой.

Бывает всё и всяко,
И звёзды падают во мгле...
Но вспомни, что у Пастернака
Свеча горела на столе.

Когда напиться хочешь в доску,
Сгорит последняя свеча,
То, как Владимир Маяковский,
Ты Солнце пригласи на чай.

Сонет

Хочу предупредить заранее,
Чтобы не тронула печаль:
Я буду уходить в тумане
Не в очарованную даль.
В безвестной дали заблужусь,
Искать дорогу не умея.
О чём-то горько пожалею,
Но светлой будет моя грусть.
Тебе доверю откровенье
Во всех сомнениях моих:
Когда исчезну я в забвенье,
То в развороте дней лихих,
Чтобы продлить сердцебиенье,
Тебя найдут мои стихи.

Диалог с Мартином Лютером

Поведал Мартин дерзко правду.
Он был немало озадачен:
«Hier stehe ich — ich kann nicht anders»
(Я здесь стою — я не могу иначе).
Я с Лютером почти согласен,
Хотя читал его не много.

Необходима всё же ясность.
(Отнюдь не в толкованье Бога.)
Hier stehe ich! — Долой догматы!
В которых нет свободе света!
Любая проповедь не свята,
Коль затмевает человека.
Hier stehe ich! — Но там ли правда?
Вокруг гудят лихие вихри.
Свободомыслие — отрада!
В сомненьях разум не утихнет.
Ich kann nicht anders.— Я свободен.
Но беспределу нет простора.
Закон тогда всему опора,
Коль справедлив он для народа.

Олег Рахманин

Выпускник физического факультета

Укрывшись мамкиным хвостом,
На солнце дрыхнет жеребёнок,
И видит он себя спросонок
С роскошной гривою конем...

Пройдёт совсем немного дней —
Он побежит быстрее ветра,
Назад швыряя километры,
И с каждым стартом все резвей...

И очень скоро, мой рысак,
Ты станешь сильным и проворным
В борьбе и тренинге упорном...
Ну, а пока что — только так:

Укрывшись мамкиным хвостом,
На солнце дрыхнет жеребёнок,
И видит он себя спросонок
С роскошной гривою конем!

Мне тебя не хватает чертовски,
Но, как прежде и как всегда,
Каждый день я всхожу на подмостки,
Покоряя игрой города.

Обомлев, рукоплещут мне ложи,
Потрясённые жизнью иной.
Моей дружбы ищут вельможи,
Господа лебезят предо мной,

Но под фортепиано хрипатое,
Под оркестр с дырявой трубой
С тихим шелестом занавес падает,
Каждый вечер занавес падает
Гильотиной меж мной и тобой...

...И мальчик с гитарой в обнимку
На этом полночном дворе.
Б. Окуджава

Свеча чуть колышется и оплывает,
Капает воск в стакан.
Где-то на древнем органе играет
Бах Иоганн Себастьян.

Шелест дождя бесконечною фугой,
С ним заодно
Ветер в обнимку с печально-подругой
Бьётся в окно.

Город распахнут для музыки старой.
Что это — снова орган? —
Мальчик в обнимку с бобровской гитарой,
Бах Иоганн Себастьян.

Вариация на гусарские романсы

I

— Дай гитару, старый друг,
И наполни чаши пуншем.
Мы с тобой решим не вдруг,
Чья возлюбленная лучше.

— Погоди, моншерами,
Я чуток подстрою струны.
Будем петь мы, чёрт возьми,
О божественных и юных!

II

...Ментик скинут на плечо,
И гремят победно кубки,
Прославляя горячо
Щёчки, локоны и губки,

Эти очи, что верней
Вражьей пули в сердце метят,
Эти ножки, что стройней
Не отыщешь в целом свете...

III

— Под крути-ка бравый ус,
Что с тобою, брат, мы тужим?
— Что грустим мы? Вот конфуз! —
Любим мы одну и ту же!..

А. Грин, «Серый автомобиль». Вариация

...Мне кажется, что временами,
С пыльных сайдя витрин,
Куклы глухими ночами
Покидают тайком магазин...

Бездумны и бессердечны,
Облик принял людской,
Они исчезают навечно,
Смешавшись наутро с толпой...

Замотаны бытом, делами,
Мы день прожигаем за днём...
А куклы идут рядом с нами,
Но мы их не узнаём...

Лев Рудковский

Редактор, ведущий библиотекарь ЗНБ ВГУ

В Пушкинском сквере

И тянет меня в этот ветреный вечер
К воздушной беседке, что город воздвиг.
Темнеет. Душа в ожидании встречи,—
А сердцу тревожно: свидания миг...

Вернуться бы в прошлую позднюю осень,
К заросшему полю с весёлым ручьём,
Запомнить бы неба холодную просинь,
И снова к поэту, и думать. О чём?
О людях, идущих по улице мимо,
О радуге света вокруг фонаря,
О вяжущей горечи терпкого дыма,
О золоте листвьев в конце ноября.

О, как же к нему обратиться, поэту —
О жизни поведать, о доле своей.
Я молча побуду, мечтая о лете,
О солнце у моря и празднике дней.

«Чернозём» Мандельштама

Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте!
Ну, здравствуй, чернозём: будь мужествен, глазаст...
Черноречивое молчание в работе.
О.Э. Мандельштам

Кройли чернявшую гладь чернозёма
Наседливым роем в дыму трактора
Ударником-плугом, порой невесомым,
Взрыхлённые земли степного ковра.

И как же пробиться в ленивую зелень
Набухшего поля цветущей порой,
Где пастья дышала рядами расщелин
И чёрные волны катили горой.

И дороги эти слова Мандельштама,
Зовущие в тёплые, ясные дни —
Подальше от вечного шума и гама,
И кажется легче — душа не садnit.

А в памяти след седовласого дыма,
Суетные птицы и сумрак ночей,
И ветры, пугливо летящие мимо,
И злые ухмылки Его палачей.

Ясные зори

А жизнь так похожа на отблеск огня,
На яркую радугу в небе —
Мечтаю, седую берёзу обняв,
Забыться под ласточкин щебет,
С утра пробежать босиком по траве,
Упрямому ветру навстречу,
И поле окрасится в розовый цвет,
И росами будет расцвечен.

Я помню замедленный времени бег,
Пшеничное сонное море —
И что ещё нужно тебе, человек?
Лужайка и ясные зори!

Глухими снами я томим —
То двери настежь приоткрыты,
То крыши хмурые сердито
Кривлялись улицам немым.

И ветер пел как заводной,
И фонари в беззвучной муке
Тянули скрюченные руки,
Мигая светом надо мной.

Воронеж словно онемел,
Не ожидая пробужденья,
И рассвело, и сновиденья
Ушли куда-то... Гром гремел,
И в сквере ветreno и сыро,
И ливень бил дома с размаху...

А я шагал уже без страха
По тропам солнечного мира.

Мила Семёнова

Выпускница биолого-почвенного факультета

Город серый. Междузимье.

Город из нагромождений;
От домов там нет спасенья,
Громыхают в нём машины,
Пахнет в городе бензином.
Серо всё — асфальт и стены,
Хмуры люди в шубах серых,
В серых шапках и пальто,
Превращаются в ничто.
Лужи стылы, словно маски,
Под ногами серость квасит.

Даже травка на газоне
Вопиет о межсезонье.
Пережить бы пережиток;
Время скошено как жито —
Жидок дождик, жидок снег —
Непогода без утех.
Взять бы краски и раскрасить
Сквер, площадку, школу, ясли,
Насадить зеленых ёлок,
Снега высыпать ведёрком.
Междузимье, междуосень
Пережить непросто очень.

Игорь Серавкин

Выпускник геологического факультета, главный научный сотрудник института геологии Уфимского Федерального исследовательского центра РАН

Экскурсия «Петропавловск-Камчатский — Курильское озеро» (после Всесоюзного вулканологического совещания)

Паужетка, Паужетка...
Солнце светит очень редко,
Ночью бродит по кустам
Страшный зверь слонопотам.

Было мало обнажений
Вулканических пород,
Зато часто обнажался
У источников народ.

Показал Камчатский край
Нам Литасов Николай,
И подарком был для всех
Белозубый Колин смех.

Вроде главного каюра
Был для нас Стефанов Юра.
Пряча в бороду улыбку,
Красную ловил он рыбку
(Кижуч, нерка и кета —
Метр от пасти до хвоста!).

Мы поездку принимали
Как весёлую игру
И экзотику хлебали
Прямо ложкой, как и кру.

А на озере Курильском
Был 13-й медведь.
Миша ночью ухитрился
Дверь снаружи запереть.

С Паужеткою прощаясь,
Мы имеем грустный вид,

Часть души здесь оставляя,
Там, где сердце — Алаид.

Турецкие мотивы

Турция, Понтийские горы, Трабзон

В свежей зелени каньоны,
Вниз стремятся водопады,
Прорезают кручи склонов
Их хрустальные каскады.

Далеко в горах мечети
Видят Землю свысока,
Минареты, как ракеты,
Протыкают облака.

Сея в сердце грусть-тревогу,
Завывает муэдзин,
Призывает душу к Богу,
Тело ж рвётся — в магазин.

Чтоб забыть тоску-тревогу
И не слышать этот вой...
И вообще — пора в дорогу
Из турецчины — домой.

Кукушка

Накукий, кукушка,
Ты мне много лет,
Может быть, счастливый
Выпадет билет?

Забурлит, как прежде,
В моих жилах кровь —
Светлые надежды,
Поздняя любовь ...

Что же прекращаешь
Ты своё «ку-ку»?
Или крест ты ставишь
На моём веку?

Или врут приметы
И не вышел срок,
Мне житейской сметы
Подводить итог?

Не кукий, кукушка,
Брось свои «ку-ку»!
Улетай, подружка,
К своему дружку.

Не тобой закручена
Моей жизни нить,
Сколько нам отпущено —
Так тому и быть!

Светлана Симонова

Выпускница факультета РГФ

Осенний бал

Пришёл октябрь опять.
Открыт осенний бал.
Природа пышно лето провожает.
А ты хотел бы знать,
Каких страостей накал
Тебя в холодный месяц ожидает.
Расфранченный и злой,
Трёхцветною листвой
Тебе в лицо столетний клён бросает.
А где-то высоко
Свободно и легко
Куда-то птичья стая улетает.
И воздух чист и свеж,
И всполохи надежд
Октябрьских красок буйство пробуждает.
И знает старый клён,
Что ты почти влюблён,
И, осыпая листьями, вздыхает.

Сердце дракона

Пожилая уставшая женщина
Предлагала нам «сердце дракона»,
Улыбалась в лицо доверчиво:
У Нячанга свои законы.
Тёмно-красный, как маком обсыпанный,
Плод лежал у тебя на ладони.
Жёлто-розовым солнцем залитые,
Мы смотрели на «сердце драконье».
Ты рукой разломил его левой,
Запах в воздухе плыл восхитительный!
Я почувствовала себя Евой,
А тебя — змеем-искусителем.

Первый снег

Первый снег явился ночью,
С осторожностью, украдкой.
А потом подтаял, точно
Поиграть задумал в прятки.

Выпал, словно бы случайно,
Лёг на землю лентой тонкой.
Там и здесь следы оставил,
Как рисунки у ребенка.

Где-то мельче, где-то шире,
Где-то чуть мазнул по краю.
Задержался на рябине,
А под ней — совсем растаял.

Воробы с весёлым чиром
С красных ягод снег сбивают.
Белый снег кружит над миром,
Будто всё о мире знает.

Елена Смолицкая

Преподаватель юридического факультета

Мы сделаны из капелек огня

Мы сделаны из капелек огня
И из земли, обласканной водою,
Оживлены невидимой рукою.
Вот ветка — продолжение меня...

В нас суть одна, и кровь, и плоть одна.
Вот стрекоза — частица нас с тобою...
Она, как мы, сверкнёт на миг звездою
И в глубь земли опять нырнёт до дна.

Не плачь. Мы здесь, чтоб глина ожила,
Смотрела в мир, цвела, летала, пела,
Стремилась ввысь, познать себя сумела,

Чтоб неотмирный дух в себе нашла
И, им себя наполнив до предела,
С землёю небеса переплела.

Ярлычник

Мы встретимся за рамками конфессий,
Догматов, политических идей
В одну из передач в Санмаре сессий
Средь ищущих и страждущих людей.

Ты будешь спорить и кричать о «важном»,
Я буду лишь вопросы задавать,
Чтоб, спотыкаясь на пороге каждом,
Ты логику свою направил вспять.

«Аллах акбар» и «смерть жиdam» рифмуя,
Пожар войны неистовствует вновь.
Сорви все ярлыки — тебя прошу я.
Что выше всех учений?..

Эмма Старова

Училась на физическом факультете

Ленинграду

Когда среди зимы морозной
Речные ветры прилетят,
Когда чуть синий влажный воздух
Окутает притихший сад

И белые цветы из снега
Запахнут терпко, холодно,
Когда, не думая, с разбега,
Поверишь в то, что не дано,
Когда ушедших дней былье тени
Меня уводят мыслями назад,
Мир заполняют милые виденья —
Я вспоминаю Ленинград.

Тревожно на душе

Перед весенным, ласковым рассветом
Бывает тихо, как в лесной глухи,
Всё замирает, чтоб услышать это —
Прощанье улетающей души.

.....
Нет, кажется, причины для волненья,
А всё ж тревожно, неспокойно мне.
Быть может, это горечь сожалений
О том неповторимом, светлом дне.

Остались в памяти: луч солнца тонкий,
Что светится в прозрачной лужице,
Твой взгляд, и босоногая девчонка,
Смеясь от счастья, в танце кружится.

Годы прошли, тебя уж нет на свете,
Но иногда, в рассветной тишине
Своим дыханием приносит ветер
Слова, что до сих пор живут во мне.

Вслед за тобой мы этот мир покинем.
Станем звездой, что слушает живых,
Вершиной снежных гор в просторе синем
Или кусочком неба для родных.

Екатерина Стрельникова

Магистрант филологического факультета

Гололед

В городе оттепель, в городе тает воздух,
Трубы укутаны шарфом табачного дыма.
В городе пробки, автобус уполз, и поздно
Переродиться в себя, как когда-то было.

Ёжится пепел-сугроб, до земли промокший.
Ноги залил Иордани проспект ватный.
А под водой только тоненький лёд, и подошка
Тихим предателем вбок и чуть-чуть обратно.

Скользко себя удержать, чтоб звучало гордо,
Чтобы колени — не в кровь и синяк саднящий.
Тяга к падению или сама природа
Свергнут тебя к миллионам других пропащих.

Как собачонка скулит над разбитой лапой
И умоляет душе дать покой и отдых,
Толпы людей, поскользнувшихся вдруг когда-то,
Тонут в холодных проспектных святых водах.

Нет и не будет ковчега и голоса свыше,
Сгинет в тумане пророк, как смиренный безумец,—
Только подтаявший снег со стальной и покатой
крыши
Ринется лезвием вниз на Помпеи больших улиц.

Обратно

То, что бывало белым,
Станет сегодня черным,
Будет отчётило в дымке,
Душащей шарфом ночь.
Если погасло солнце
В терниях золочёных,
Значит, пора стреляться
Или ломиться прочь.

Прошлое было правдой,
Прошлое было ложью,
Часто сбивало с толку
Или сбивало с ног:
Даже кусок бисквита
В тусклом кафе дорожном
Значит нагар и копоть
На полюсах дорог.

И в пустоте холодной
Сумрачная ротонда
Вздрогнет, качнёт плечами
И распадётся в прах
Лишь потому, что кто-то
Глупым кутёнком в воду
Прыгнул и тронул лапой
Стрелку на всех часах.

Дрогнула, пошатнулась,
Знает, что ей негоже
Думать о том, налево
Или направо ползти,
И разбежалась стрелка,
Выпрыгнув вон из кожи,
На бесконечно жутком,
Пляшущем вспять пути.

После войны и битвы
Много больных солдат.
Им отрезают руки
И отдают назад.

После дорог обратных
Въедливый страх возник.
Быть на столах больничных
Стопкам заразных книг.

Вылечить их так просто!
Лишь распахнуть им руки
И без наркоза вырвать
Из переплетов спин.
Будут они калеки,
Будут молчать, и звуки
Не упадут камнями
В пухлую ложь перин.

Мир превратится в бездну,
Как бриллианты — в уголь,
Тонны страниц — в деревья,
В глиняный торф — дома.
Бешено и пугливо
Звёзды летят отсюда,
И бесконечным взглядом
Их принимает тьма.

То, что чернó сегодня,
Было когда-то белым,
И сиротой когда-то
Злая считалась дочь.
Если лжецы и трусы
Вдруг превратились в смелых,
Значит, пора стреляться
Или ломиться прочь.

Душа

Горька она бывала и сладка.
Зарытая, готовая вспорхнуть.
Её давно продали с молотка,
И мне так нужно вновь её вернуть.

Не жаль мне кровь горячностью травить —
Ни яда не боюсь я, ни огня.
Я так готова пристально любить,
Что страшно за себя и от себя.

Сгорая, не оставит ни следа
Души моей бессмертный бриллиант.
За ним войду в подземные врата
И отобью у дьявола назад.

Гонимая ветрами пустоты,
Забытая в барханных берегах,
Я душу берегу от наготы,
Качаю, как малютку, на руках.

И всё затем, чтобы к твоим ногам
Упасть, в тумане глаз увидеть свет...
В безмолвии протянутым рукам
Вручить её — на милость или нет.

Бегут поезда, так бегут — не догонишь,
Пронзают горбатые волны-край.
Уже позади оказался Воронеж —
Печаль двоебрежая, юность моя.

Попутчик сошёл, и в плацкартном вагоне
На целое место свободней вздохнуть —
И в гулкой ночи я стою на перроне
И молча смотрю на прошпаленный путь.

Вагон крепко спит, пропотевший и душный,
Отшторенный храпом от разных тревог,
И тусклыми окнами так равнодушно
Глядит, как я бьюсь в перепутье дорог.

Ты тронешься скоро и тут же утонешь...
Бежать! Проломиться сквозь вязкую ночь!
Ты сможешь принять меня, тихий Воронеж,
Как старый отец свою блудную дочь?..

Всё кончено. Было, прошло и забыто.
Сгорит с первым криком рождённого дня.
И только созвездия пляшут ехидно,
И месяц с улыбкой пронзаёт меня.

Я согласна быть зарытой
За оградой, без креста,
В пашне, пахарем изрытой,
В запах прелого листа,

На холме, пересеченном
Веной прожитых боев,
В задымлённом, обречённом
Теле старых городов.

Я вселюсь весёлой мавкой
В дух степей и жар дорог,
В зыбь озёр под гнетом жалкой,
Самой терпкой из тревог.

Я нарочно не для рая.
Он велик своей ценой.
Я её не принимаю
Своей грешной головой.

Только в сумерках спокойно:
Солнце раны бередит.
Молчаливо и нестройно
Ствол осиновый стоит,

Потерявший одеяло
Золотых осенних дней,—
За оградой, где немало
Непокаянных людей.

Полночь

Шестнадцать минут сентября
Качнулись, как маятник старый,
Как пара веков бытия,
Как путник, с дороги усталый.

Ты выйдешь, от воздуха шаткий,
По юности листвьев скорбя.
Плечам чтобы не было зябко,
Руками укрою тебя.

Мне кажется, сгинут столетья,
Земля потеряет черты —
Останется шепчущий ветер
И осени пьяная стынь.

Весна?

За зелёной весной — тишина,
И не слышат деревья ни звука.
Я давлю слишком нервно на
Кособокий пробел ноутбука.

За окном небеса — синий,
Резко пахнет сырой сиренью,
И белёсые корабли
Раскидали большие тени.

Самолёты летят домой
И морщинят небесный саван.
С непокрытою головой
Рвётся женщина в двери храма.

Где-то злится гроза сварливо
И вразвалку сюда идёт
С небывалой доселе силой
Покарать наш людской род.

По прозрачной сухой жаровне
Где-то вплавь, а местами — вброд
Мимо старой больной часовни
Жёлтый лист плывёт.

Прикоснулся он чуть устало
К растрепавшимся волосам
Той, убитой в дверях храма,
Не допущенной к образам.

А потом будто бы легко
Закружился безмолвно и,
Умирая, влетел в окно
И упал на ладони мои.

Екатерина Ступникова

Студентка факультета компьютерных наук

Одинокий человек

Я, опоздавшая на век,
Кричу, пугая птичи стаи,—
Мой одинокий человек,
Мы ничего не выбирали.

Лишь мимолетом, сквозь года,
На перекрёстке поколений,
Мы повстречались на мгновение
И попрощались навсегда.
Теперь я слышу только снег,
Что место встречи заметает,
Мой одинокий человек,
Тебя до боли не хватает.
И только вера, только стук
Тобой запущенного сердца
Мне открывает мир вокруг
И заставляет приглядеться.

Снова руки твои обо мне и о нас,
И глаза непристойно раздеты.
Я с тобой — в безоглядное это сейчас,
В ароматную поросль лета.
И не важно, о чём спорят наши слова
И что было когда-то и будет.
Нет вокруг никого, только ночь и трава —
Нас никто никогда не осудит.
Как в последнем мгновении жизни своей,
Обнимаем холодные плечи,
И становится будто немножко теплей,
И как будто становится легче...

Александр Тарнов

Выпускник исторического факультета

Я *ещё* никого не любил.
Я *сложнее*, чем *сверстники*, был.
Я *учусь*. Мне *ещё* всё равно,
А они *целовались* давно.
И. Селезнёв

Мой сосед уже третьего сына
Из роддома выносит, гляжу.
Только я, здоровенный детина,
Нецелованным с детства хожу.

Я храню свою девственность строго.
Я с одной лишь наукой дружи.
И, признаюсь, в неё понемногу
Целомудренным мужем вхожу!

Однокурснице Татьяне Даниловой

Ах, Татьяна! Где Вы? С кем Вы?
День за днём идут года...
Помню, как на курсе первом
Взгляд ловил Ваш иногда.

Было Вам тогда семнадцать.
Хороши, милы собой!

Ну а мне чуть-чуть за двадцать.
Наша жизнь текла рекой.

Не встречались. Не дружили.
Лишь записочки в стихах.
Видит Бог, чисты мы были
И в улыбках, и в мечтах.

Я об этом вспомнил, Таня,
Ни с того ни с сего.
Может, знак в том есть иль тайна,
А быть может, ничего.

Предо мной альбом. В нём лица,
Телефоны, адреса...
Выпуск наш мне часто снится.
Смех, улыбки, голоса...

Эх, Татьяна! Где Вы? С кем Вы?
День за днём прошли года.
Помню, мы на курсе первом...

.....
Ох, влюблён же был тогда!

Ольге

Зелёный май. Весна. Сирень.
На подоконнике огромный,
Махровой шапкой набекрень,
Стоит букет лилово-тёмный.

Красив! Нет слов. И от него
Струится запах жизни юной.
Как будто не было снегов
С холодным блеском ночью лунной.

Обласкан солнцем. Ветерок
Колышет лист его упругий...
Давным-давно я дал зарок —
Дарить такой букет подруге.

Но время лечит. От обид
Осталась в памяти лишь тень.
И это чудо вновь стоит
Махровой шапкой набекрень!

Alma mater

Посвящается встрече выпускников истфака 1983 г.

Август был. Была суббота.
И семнадцатого дня
Добровольно все с охотой
Мы собрались, как родня.

Двадцать пять — не так уж мало.
Каждый третий выпускник.
Тридцать лет как не бывало!
Все бодры. Никто не сник.

Поцелуи и объятья,
Главный корпус... Боже мой!
Так, наверно, сёстры, братья
Возвращаются домой.

ALMAMATER, дни и ночи,
Где б ни жили — мы с тобой!
И поверь, что очень, очень
Дорожим такой судьбой!

Успокоившись от первых
Впечатлений, разговор
О заботах повседневных
(А они как на подбор)

Повели, вздыхая грустно,
Но с улыбкой и душой
(Обходя кой-что искусно),
Выбор тем всегда большой.

А потом, уже в музее,
Выступали под опрос.
Помню, не было фузеи...
Михаил, реши вопрос!

Продолжалось всё в застолье,
И никто там не был пьян.
Курс держал наш дядя Коля,
Он моряк и капитан.

Тост за тостом речи льются...
Ну, ещё бы столько лет
Ждали мы сюда вернуться
В исторический момент!

Добрый словом помянули
Всех живых, кого уж нет.
Как же быстро дни минули,
Как прочитанный сонет.

Славно было! День, как птица,
Незаметно пролетал.
Все свои. Родные лица.
Часто вас я вспоминал!

А под вечер, как стемнело,
Словно девица со сна,
Чуть застенчиво, несмело
Улыбнулась нам луна.

Наша верная подруга
Лет мятежных и ночей.
Не вернуть их. В час досуга
Не зажечь нам тех свечей.

Но зато есть дети, внуки,
Дальше с ними познаём
Составные той науки,
Что историей зовём.

Расставались, как соседи,
Обещав звонить на днях.
На ночёвку к дяде Феде
Кто-то съехал второпях.

Кто-то ойкнул. Стон раздался:
Ну ведь надо же! Каблук...
Кто — не помню — всё старался
Записать на ноутбук.

Мужики на путь-дорожку
Посошок один-другой...
Хорошо погладить стёжку,
Что ведёт тебя домой.

В общем, встреча состоялась.
Удалась! И в добрый час
Доброй памятью осталась
В сердце каждого из нас.

Дни бегут. Их не догонишь.
А задуматься — зачем?
ВГУ, истфак, Воронеж —
Не заменишь их ничем.

Божья милость в том, что помним
Мы друг друга столько лет.
А собравшись вместе, вспомним:
Правда было или нет.

Не скрываю: мне приятно
(И вдвойне большая честь)
Описать ту встречу внятно,
Чтоб при случае прочесть.

Владимир Тулупов

Декан факультета журналистики

Из лирического дневника

Из окна — привычный вид,
но сегодня он волнует:
это ветер детства дует,
это память говорит...
Кучевые облака
в голубом бескрайнем небе,
в том краю давно я не был —
так дорога далека...
Там высокий небосвод,
там простор: и лес, и поле,
коны в табуне на воле —
жизнь как будто без забот...

Июньский лес, июньский вечер,
листвы зелёной сочный хром –
пейзаж обычен, даже вечен,
и что же мне в пейзаже том?..
Берёзы, ивы и осины,
и свечки стройных тополей –
столь в скромности своей красивы,
что нет их, кажется, милей...

...В шутку и всерьёз**Медицинские страдания
МРТ закрытого типа**

Надели шлем, засунули в трубу,
закрыли люк, и я как будто в пасти
бесчувственной машины. Ту-ду-бу –
забили молоточки.... Да, напасти
такой ещё не чуял организм.
Я — космонавт! Гагарин я, Попович!
Одна лишь мысль: спущусь ли нынче вниз?
Земля, не забывай: здесь — твой питомец!..
В иллюминатор я шепчу: когда,
когда свой путь закончу на орбите!..
Седьмая с потом отошла вода...
Но чу! Я слышу: «Пациент, сходите!»

В юности весёлая капель
разгоняла кровь в упругих жилах.
Возвращают старческие силы
капельница нам, увы, теперь...

Ортопедический матрас,
ему подобная подушка,
ах, как я поздно встретил вас –
скелета друга и подружку...

Из цикла «Типы и роли»

Потуплены глазки,
улыбка чуть-чуть —
лжескромница, маску
надеть не забудь.
Иначе увидят
недобрый твой взгляд —
про страсть ненавидеть
уже говорят.
Где тонко, там рвётся —
несётся молва,
пусть дьявол смеётся:
«Слова — лишь слова...»

Из цикла «Вредные советы декана»

Если вдруг начальник утром
к вам нагрянет для проверки
или просто так — проведать
вдруг на кафедру зайдёт,
вы навстречу не вставайте,
отвлекаясь от беседы
со студентом ли, с коллегой
(можно даже что-то буркнуть,
отвернуться), и тогда
vas никто, никто (поверьте!)
в подхалимы не запишет –
лучше (нынче это модно)
Хамом грянувшим прослыть!

В год жёлтой свиньи станет жёлтая пресса
желнее, наверно, стократ...
А люди краснеют, не выдержав стресса,—
достал этот телеразврат...
Достал всех Малахов, достал всех Борисов
и Шепелев Дмитрий, увы,—
не хочется видеть нам их бенефисов
и всей этой телебратвы.
Какое же, право, творят они свинство
(слова — не в обиду свинье)!..
А чтоб не творили впредь ТВ-бесчинства,
ударим по ним пресс-папье!

Сергей Фролов*Выпускник филологического факультета***В лодке**

Говорил я в жизни много слов,
Потому что делал мало дел.
Долго в этой лодке грёб веслом,
Суетливо, нервно — как умел.

Вот и берег... Здесь бы отдохнуть
И сдержать свой торопливый пыл,
А я свесил голову на грудь
И боюсь признаться, что — приплыл.

И прозрачна и на вид хрупка
Между мной и берегом стена;
Напирает мутная река —
Но как твердь небесная она.

И мне глаз на берег не поднять —
Заслоняюсь, словно от огня:
Там стоят мои отец и мать
И печально смотрят на меня.

Там все те, кого недолюбил,
Недопонял, не признал суда,
От кого, казалось мне, уплыл
В этой лодке раз и навсегда.

Там Господь, которого смешил,
Выбирая, золото иль медь;
Там всё то, чего не совершил,
А верней — не дал себе посметь.

Если б знать, что время-круговорть
Не сейчас накажет, так потом!
Бъётся лодка в призрачную твердь
То кормой, то носом, то бортом...

Непогода

Можно только мечтать,
Чтоб с тобой погулять —
Дождь идёт проливной.

Ты ругаешь, смеясь,
Деревенскую грязь:
Ну, какое кино?

Да, в деревне у нас
Что вчера, что сейчас —
В общем, не Ленинград.

Два иль три фонаря
Только тужатся зря,
Еле-еле горят.

— Ну, да ладно, пойдём,
Как-нибудь добрёдём,
Ведь тебя не унять.

А кино — про любовь,
Будто нашу с тобой:
Ничего не понять.

Мы сходили в кино...

Это было давно.
И не вспомнил бы, но
Дождь идёт проливной.

Ветер в листьях шумит
И заслонкой гремит
Жестяною печной.

Сокровенное

Сколотил я стол дубовый во дворе...
Посидеть бы нам всем вместе в сентябре.
Осень скатерть-самобранку развернёт,
Разноцветною листвою уберёт.

Знает Бог один, как буду вам я рад!
Будем снова, как и много лет назад,
Песни петь и бесконечно говорить,
Будто юность нашу сизнова творить.

Нам несметное сокровище дано:
Дружба, время, хлеб насущный и вино.
Будем тратить его скрупо, не спеша —
Отдохни, нетерпеливая душа.

И костёр пусть долго, медленно горит,
И пусть сердце о минувшем не болит,
И Господь пускай нас, грешных, посетит
И преломит хлеб, а значит, и простит.

Ненужная встреча

С ума сходили соловьи,
И было муторно и лунно,
И было скучно и заумно,
И вовсе не было любви.

Но в этом всё же что-то есть:
Странней, чем тайны мирозданья,
Такие грустные свиданья —
Непозабывшегося месть.

Ведь как душа ни холодна,
Но то, что ранило так больно,
Запоминает, и невольно
Желает повторить она.

Отец

Был уверен, что сносу не будет ему...
Пережил и войну, и суму, и тюрьму,
И работал как вол, и по бабам гулял,
Не любил власть имущих и нас поднимал.

Мы как кошка с собакой дружили весь век...
Непростой, говорили, он был человек.
Ну, а он простоту хуже кражи считал,
Хоть мудрёные книжки совсем не читал.

Жил как мог, потому что не мог как хотел...
А я думкой пустою, дурак, богател,
А я умные книжки удавом глотал,
Потому и в трёх соснах всю жизнь проплутал.

Оказалось, его была правда сильней...
Только что теперь делать прикажете с ней?
И зачем, у могилы склоняясь головой,
Я шепчу: оба были глупцы мы с тобой?

Галина Хожаинова

Ассистент кафедры биохимии и физиологии клетки

Дождь прошёл, и воздух чист,

Луг травой благоухает.

Отчего же боль души

Как гроза не утихает?

Небо чисто, ветер стих,

Вода землю напоила,

Не дрожит осины лист,

Всё гроза заворожила,

Прогремела и прошла,

Просверкала и поблекла,

И на сердце лишь тоска

По грозе давно прошедшей.

Что мы ищем в жизни сей?

Что нашли, что потеряли?

Жизнь — мгновенье,

и она

Смоется грозой с дождями.

Солнце. Море. Дикий пляж.

Гальку бьет волна.

В дали виден Кара-Даг —

Черная гора.

Королева и король

Смотрят свысока,

Как шумит морской прибой,

Пеною звеня.

Галина Царакова

Выпускница филологического факультета,
руководитель Эстетического центра
при Центральной городской библиотеке
им. А. Платонова

Неюбилейное

О, как мы любим юбилеи,

Как ублажаем их елеем!

Возносим к небу дифирамбы

В лучах вечерней яркой рампы...

А юбиляр? Тихонько млеет

И в благодарность что-то «блеет»...

И все немного смущены,

Но что поделаешь, — «должны»!

Напоминает это дружное лакейство

Совсем иного рода действие:

Погост, цветы и снова речи,

С одной лишь разницей, замечу:

Не слышит их виновник «торжества»,

Всё ж не дорос, увы, до Божества...

«Не судия...»

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

А. С. Пушкин

Призову я из прожитой жизни
Доброй памяти светлые мысли,
Отрекусь и отрину все злые,
Недостойные мысли, пустые.
Дабы не было даже соблазна
Ворошить то, с чем я не согласна,
Что терзает бессмысленно душу,
Так спокойней. Поверьте, не трушу.
Просиял для меня горькой истины свет:
Невозможна земная гармония, нет!..
Не избыть человеку мороки
Вечно множить грехи и пороки.
Но душевный покой нам дано обрести,
Если Свет и Добро будем людям нести...

Яна Цыганкова

Магистрант филологического факультета

Время-вьюнок. Переплёты старинных изданий

В листьях зелёных, и в маленьких белых цветах.

Кружат туманы. Восточная вязь восприятья

Сетью рыбакцкой набросит чудной аромат.

Кофе горчил и смешался с маслами сандала;

Порох и пепел во власти французских духов.

Крадучись мягко, чужая ладонь пролистала

Сборник подаренных кем-то печальных стихов.

Там оживали твои сокровенные мысли,

Крылья несмело раскинулись над головой.

Цены, кредиты — на книжных страницах лишь числа.

Кто-то заботливый просит вернуться домой.

Не возвращайся. Пусть кто-то в окне зажигает

В старом подсвечнике алый малыш-огонёк —

Не сомневайся. Вот руки твои оплетает

Время-вьюнок.

Хочется лета, как в road movie:

Смена пейзажей, кафе, заправок.

Юность, нас, кажется, обманули,

Скрыв за кальянным угаром пьянок

Всё, что детьми мы ещё считали

Непогрешимым, константным. Завтра

Новые карты и магистрали

Съест без остатка иная правда.

Будет стабильность (читай — «рутина»),

И бесконечно короткий отпуск.

Вместо свершений затянет тина

Узкую тропку к мечте, и в пропасть

Рухнет не снятая нами плёнка...

В общем, такого боится зритель.

Трусам не место в кино. В сторонку!
Я новичок и совсем любитель,
Но продолжаю писать сценарий
Полнометражки. Вы что, уснули?
Свет фонарей отливает сталью.
Жизнь — это лучшее road movie.

Элис вчера мне сказала: «Дыши ровней.
Много дурного водится на земле,
Нити судьбы всё на том же веретене,
И неизвестно, кто первый уколет палец».
Элис смотрела, как всходит в полях рассвет,
И говорила: «Меняется вкус и цвет,
Но по прошествии многих и многих лет
Люди влюблялись, сражались и расставались».
Элис уснула. Мне жутко хотелось выть,
Плакать от горя и даже посуду бить,
Чтоб, засыпая, ни разу не ощутить,
Как чьи-то пальцы до боли сожмут мне шею...
Элис, ты спишь? Я хочу у тебя спросить —
Чем различаются радость и миражи,
Как отличить доброту от коварной лжи,
Элис, скажи, как мне просто и мирно жить?..
Элис прошепчет сонно: «Дыши ровнее»...

Так отчего ж ты так светла?
Был день морозный и усталый.
Вся завернувшись в одеяло,
Ты затаилась и ждала.
И сохли капельки небес
На пробудившихся балконах,
И пахло в воздухе зелёной
Листвой проснувшихся сердец.
Отмерший воздух трепетал
Крылатой возвращённой стаей,
Ты выходила к ней босая,
Пригоршню высыпав зерна.
А свет тянул пушистый хвост
И уползал в лесную чашу,
Где жизнь казалась настоящей,
Где спал апрель, оставив пост.
Так отчего ж ты так светла?
Зима летела, как простуда,
Но ты бросала якорь чуда
Над ожиданием тепла.

Анастасия Червинская

Аспирантка 1 курса физического факультета

Переводы

Из цикла Р. Л. Стивенсона «Детский сад стихов»

Ветер

Ты змея носишь в облаках, а птицу держишь
на крылах,
Ты треплешь юбки возле ног, траву колышешь
вдоль дорог.
Ты сутки дуешь напролет, ты — тот, кто громко
так поет.
Твоих я видел много дел, тебя увидеть не сумел.

Ты раздуваешь паруса, проносишь тучи в небесах,
Меня ты гладишь по щеке и рябь проносишь по реке.
Ты сутки дуешь напролет, ты — тот, кто ночью мне
поет.
Твоих я видел много дел, тебя увидеть не сумел.

О, как желал бы я узнать, коль невозможно увидать,
На птицу ль, зверя ты похож — ты, что прохладу
мне несешь?
Шутлив и резв ты, как дитя. Ты, может, мальчик,
как и я?
Сто разных шуток и проказ,
Вот увидать тебя б хоть раз!

Незнакомая страна

Когда мальчишкой был еще, на вишню я влезал
И, сидя средь густых ветвей, за всеми наблюдал.

А сверху вид совсем другой: лежит трава ковром,
И сверху маленьким совсем мне кажется мой дом,

И лентой убегает вдаль лазурная река,
И медленно, как острова, плывут в ней облака.

Пылит дорога вдалеке. Куда она ведет?
А по дороге человек с котомкою идет.

Ах, если б дерево найти повыше мне, тогда
Я смог узнать, куда течет лазурная река.

Куда впадает: в море ли иль, может, в океан?
Куда с котомкой на спине шагает старикан?

Волшебник это, может быть? Домой он держит путь,
Взмахнет лишь палочкой своей — игрушки оживут.

Little Red Riding Hood and The Wolf

by R. Dahl

Однажды в теплый летний день по лесу волк гулял,
Точней — хоть что-нибудь поесть голодный волк
искол.

И тут набрел на чудный дом под крышей черепичной,
Где в кресле волка ждал давно обед весьма
приличный.

Хоть бабушка была мала, да и к тому ж стара,
Он съел ее в один присест — не ел-то ведь с утра.

«Эх, бабка-то совсем жестка, — промолвил серый
волк, —
Получше были времена, я в бабках знаю толк!»

Затем в шкафу себе нашел он бабушкин наряд:
Чепец, перчатки и чулки, ишелковый халат.

На нос очки себе надел, газету в лапы взял,
Чтоб к бабке кто бы ни пришел — в нем волка
не признал.

И не прошло и полчаса, как внучка в дом вошла.
Ну, до чего ж она свежа, нежна была она

И возбуждала аппетит, как красная икра,
Ведь голоден был серый волк, почти не ел с утра...

«Что стало, бабушка, с тобой? — тут внучка
говорит.—
Большие уши у тебя и очень странный вид».

«Чтоб лучше слышать я могла...» — волк молвит
ей в ответ.
И видит вдруг — ну и дела, у внучки пистолет!

Такого волка не ожидал. От страха он икнул...
Как поприличней тут сказать? — он бабушку срыгнул.

Ура! Ведь бабушка жива! Но уж взведен курок,
Хотел тут было волк удрасть, пуститься наутек...

Не тут-то было! Грохот, дым и громкое пиф-паф —
Качалка волка подвела ишелковый халат.

.....
Зимою внучку повстречал я на лесной тропинке,
Бабуле к празднику несла она пирог в корзинке.

— Ax, что за чудное манто, прекрасный серый
meх! —
В ответ от внучки услыхал веселый звонкий смех.

— В обиду бабушку не дам, и это вам не шутки!
Досталось волку по делам, а мне досталась шубка.

Ольга Червинская

Ведущий инженер кафедры ядерной физики

Памяти Фредди Меркьюри

*I've paid my dues
Time after time*

Ушел уже давно, а прах его истлел,
Но голос все еще дрожит, как пламя.
Душа его ушла в иной предел,
А страсть и нежность вечно будет с нами.

Орфей при жизни иль, быть может, фавн?
Иль жрец огня, что зажигал в нас чувства,
Что, не творя, не мог прожить ни дня
И душу бросил на алтарь искусства.

И вот она несется к небесам:
Ахурамазда там её встречает.
Хоть нет средь нас — «The show must go on»,
И голос, точно пламя, обжигает.

Душевный трепет, нежность и любовь,
И вот уже в душе струятся чувства:
«Love on my love», «Save me» разбудят вновь,—
Вот магия великого искусства!

И вновь на сцене — ангел или дэв,
И вновь владеет сердцем «Королева»,
И снова любит: «Somebody to love»,
И вновь живёт: «Who wants to live forever»!

Раздастся голос у Небесных Врат:
«Как жил Фаррух?»
— Услышит три ответа:
Творил, о Господи, любим был и любил! —
И скроется навек в сиянии света.

Пусть не безгрешен, но и мы не без греха,
И дорого досталось искупление:
«Too much love killed you», Фредди Булсара.
Но ты живёшь! Остановись, мгновенье!

И вновь несётся голос к небесам,
И в сердце он трепещет словно пламя.
«Was born to love you» — Фредди Булсара,
Любовь твоя пребудет вечно с нами.

Старинная французская

Посвящается безвременно
ушедшему любимому брату.

«Старинную французскую» братишко дома учит.
Её мотив печальный никак мне не наскучит.
Струятся, льются звуки мелодии старинной.
Встаёт перед глазами чудесная картина.

Река и луг с цветами, у берега — камыш,
Дом с крышей черепичной. Вокруг — покой и тиши.
Лишь ветерок доносит стук мельничных колёс,
В кустарнике за речкой запел залётный дрозд.

Там в чепчике и платье гуляет у реки
Румяная девчушка, шаги её легки.
И солнышко вечерний льёт розовый свой свет,
Той девочке румяной прощальный шлёт привет.

Так ясно и так тихо, кругом такой покой.
Но лоскутки тумана поплыли над рекой.
И матушка девчушки выходит на порог
И машет ей рукою, домой её зовёт.

И девочка неспешно идёт на зов домой,
Прижав к груди для мамы букетик луговой.
Печальны, нежны звуки мелодии французской.
И хочется мне плакать, так сладко мне и грустно.

Дмитрий Чугунов

Выпускник филологического факультета и факультета РГФ, член Союза писателей России

У каждого есть выбор. Свет и мрак.
У озера стою и выбираю.
Вот предо мной вода, вот — твердь земная.
Вот умный человек, а вот — дурак.
И свет закатный красит облака
То в цвет мечты, то в розово-кровавый,
По берегу гуляет парень бравый,
Не зная, что дорога далека.
А девочка в воде играет в мяч,
Она дитя, и ей не одиноко,
И для неё залив — такой глубокий,
И жизнь её ещё не мчится вскачь,
Песчаные дворцы всегда прочны,
И берег близок, и закат прекрасен,
И ждущий человек красив и ясен,
И прост и ясен тихий свет луны...

Он странными путями
меня ведёт,
Ведь в том, как кошка с мячиком играет,
И как рассвет сквозь листва проникает
В моё окно —

Он словно бы мне знаки подаёт.
Его неслышимая речь живая,
Без мудрований, без плетенья слов,—
Теперь струится в каждом колыханье
Минут перед моим окном,
Когда всё прошлое —
Ничто
Пред этою минутой ранней.
И мой бессилен ум. И тёмен глаз.
А миг так прост и ясен. Птичье пенье,
Частичек света в небе прибавленье —
Его ключи, его иконостас,
Его уход, но так же — возвращенье.
И стронется душа с застывших мест,
Небесными путями мир не хожен,
И, кажется, к тебе не расположен,
Здесь — жизнь твоя,
А там — наспинный крест,
И это сложно...
сложн...
сложн...
сложн...

Когда один идёшь в полях, ты одинок?
Ты быть счастливым так хотел — иставил срок
Для этой вспаханной земли, для облаков,
Для кромки леса там, вдали, для всех шагов,
Которых выходить тебе не станет сил,
Которых выходить ты сам хотел, просил,
Когда вокруг огни, огни в больших домах,
И кто-то в них сейчас живёт, и весь в делах,
Когда и небо над тобой — с большим ковшом,
А в двух шагах сверчки поют так хорошо...
И если шар земной крутить ты станешь вдруг,
Ни сильных не жалея ног, ни крепких рук,
Ты просто поле пробежишь, и два, и три,
Ты взроешь пальцами стерню. Вот кровь, смотри.
Срок не исполнился ещё, и ты не раз
Пройдёшь под звёздами вот здесь в полночный час,
И будешь слушать этот мир, вновь ставить срок,
И всех любить. Наверно, так. Ты одинок?

Туман

И несть числа февральскому туману,
Как нет конца позорному обману,
Туман плывёт, плывёт, плывёт, плывёт.
Кто в мысленных беседах очень ловок,
Ещё не знает, что совсем не повод
В туман такой всё мыслить наперёд.

Несказанное, впрочем, не сотрётся,
Душа с душою, впрочем, не сойдётся,
Дома и люди тают в пелене.
В туманном мире снова всё непрочно,
И свет — как свет, но светит, словно ночью
От фонаря спит отблеск на окне.

И в городе обманчивы столетья,
И дни с календаря свисают плетьью,
И в каждом ложь ожогом по щеке
Проскальзывает нежною рукою,
В тумане этом в мире только двое,
И сигарета — вместо слов — в руке.

Мост

Будет ли жизнь твоя вдруг — пуста,
Тихо ли ты дойдёшь до моста,
Остановись,
Покури со мной,
На разных концах
Моста над рекой.

Станет ли правда моя — тиха,
Будет ли жизнь ни легка, ни плоха,
Я добреду
До моста над рекой,
С разных концов
Постоим с тобой.

И никого нет на том мосту.
Мост и река — так подобны кресту.
Три бесконечности,
В центре лишь ты.
И — никого.
Никакой суеты.

Нет ни прохожих, ни праздных зевак.
Это не их мост.
Не им — делать шаг...
Станет ли прошлое — сном за спиной?
Встретимся ль там,
Над бегущей рекой?

Евгений Шамильпан

Выпускник юридического факультета

90-й автобус

в час пик,
в девяностом автобусе,
где студент, продавец, пьяница,
где военный усталый горбится,
где старушка с баулом мается,
(— у окна, да за сеткой трещинок,
где весь мир проплывает в мутности,
прислоню свою спину к тщетному,
прикоснусь головой к мудрости...—)
тут спешат, пробираясь к сидениям.
ловят свежий воздух от форточки.
крепко жмутся колени к коленям,
руки, локти, пальто и кофточки.
и автобус то с рёвом плачущим,
а то с дрожью и жалким скрежетом,
тормозит, разгоняется, тащится.
люди дышат, и спят, и шепчутся.
(— заходя, отсчитай монетами,
скромный вход здесь дешёвый (надо же!).
в день осенний, холодный и ветреный,
ты поймёшь, где в Воронеже надо жить! —)
На работу, с учёбы, в гости...
В филармонию или на рынок
Под шансон и последние новости
Люди едут. Тут вход и выход.

О теле и душе

ты снишься мне...
и главная во снах,
зловещая, гнетущая картина,
как сон, неуловима,
и как страх,
гонима, порицаема...
Любима.
Любима мной, за все года мечты,
за ветер, проникающий мне в душу.
Здесь место есть — его я не нарушу,
чужим присутствием в касании стопы
любой толпы
любого ожиданья,
где мрак и свет,
где ложь в печали сна!
и тянется простёртое молчанье
зубовной дроби — жуткая цена
всего, такого жадного, до пота,
до липких спин в пленах стонавших струн —
вальсирует кровавая охота,
о теле и душе
в мире подлунн...

Утро в сосновом лесу

Старое полено тлело, прогорело на угли.
Всё, что наболело, я теперь не в силах отпустить.
Пыльная дорога, пережиток моих сложных дней.
Путь был новый к богу, а от бога к людям не по ней.
Яркая комета, череда из вспышек радости.
А потом дышать к ответу, с горечью при сладости.
Влажные рассветы, да в одежде застrevает дым.
Буду ли как прежде или снова путь найду седым?..
Песню запевает, да в кустах далеких звонко трель,
Птица кто? Не знаю, но я вижу эту акварель
Легкого касания тумана над вершиной трав,
Солнце их поднимет рано, значит, мне уже пора.
Вот моя дорога, здравствуй, дорогой сосновый лес.
Сон мой длился долго, а теперь он с паром вышел
здесь...

Тихий Дон

светало... нынче на Дону,
земля, не уродив рассвета,
рыдала снегом.
..... серым светом,
луна косая шла по дну.

глотая пыль, мутя песок,
вода то пенилась, то билась.
часы и жизнь остановились
там, где и не было весов.

под синим небом октября,
в степи далёкой и угрюмой.
через года, людей и струны,
в тумане пряталась заря...

Ветер, свобода, холод

есть для эпохи хлеба зернистый край,
есть у века навскидку хороший плуг,
есть у неба дожди, и пусть говорят
люди друг другу в лицо слово «друг».

солнце слепит глаза, даже если не спал.
режет метель, заметает следы вокруг.
ветер, свобода, холод — в наших устах,
даже если они онемели от выног!

жар растопит наст из воды и льда.
станет не то что жарче, но всем теплей.
пусть же, пусть остаётся одна мольба —
выжить, увидев мир из зелёных ветвей!

Ветка зимнего вечера

Ветка зимнего вечера
Стала рукою мыслям.
Дерево — миг полуночи.
Месяц в ветвях запутался.
Бесшумно, влажно и кротко
Снег оцепил дорогу.
Нету следов под деревом.
Нету следов на дороге.
Нет ни следа вокруг.

Александр Юнда

Выпускник филологического факультета

Чтобы не было войны

С детства помню фразу броскую,
С чувством страха и вины
Повторяли часто взрослые:
«Только б не было войны...»
Жили голодно и хлопотно
Под натужный ход страны.
«Стерпим всё, — твердили шёпотом,—
Только б не было войны...»
На исходе поколение,
Что со мной одной волны.
Но еще живёт моление:
«Только б не было войны...»
Не годятся просьбы ржавые
Против козней сатаны —
Надо мочь растить державную,
Чтобы не было войны!

Северный олень

Мне в тундре привелось вспугнуть
Оленя на болоте в кочках.
Я глазом не успел моргнуть,
А он вдали уже, как точка.
О, как легко бежал олень!
Я потрясён был этим бегом:
Изящен, невесом, как тень,
Он не бежал — летел над снегом!
Рога закинуты к спине,
Дугой грудь, в ногах пружины...
Он вихрем показался мне
Стремительным, неудержимым.
Его на тысяче дорог,
Что потянулись через годы,
Всегда спасали сила ног,
Простор и вечный зов свободы!

Интервью с юбиляром

Виктору Михайловичу Акаткину — 80 лет!

В этом году 80-летний юбилей отметил Виктор Михайлович Акаткин. Его судьба теснейшим образом связана с историей университетских Дней поэзии. Многие годы он посвятил составлению поэтического альманаха. Мы сердечно поздравляем замечательного филолога, декана, литературного критика, человека! Виктор Михайлович по-прежнему не теряет интереса к поэтическому празднику. Ниже мы приводим отрывки из интервью с юбиляром.

Виктор Михайлович, когда Вы только начинали заниматься Днями поэзии, страшно было?

Не страшно, потому что первое время я был на отборе. Кройчик, Ефремов и я сидели в редакции и прослушивали или читали стихи, которые были представлены на День поэзии. Сидели просто, друг с другом беседовали, хохотали над хорошими строчками (ты знаешь, какие строчки там бывают). А уже позже я стал выходить на публику. Сидел сначала в зале, потом меня на сцену вытащили. Ведущим я редко бывал — раза два-три. Я не люблю это — не публичный, наверное, человек. На мне была в основном подготовка: все материалы, которые присыпали в университет, на факультеты, приходили ко мне, в наш деканат... А до этого я руководил литобъединением — ещё в 1967 году, когда был аспирантом. Бурakov, редактор газеты, просто вызвал меня тогда и приказал: вот тебе литобъединение, руководи!

Бояться было невозможно!

Да. И я два года сидел там, на геологическом факультете. Помещение было внизу — такая тьма! Нужно было пробираться по коридорам, а света не было. Девчата пугались... Ну ничего, занятия проходили интересно.

Потом руководил от журнала «Подъём». На улице 9-го Января мне дали комнату, не помню в каком учреждении. Туда, в мое литобъединение, приходил Вячеслав Лютый с женой (прим.: Вячеслав Дмитриевич Лютый — ныне известный литературный и театральный критик, председатель Совета по критике Союза писателей России). Бывают такие забавные случаи, пересечения судеб.

А каким показался Вам номер газеты с «Днём поэзии ВГУ», когда увидели его впервые?

Заманчивым! Так и хотелось прочитать, заглянуть на следующую страницу: что же там? Это было при Кузнецкове, может быть чуть раньше. «День поэзии» собственно стал выпускаться только с 1964 года. До этого не было спецвыпусков. <...> Я тогда был ещё студентом. А где-то с 1969 или 1970 года я стал участвовать в отборе стихов, потом — в самих Днях поэзии.

Тогда к этому очень серьёзно относились — и партком, и комитет комсомола... Выступающим девушки дарили цветы: из ботсада приносили букетики. В один год ректор даже устраивал чаепитие для поэтов, прямо в своём кабинете. Не для «первачков», но для известных, для тех, кто уже давно участвовал, как, например, Умывакина... Внимание уделялось очень большое. Ты, наверное, помнишь эти партийные времена?

Немного.

Всё было так строго: и партком, и ректорат, и комитет комсомола — все были заинтересованы. От комитета комсомола — Второв, человек очень широкого кругозора, философски подготовленный, думающий, а не «агитатор-главарь громкоговорящий». Он принимал деятельное участие...

Дальше, постепенно, День поэзии стал тем, что должно быть. И весь город знал о нем! И все начинали заранее готовиться, говорить об этом. День поэзии ожидался как нечто религиозное, как Пасха или Покров.

Очень радовало ожидание?

Да, было очень волнительно! Раньше День поэзии состоял из двух частей. Сначала — по факультетам. В 39-й аудитории негде было сесть: люди на подоконниках, обе двери распахнуты, коридор — тоже полон... Читали стихи у доски, из коридора их было видно и слышно. Здорово всё проходило.

Литобъединение на факультете работало, его возглавлял Малкин Виктор Александрович, потом другие... Это было необходимое, важное кипение духовных сил. Стихи звучали и в общежитиях: участники Дней поэзии выступали и там. Почти во всех корпусах проводились чтения. А заключительное — в главном корпусе! Газета выходила иной раз на 16 полосах, с «весенними» рисунками. Этим жили, этим горели. Я бы не сказал, что было что-то показное, нет! Сугубо пропагандистского тоже не было.

А цензура была?

Цензура? Мы сидели, с Кройчиком и Ефремовым, в этой редакции... Бывали острые стихи, но я не помню, чтобы мы кого-то не пропустили. Задиры были, конечно: например, Толя Кобзев, выпускник РГФ. Он как про Кампучию (работал там несколько лет), про Кубу начнёт!.. И темперамент у него такой огневой! Выйдет — как крикнет на весь зал, жестикулирует... Зал уже ждал от него этого: всегда раздавались аплодисменты, пока он ещё шёл к трибуне.

Бездарные стихи были, никуда не денешься. Кто-то выходил на сцену сам, не пройдя наш отбор. Ну как не пустить? Пришёл человек... Потом стали записывать выступающих перед началом. Алла Беликова, редактор газеты, была такая добрая, а вот Виктор Кузнецов не позволял...

То есть отбор по качеству шёл?

Да. Кузнецов очень суров был. Он на тот момент, наверное, сделал лучшую газету в городе. Десять лет был её редактором. Больше него — только Алла Беликова. Эти два самоотверженных редактора — я их особенно выделяю. Ещё Андрей Тополенко... Потом ректорат остыл к этому, у Аллы Беликовой начались трения с начальством. Партиком исчез, комитет комсомола исчез... И всё осталось на газете и на мне.

Это начались смутные времена?

Да, конец 1980-х, развал Союза... В девяностые было время, когда приходили я, Абрамов и ещё пять-шесть человек. Вот представь себе: в старом конференц-зале... и такое скорбное чувство, будто я во всём этом виноват. Полнейшее охлаждение.

Потом нас перевели в филологический корпус... Смотрю: человек двадцать собралось! Потом в 40-й аудитории — почти полная. Потом актовый зал дали — полный! «Э-э-э, — думаю, — что-то начало шевелиться!» К концу 2000-х годов уже вновь возник интерес.

Лихие девяностые прошли...

Да, лихие девяностые... Не до того было, не до стихов. И родителям, и самим студентам, и вообще всем. Непонятность: кому это нужно? Для чего? Что будет?..

Виктор Михайлович, а как приходили авторы? Кто-то запомнился?

Конечно, помню приезды столичных поэтов. У меня их целый список на столе.

Я вообще люблю делать всякие подсчёты... Вот количественное соотношение. Участников войны выступало семь: Абрамов, Немировский, Плаксенко, Алексей Попов, Марина Васильевна Фёдорова и др. Филологов — 73. Историков — 4. Юристов — 3. Экономистов — 2. Журналистов — 10. Геологов, засчитателей, всего восемь человек. Эти ребята очень шумные были тогда, особенно Порядин. Ещё один известный геолог, долго вёл вечера поэзии, — Чесноков... Ещё Наталенко, другие. Математики — 5. Географы — 4. Биологи — 2. РГФ — 4. Физмат — 4. Химики — 3. Это те, чьи стихи напечатаны в выпусках «Дня поэзии». Туда далеко не всех пропускали.

Виктор Михайлович, а каким Вам виделся этот поэтический номер? Ведь в 80-е, в 90-е Вы сами стали делать подборки. Рождалась ли какая-нибудь концепция, образ номера?

Знаешь, это всё-таки была не моя задача — главным для меня было отобрать лучшие стихи, чтобы газета была интересной по содержанию. Какой она должна стать внешне? Я не задумывался над этим. Были редакторы, я им верил. И Кузнецов, и Беликова — энтузиасты, старались сделать как можно лучше. У них на столах лежали горы клише, из которых они выбирали для иллюстраций либо рисуночек, либо снимок... Молодцы!

А Вам было сложно «почувствовать» автора? Приходит какой-нибудь первокурсник и приносит свои стихи...

Ну о чём ты говоришь? Насквозь же видно, сразу. Ты и сам слышишь, когда к тебе, например, приходит студент на экзамен. Сразу понимаешь, знает он или нет, даже по его первой фразе. Может, по второй-третьей... Редко-редко ошибаешься в этом.

Сразу чувствуешь фактуру стиха, музыкальна она или нет. Есть ли какие-то оттенки, которые звучат по-особенному. Слышишь, что возникает объём стиха, а не плоскость. И всё это звучит, видится, и всё наполнено смыслом.

Я не думаю, что когда-нибудь мы отвергли более-менее хорошее стихотворение. Кстати, Кройчик жёстче судил, чем я. У него была журналистская хватка. Человек он более политический, чем я, да и пародист по натуре.

Пародии, кстати, всегда звучали к концу Дня поэзии. Выступали пародисты — Кулиничев, Смирнов, Кройчик, Олег Рахманин, Люличева... Это было наслаждение. Берут строфи из стихов выступавших — и вдруг на нее пародия! Однажды, помню, выступил старшекурсник Коля Дубищев, а рядом с ним стоял Саша Смирнов и тут же выворачивал наизнанку его строки. Но Коля не обижался. Зал забавно воспринял диалог поэта и пародиста!

Пародии очень разряжают фон, оживляют течение.

А как проходили Дни поэзии?

Вначале обычно давали слово «классикам». Если были приезжие гости, то они выступали в первую очередь. Жигулин, скажем. Читал он тихо-тихо. А в зале стояла мёртвая тишина.

Впервые он приехал к нам в Воронеж в 1971 году. Вместе с Коржавиным они выступали у нас на факультете, в 37-й аудитории. Столкнулись с ними прямо лицом к лицу, он мне: «Анатолий Владимирович». А я: «Виктор...» Ну кто я такой? Только закончил, салага ещё.

И с Коржавиным за руку держался, с генералом. Он такой смешной был, лохматый... Но стихи сильные! Очень сильные. Он вернулся из эмиграции на время, потом снова уехал... И в том же году я написал рецензию на сборник Жигулина...

Нужно ли, на Ваш взгляд, в номер добавлять что-то литературоведческое?

Очень может быть!

Взгляд со стороны на поэзию, на литературу?

Конечно, и даже обыгрывать стихи теоретическим материалом. Может быть, кто-то не знает, что такое размер, рифма, какую роль играет деталь. Ведь не учатся ребята! «А-а-а, нутрём возьмём!» Да не возьмешь нутрём. Надо многое знать, многое понимать и видеть. Поэт — как оркестр. Если в нём два-три инструмента, оркестра не получится.

Это как Гейне пошутил: «Прежде чем писать хорошие стихи, надо просто научиться писать стихи»...

Конечно! Конечно! Мозоли надо понабивать. Шукшину кто-то задал вопрос: «Что такое талант?» Он грубовато ответил: «Талант что такое? Вот и вот» (*показывает на голову и на седалищное место*). Ум и мозоль на известном месте. Иначе не возмёшь... Сколько он за свою короткую жизнь написал? Вон — шесть томов стоят на полке, и это ещё не всё. И как писал! Жертвуя ночами, сном... Это труд каторжный! Хотя к Дням поэзии не стоит применять уж такие жёсткие требования. Иной раз даже плохие стихи учат...

Но главное, чтобы Дни поэзии не превращались в собрание графоманов... Всё-таки не надо жить по принципу «Печатаем всех, кто принес»?

Нет, иначе будет девальвация, свалка... Безусловно, примитив встречается всегда, но примитивного в Днях поэзии было мало.

Взгляд молодых

О дружбе, литературе и времени...

В юности друзей у меня не было. Я ходил по полям и лесным полосам, снимал птиц, писал о них очерки в районную газету, изредка выезжал в областной центр — на конференции (с оклонучными работами о природе), фотовыставки, литературные чтения (стихи писал уже тогда, правда от случая к случаю — понимал, наверное, их беспомощность перед наступающим со всех сторон временем). Жил если не уйдя в себя, то почти растворившись в ветре и солнце, в перекличках синиц.

Поступив на первый курс географического факультета, изменился мало. Лишь место дислокации стало другое: яблоневый сад между Шишкова и Ломоносова, нагорная дубрава, по выходным — заповедник...

И только к весне, встретив Павла Пономарёва и Сергея Рыбкина, стал не то чтобы «чувствовать и мыслить по-иному», но на что-то надеяться, верить в человека рядом.

Пономарёв — публицист, поэт, краевед, человек деятельный и статный, эдакая важная цапля при галстуке,— на страницах журнала «Подъём» так вспоминает нашу встречу: «Весной <...> я попал на День поэзии в Воронеже. Название громкое — праздник мелковатый. Прочитал свои стихи со сцены и познакомился с одним из поэтов.

...Бритоголовый, с навылет простреливающими глазами цвета Байкала, колючий, он — одинокий,

но самодостаточный — даже самодовольный, шёл, поправляя растрепавшийся красный шерстяной шарф.

— Василий Нацентов,— представился он и добавил: — пять лет в экспедициях...»

Теперь у меня вполне приличная шевелюра, отцовский, красный и шерстяной, шарф я надеваю на прогулки по саду, а Пономарёв (он же — Лексевич: так, по отчеству, по-советски, мы называем друг друга) в этом году заканчивает факультет журналистки ВГУ. Хочет работать в редакции «районки» где-нибудь на Русском Севере — подальше от шипения машин, айфонов, расчётливости и злости. На окраине времени.

Сегодня в России удел поэта, как и положено миром, та самая первородная, девственная эстетика природы и человека, любви и смерти. В этом смысле он уже не конкурирует с государством: не стремится к духовной власти над народом (если вообще когда-либо всерьёз занимался этим) и, будучи поэтом, совсем не обязан быть гражданином.

Всегда — в подполье, вне нарочитого эстетизма современности.

С настоящим поэтом неумело и по-детски не сошпал, из прошлого, как птенец из гнезда, выпал, а в будущем существует по известному стихотворению Георгия Иванова — цветком, который становится мелодией, ветром, весенным мотыльком и, в конечном итоге, Лермонтовым, звенящим серебряными шпорами.

Выросши в интеллигентной, ещё советской, семье, я мечтал быть похожим на шестидесятников: понятным, красивым, читающим стихи перед огромным стадионом... Получилось же всё наоборот: хоть забирай любимую и книжный «шкап» и живи в лесной избушке.

Марина Цветаева, противопоставляя друг другу Маяковского и Рильке, говорила о том, что первого время заказало, а второго — вызвало. Это принципиальная разница. Маяковский сегодня непредставим. Как и шестидесятники, кстати. Нет идеи. Нет веры. Ничего, строго говоря, нет. Безвоздушное пространство.

А своровать воздух неоткуда: мировое — в большем — западное — опошлено, исконного, нашего, русского (сначала после семнадцатого, потом и после 90-х годов), можно сказать, не осталось.

Из одного вышли, да в другое не пришли.

Сергею Рыбкину — легче. Он как бы «мимикрировал» под современность и держит нас с Пономарёвым на плаву. Заканчивает магистратуру экономического факультета, пишет стихи на компьютере, работает в банке, заставляет покупать не портвейн «Три семёрошки», а хотя бы крымское вино.

Но немногие знают настоящего Рыбкина — весеннего и ранимого, страстно любящего книги, тишину и вечерний чай. Наверное, именно благодаря сложности, многообразности и в некотором роде неоднозначности его личности и сформировался уникальный поэтический талант.

С ним мы рука об руку.

Выйду утром в сад — звоню ему: «Рыба, начинается снег! Ветер западный. Скоро в твоём Боровом пойдёт. Садись стихи писать...»

Он мне посвятил:

*О поломанном лесе,
торчащем из пыльных окон,
о водке, товарище верном,
измятой цигарке —
березы, как свечки потухшие возле икон,
а наши стихи, как коллекционные марки...*

Про марки — это точно. Только за прошедший год закрылся журнал «Октябрь» (один из старейших в России), где меня печатали и любили, журнал «Арион», главный редактор которого всё повторял: «Вася, поэзия — это чудо! Поэтому всё будет хорошо!..»

Верно написала Мария Гáлина из «Нового мира», говоря о положении литературных дел: «У меня такое ощущение, что мы сидим в доме, где пламя уже подбирается к занавескам, а мы всё продолжаем обсуждать их узор и качество ткани...»

В Воронеже, впрочем, не так печально. Журнал «Подъём» (я считаю, лучший из региональных) плодотворно работает уже восемьдесят восьмой год, замечательным ежемесячным приложением к нему выходит журнал «Мысли(!)», в прошлом году образовался (один из первых в стране) Совет молодых литераторов, при Союзе писателей России есть литературная студия «Современник», которую ведёт Зоя Константиновна Колесникова — наша воронежская Ахматова.

И всё-таки нужно понимать, что мы — и сами по себе, и сами для себя. Мир, изменивший до неизнаваемости, просто-напросто не замечает нас. И в ближайшей перспективе не заметит. Но в этой безысходности даже приятнее взять в руки книгу, прийти в гости к другу, читать стихи, спорить, петь Муслима Магомаева и, пережив глухую воронежскую ночь, написать, как Пономарёв, — «А утром я — советский, старый, трезвый...»

В марте исполняется два года (или двадцать лет — мы придумали, а может, так оно и есть — год

за десять идёт) нашей жизненной и поэтической дружбе, без которой, наверное, не было бы ни Совета молодых литераторов при Союзе писателей, ни творческих экспедиций по России, ни времени — противоречивого, странного, бесформенного. Нашего времени, которое, как родителей или страну, не выбирают.

Василий Нацентов

Василий Нацентов

*Студент географического факультета ВГУ.
Член Союза писателей России*

Я молод. И мне нечего сказать
о имени и времени своём.
Как ветка жилиста, повёрнутая вспять
сочувствием воды, когда вдвоём
проходим сквером оттепельным, где
скворец не-прилетевший говорит.
Он замер. Он по клювик в воздух вбит.
А наши речи и верней, и глуше:
как холодно в России, как светло
и как могло быть хуже.

Запрусь на кухне, выкурю одну,
как сигарету,— длинную страну.
Её не выбирал и я, но как
в хрущёвке невесомо и светло,
молчит окно, в которое мело
со всей земли и свет, и мрак.

Я на засохшем дереве — в кулак —
живая ветвь зажатая — никак
не выпрямиться — упираюсь в твердь
небесную, в белёный потолок
дурною головой, но между строк
пространства столько, что любовь и смерть
одно и то же, если посмотреть,
что умирать, да вот не умереть.

Четыре на шесть — кухонька легка,
как дождь и дрожь зелёного листка,
и может аккуратная рука
его сорвать и в небо запустить.

А я хочу спокойно докурить.

Цветок ручной, в подробной тишине
нести тебя, как маленько знамя,
где всё в округе помнит обо мне,
но ничего не знает.
По кисти опрокинутой пройдём —
не может быть, что никого не ждали!

Подышим на февральское стекло:
холодный свет и очертанья зданий.
Просторно.
Только шёпот — как трава —
талантлив, непонятен и правдив.
И хорошо, что горе-голова
не умирает, не договорив.

Не Россия, а осень — повсеместная, злая.
Я её изучил, будто птичий язык,
и прошёл наизусть, прокатился, как слово во рту,
по пустому вокзалу —
в темноту перегонов, в немоту длинногорлой страны.
Там, в утробе казённой,
свет не бел, а беспомощно был,
тень свою волоча,
я забыл этот свет,
как прогорклые детские слёзы.
Всё, что я не любил, всё, к чему я привык,—
не безлиственный осени свет,
а вода мировая.
Я провёл в старой книге, наверное, тысячу лет —
так под снегом лежит материк,
замерзая.
За окном не вода мировая,
а глупый воронежский дождь —
тихий, как трава и усталость.
Это всё, что останется, это всё, что осталось,—
на продавленном низком диване
спать с любимой и слышать
шёлест поздних машин,
уносящихся в страшную ночь.

Мы с тобой на кухне посидим...
О. М.

Снег такой, что нельзя различить
верхушки деревьев и старой котельной трубы.
Год закончился, перешел в лабуду,
в лай собак, воробышев перебранку,
лампы пухлой таинственный горб.
Вечер долог, медов.
Хорошо нам сидится на кухне,
будто зёрнышку в клюве.
Подперевши ладонью щеку: лю-ли, лю-ли.
Воронеж в снегу.
Ты пойшь: «А на том берегу!..»
Ничего нет на том берегу.
Время вышло. Страна обалдела

и несёт

елки по небу. Катят машины.
Я не знаю, какой сейчас год
в болтовне петушиной и глупой куриной возне
буду я говорить о тебе,
будешь ты говорить обо мне,
а снежинки дрожать от мороза.
Дом наш только снаружи нелеп,
он внутри, как язык первоклассника, розов.

Павел Пономарёв

Студент факультета журналистики ВГУ

Звёздной гроздью смородины белой
Элеватор ночной ворожит,
И над Доном летит оголтелый
Заводской материнский гудок.

Это вдовая плачет луна
Светом матовым в линзах моих;
Это я выпиваю до дна
Отраженье речное твоё.

И устало повис виноград,
Ожидая, что к осени дело;
И стихов-фонарей
На горе отгорят
Строчки гроздью смородины белой.

Бульвар Победы

И тени птицами падут
На мой отвесный вешний берег
И годы в гору понесут
Слова забытой колыбельной

Но кто-то пляшет впереди
И машет тонкими руками
И я опять иду один
Стихами водкой дураками
Отнятый отнятый не суть
Я не пишу не пью не ляю
Но годы под гору несут
Меня по самому
по краю

Я не противлюсь не боюсь
И ждать не долго
Когда развалится союз
Меня и Бога
Но кто-то снова впереди
Помашет мне
не ошибусь
Бульвар Победы свет в окне
живой
союз.

3-му курсу бакалавриата
2016 года поступления
факультета журналистики ВГУ

Улыбка заместит
несказанное слово,
Затягивая глаз
печальный перелив,
И кто-то позовёт —
Как будто из былого.

Да нет — не позовёт.
А просто заболит,

там, под рубашкой, где
стекается в один
Законченный предел
рождённое начало.
И будет новый день,
и снова заболит —
Когда окликнут вновь.
Когда бы из печали

рождались не стихи,
А соль существованья,
рассыпавшаяся
по вашим волосам.
И лица осветлять,
И оживлять словами,
И самому живым —
И только до конца.

Но только понимать,
что завтра эхом стану,
И опасаться слух
и голос потерять.
Но только оставлять
ладоней остыванье
На мочках и щеках
в заснеженный декабрь.

Молчанье

Надземный путь прорезал
От самолёта луч.
Молчу небесной бездной,
Смотрящей из-за туч.

Молчу на ранний город
В умеренном свете.
Я так нескромно молод —
Но ведь и я уйду.

Кружашей в море стаей
Над вечным маяком
Уйду — и в этом тайна
Молчанья моего.

А где-то в золочёной
Кленовой вышине
Прорвёт слепой грачонок
Молчанье обо мне.

Как больно родная как страшно
Идти по последнему снегу домой
И словно с плиты подгоревшую кашу
Соскабливать с сердца засохшую боль

С лицом перекошенным
старцем
уродцем
Идти по семье по стра-
не по пути
А снег сединою о волосы вьётся
И шепчет в висках
Погоди
погоди

И я добреду
допишу
доиграю
Дослушаю город
которого нет
Как больно родная
как страшно родная
Ложиться под мёртвый
под мартовский снег.

Сергей Рыбкин

Выпускник экономического факультета ВГУ

Строчкой леса заштопанный край, вдали от людей
живёшь, подеваешь в дуду, называешь созвучья,
ты сам же вода, но притягиваешься к воде,
как будто тебя обуздало веление щучье.

Выходишь к реке, от промоин журчанье и хруст,
срывается снег с камышей, тебе кажется — чайка,
и в клюве её золотистый прикушен подуст,
густая вода закачалась, как кресло-качалка.

Вот так и живёшь, ради качки и взмаха крыла,
измеряя на глаз траекторию птичьего взлёта,
даже если мне жизнь показалась, — совру, что была
только здесь и, наверное, значила что-то.

Окно в пыли,
цветы живут одни
на блюдцах, подоконника ступенька
выходит в серый снег
и тихий свет,

и я лежу, растянутый, как свитер,
на полковати,
вмятый в простыню,
горяч и розов,
хрустальный воздух
в комнату затянут,
и комната светлей, но тяжелей
становится —
во мне рождалось слово.

Голова в снегу –
от неё больше нечего ждать,
если родина ската и вся состоит из проталин,
эту долгую зиму я чистой страницей в тетрадь
поместить не могу
и бесхозной оставить.

Мы продержимся сколько
на этом пугающем льду?
Рыболовы закинули снасти,
но не было клёва,
каждый выдох и вдох
ощущает свою тесноту,
пустоту, немоту
разорённого крова.

Я пойду от Москвы
на окраину жить и молчать,
чтобы звук был полнее
у птичьего меткого слова,
я его принесу после смерти
с собою в печать –
это будет тогда очень правильно,
нужно и ново.

Такую ночь как враг себе назначь
Игорь Меламед

Крупчатый снег, ссыпающийся с крыши,
замученная снегом, вся в снегу,
ты замерла, ты выгнулась в дугу
от ветра,
во дворе железо дышит
скрипучим ртом, я ночью не усну.

Такая ночь светла и одинока,
и снег, как свет, забившийся в углу,
тобой заполнит лист альбомный,
и карандаш в руке стучится, как
ворона мерзлую листву
клюет, оправдывая Бога.

Я не усну, упервшись в строки,
услышу, как мы одиноки
от хлопьев снежных за окном,
и будешь ты в окне метаться,
истосковавшись, прорываться
ко мне безумным сквозняком.

Всё хорошо. За книгами окно,
подтаявшее сверху — дождь расплёскан,
о ветку остается крыло,
и воробей летит подобно звёздам
и падает на крышу.

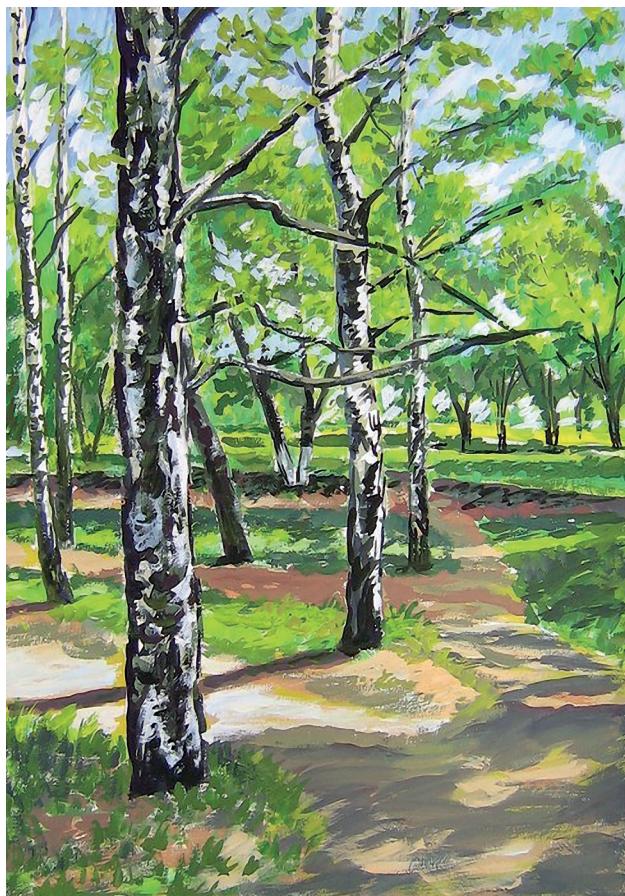
Ты молчишь,
молчание расходится на вздохи,
бумага зашуршала, как камыш,
и пролегла под выгнутые строки.
И ты не скажешь больше ничего,
услышу стук и пропишу на память
про воробья и дождь, и про окно,
умеющее сдерживать и таять.

Контекст

В рубрике «Контекст» собраны стихи молодых поэтов со всей России. Это уже известные имена — лауреаты и финалисты всероссийских и международных литературных премий и конкурсов, участники форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, постоянные авторы «толстых» литературных журналов — от «Знамени» и «Нового мира» до «Подъёма». Каждого я давным-давно знаю и по-своему люблю.

Надеюсь, их стихи станут таким необходимым свежим дыханием альманаха и окажутся важными и нужными для воронежского читателя.

Василий Нацентов,
член Союза писателей России

Антон Азаренков

Участник смоленского литобъединения «Персона». Публиковался в журналах «Знамя», «Арион», «Кольцо А», альманахах «Персона», «ЛифФт», «Под часами», «Паровоз». Автор книги «***» (лонг-лист премии «Волошинский сентябрь» в номинации «Лучшая поэтическая книга 2017 года»). Вшёл в шорт-лист премии «Лицей» (2018)

Отплытие

Там кабинет лечебных процедур,
там царство стёклышек, иголок,
как в запорошенном саду.

Наталья-отоларинголог
вставляет в носовой проход
негибкий шланг, но я не струшу,
за нею повторяя «пааа-рррааа-ход»
(на слоге «ход» надавливает грушу,
и в голове растёт воздушный шар
непо-меша-юща-ся душа).

А я на незаправленном снегу
назло Наталье уши отморожу
и шапку неудобную сниму:
так лучше слышно осторожное
постукивание веток, мерный скрип
промёрзших досок, свист в газопроводе...
Ещё гудок на нашем пароходе.
И чаек удаляющихся всхлип.

Пейзаж по-прежнему спокоен и ленив.
Плетутся дворники, сплошь беженцы с Донбасса,
в костры свои последние подбрасывать
просроченный новокайн.

День-призрак: сон не сон, феназепам.
Звонят Покров. Прилипли мухи к стёклам –
четыре ноты на стекле: до-ре-ми-фа
на фоне сна. Зудёж кровоподтёка.

Запомнил всё, проникся, наглотался.
Спасибо, что остался.

Ксения Аксёнова

Закончила ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, преподаёт на кафедре английского языка ЛГПУ; переводчик, поэт, участник поэтической студии Липецкого регионального отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России. Стихи публиковались в журналах «Петровский мост» и «День литературы»

душа, идущая на свет,
как на невидимый магнит,
сквозь толщу тьмы и бездну бед
всё говорит и говорит

на первобытном языке,
из междометий, слёз и слов,
о том, что где-то вдалеке
по горизонту ходит Бог...

ищу Его, а дождь — стеной,
перекрывает горизонт.
и в это время надо мной
Господь распахивает зонт.

*Синий свет в коридоре больничном...
Б. Рыжий*

в больничной тьме так много синевы —
уже который день я с ней на Вы,
она моей становится судьбою.
и то, что ночью пыльно-голубое,
то санитарно-белое к утру...
врачи не боги, и они умрут.
а я назло им выдержу и сдюжу
и буду, как надкусенная груша,
мерцать в больничном комнатном раю —
как дерзостный укор небытию.

Евгения Баранова

Окончила Севастопольский национальный технический университет. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Prosodia», «Крещатик», «HomoLegens», «Юность», «Кольцо А», «Зинзивер», «Москва», «ФутуроМАРТ», «Плавучий мост», «Дальний Восток», «Дети Ра», «Южное сияние» и др. Участник и стипендант 18-го Форума молодых писателей (семинар «Дружбы народов», поэзия). Лауреат нескольких литературных конкурсов, премии имени В. П. Астафьева

Как искренне вдыхает человек
пар тонкорунных, временных акаций,
когда, тридцатилетен, робок, пег,
идёт к прудам водою надышаться.

Когда осознаёт, что он разбит
лебяжьим небом, говором синичьим,
и всё, что он неслышимо хранит,
вторично, одинаково, вторично.

Вот он дрожал, вот обнимаем был,
вот тёр лопатки синим полотенцем.
Всё ждал, и ждал, и жаждал что есть сил
какого-то нездешнего сюжетца.

Какого-то прохладного огня,
какого-то необщего рисунка.
Но не нашёл и вышел, полуписьян
от августа, с собакой на прогулку.

Пойдёт ли он за чипсами в «Фасоль»?
взьмёт ли овощей (морковь, горошек)?
Он чувствует, что вымыщен и зол,
но ничего почувствовать не может.

Как искренне не жалко никого.
Купить ли замороженную клюкву?
Идёт домой простое существо,
бестрепетно привязанное к буквам.

Малина

Малина сейчас хорошая,
говорит.
Ты не стесняйся, детонька,
ешь,
чего там.
Скоро Воронеж?
Пальцы кривит артрит.
Жёлтый платок сгоняет мушинки пота.

Мне-то хватает.
Смалец, горох, мука.
Сахар на той неделе дала невестка.
Крупные ягоды.
Крупно дрожит рука.
Солнечный кролик пляшет на занавеске.

Помню, Серёжка — тот наедался вспять,
Как до малины — в дом его не загонишь.
Главное — не болейте.
И поднялась.
И заблудилась.
И не нашла Воронеж.

Любовь Глотова

По образованию журналист. Занимается литературной и переводческой деятельностью. Публиковалась в журналах «Знамя», «Арион», «Октябрь», «Кольцо А», «Пролог», в сборниках и альманахах — «Новые имена в литературе», «Детская литература: новые имена», «Новые писатели»,

«Литеры», «Название», «МоРКОВь», «Воздух чист». Стихи входили в шорт-лист Международного Волошинского литературного конкурса, лонг-лист Премии «Белла» и Премии «Русского Гулливера». Лауреат I степени международного литературного конкурса «Русский Гофман», шорт-лист Премии «Лицей», шорт-лист «Корнейчуковской премии». Живёт в Самаре

это снега белый бим
чёрные колодцы
это я иду с другим
и где тонко рвется

это я иду одна
и тебе ни слова
и волна волна волна
снова снова снова

Не твоя история

семидесятилетней женщине дали три года
за три трёхлитровые банки, украденные с забора
соседского огорода
она говорила — я их не крала, я думала, они
никому не нужны
но это неправда — сказали ей — это вы никому
не нужны

банки стояли безмёдны, безвинны и рады
федорой отмытые, сияли на кухне боками
«наполню их завтра, сегодня ни мёду нет,
ни винограду

только птицы и звёзды за синими облаками

звёзды и птицы
деревья и мысли
завтрашний день
и не знаю что будет после
чашки и блюдца
на кухне от горя бьются
банки сияют
а в руки мне не даются»

после суда, но ты не узнаешь об этом
(писем тебе не напишут, никто к тебе не приедет)
на заборе соседском окажутся три поэта
они будут петь песни твоим соседям

утро одинаково начинается с гимна банкам
в полдень мужчины поют оду кривым заборам
вечерами они голосят серенады ограбленным бабкам
пугая окрестности дактилическим ором

и так каждый день, весь твой срок, всю твою ходку
соседи сойдут с ума, но ты не узнаешь об этом

они попросят твоих домочадцев — дайте нам её
фотку —
 побегут в церковь, свечи поставят в ноги поэтам
видишь, как всё отлично кончается, как хорошо
канается
то, что казалось бы, так неожиданно начиналось
и я понимаю, а ведь я не хочу, чтобы это кончалось
впрочем, се уже не твоя история, и тебя она
не касается

Елена Жамбалова

Родилась в Красноярском крае. Окончила Бурятский государственный университет. Публиковалась в журналах «Знамя», «Новая Юность», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», в «Литературной газете» и др. Участник Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и Зарубежья (2016–2018). Лауреат премии «Лицей». Живёт в Бурятии

Вода с железом, и железом дышим.
Осенний ветер с речки, листья ржавы.
Из дома в дом переселились мыши
Тебе дорогу вдруг перебежали.
И ты мне рассказал об этом вкратце.
Представила: ты топаешь с гитарой,
Перед тобой мышиная миграция,
А над тобой луна младенцем старым.

Я на крыльце потом зачем-то вышла
И думала о нашем белом свете.
И попросила: мыши мои, мыши,
Не убегайте от меня к соседям.

трава ещё зелёная, и я ещё влюблённая.
и мы такие тихие предсмертные с травой.
и мы такие нежно-виноватые с тобой.
от каждой в мире жалицы чего-нибудь останется.
и вешество становится другим, но веществом,
и пальцы ищут острое, мне хочется пораниться,
чтобы узнать заранее,
как умирать потом.

Терпи свою любовь, она тебя короче.
Однажды чистиши снег и тюкнись в ворота
Зеленою шапкой, лбом, тридцатилетней дочкой,
Всем существом своим, морщинами у рта,
И вздрогни, и зайдись не плачем, смехом, ржачем,
Благословленьем всех закрытых ипотек,
Лети себе, звени над подмосковной дачей.
Но долго так не стой, а дальше чисти снег.

Мария Затонская

Дипломант III Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман», обладатель Национальной литературной премии 2017 года. Публиковалась в журналах «Арион», «Нева», «Кольцо А» и др.

Радость

Д.

радость, стиснутая в человеческом теле,
в чужеродной форме, смотрит в щели
зрачков — на худого, выросшего в проёме.
радость — бабочка, запертая в стеклянный домик,
нервное хлопанье крыльев глазастых.

тело стоит.

тело говорит:
«здравствуй».

Я тебя люблю, моя маленькая жизнь.
Синева, синева, синева льётся,
птичьи гнёзда — хрустящие деревянные солнца,
в солнцах птенцы:
дзинь-дзинь.

На кухне отцовский самогон, философские мятежи —
споры о Солженицыне и литературной лжи.
Вместо барных полок — книжные стеллажи.
Мы держим друг друга за плечи и округляем рты,
выдувая маленькие истины
из пустоты.
Люблю дерево. Его шершавость и чешую,
вечернюю оранжевость дня, балансирующего на краю
горизонта, и неглубокого озера сонное дно.
И всхлип, который издаёт вода, когда ты входишь
в неё за мной.
И всплеск, когда начинаешь грести.

За этот не умолкающий барабан в груди,
за любовь ко всему, и к единственному среди.

Хрустальные глаза звезд над синими деревнями,
троится оконная рама вагона,
через моё лицо стелется линия горизонта,
снег длится,
ночь длится,
жизнь длится.
Человеческий силуэт, мелькающий в соснах,—
размером с отражение моего носа.
Белые хлопья
летят сквозь раскладной столик.
Ложка звенит в стакане.
Люди сопят в вагоне.
Гудок рассекает время.

Сонная проводница подходит ко мне не спеша:
«Всё,— говорит,— выходите,
ваша».

Дарья Ильгова

Родилась и выросла в Воронежской области. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Г. Н. Красникова). Стихотворения печатались в журналах «Литературная учёба», «Москва», «Наш современник», «Дети Ра», «Плавучий мост», «Аргамак», «Артбухта» и др. Живёт в Москве

Чуть поскользнёшься, выйдя на Придаче.
След поезда уже в ночи простиł.
Подумаешь, что надо жить иначе —
Свободным и отчаянным, простым.

Под лай дворняг докуришь, осторожно
Пойдёшь вперёд, ругаясь так и сяк.
В ночи морозной, железнодорожной
Тебя проводит чёрный товарняк.

На станции, где даже нет вокзала,—
Дыра такая, господи прости,—
Вновь сходятся и вновь берут начало
Надежды непутёвые пути.

Под грохот проходящего состава
Пойдёшь вперёд, шальной, полуживой,
Рывками разгоняя боль в суставах,
Кивая непокрытой головой.

Даже сейчас, стоя за неприступной стеной,
Говори со мной.
Вот мои тапки у койки, в столе ключи.
Говори со мной, не молчи.

Белые шайбы таблеток отмечу галочками на листе,
Что лежит на комоде у выхода в коридор.
Даже если забуду, даже если приму не те,
Выйду в домашних тапках к тебе во двор,
Не узнавая тебя, не понимая причин,—
Говори со мной, не молчи.

Руки, которые помнят, как обнимать.
Я была тебе мать. Не такая плохая мать.
И я здесь, мы идём вдоль дома, рука в руке,
Объясняемся на неведомом языке,
Обменявшись ролями. Отчаянно жжёт внутри —
Говори со мной, говори со мной, говори.

Вдоль малины и виноградника до скамьи —
Ещё слово, ещё мгновение — вот скамья.
Собирая по косточкам жалкий скелет семьи,
Вспоминая, что мы семья.

Вечная радость моя,
Вечная боль моя.

Где памятник с протянутой рукой,
Красивый и приветливый такой,
Как будто приглашает удавиться,
Там я среди молчания иду,
Не приминая снега на ходу,
В надежде разглядеть живые лица.

Родные имена шепчу тайком.
Что толку звать — давно лежат рядом
За этим неприметным поворотом.
А если чуть подальше повернуть,
То все равно ни охнуть, ни вздохнуть,
Припоминая — это кто? а кто там?

И не пугаясь шорохов земных,
Приветствую знакомых и родных,
И тянется порука круговая.
Но тишина обрушится в ответ,
Когда они посмотрят мне вослед,
Посмотрят на меня, не узнавая.

Анастасия Кинаш

Магистрант НИ БелГУ. Работает заведующим библиотекой села Ерик. Победитель VI Международного литературного конкурса им. К. М. Симонова; лауреат международного конкурса «Верлибр», её стихи вошли в лонг-лист Международной премии «Белла» и премии «Лицей»

Какие странные снега
Идут себе надстройплощадкой.

Как время, тянется нуга
В моей размякшей шоколадке.
Сижу в палате за столом,
Гляжу сквозь окон амбразуру
На мёртвый сад, на серый дом,
На одинокую фигуру

Сутулой женщины вдали.
Учусь какой-то новой грусти.
Смерть из себя не удалить,
Жизнь вне себя не наизустить.

Не надышаться наперёд
Холодной речью здешних зданий.
А снег идёт, идет, идет...

Ну хоть чего-нибудь отданье!
Не так, потрогать — навсегда,
Наверняка впиши под кожу:

Пусть это будут провода,
Пусть голубь с крыши, пусть прохожий.

Хоть кто-нибудь, хоть что-нибудь,
Пускай останется со мною...
Пусть тоже смотрит в снег и жуть
Земли, вдруг ставшей неземно.

Пусть, словно хлеб, на два куска
Разломят жизнь мою и нежизнь...
Какая странная тоска
Снаружи снежит,
Снежит,
Снежит.

Не обманули. Здесь легко
И пахнет зимней стужей.
Стучат.
Но в окнах ни-ко-го,
Никто уже не нужен.

Вскипает чайник на столе,
Часы стучат.
Семь тридцать.
В осенней мгле, к чужой земле,
Летят, горланя, птицы.
А здесь ни спячки, ни черта
От холода и стужи.
Когда закончилась черта
Итог уже не нужен.

Зато не обманули, нет,
Здесь верить можно в сказки.
В ничейный стук, в нездешний свет,
И что не всё напрасно.

Константин Комаров

Поэт, литературный критик, литературовед. Активно публикуется в российских «толстых» журналах. Автор нескольких книг стихов, лауреат и финалист ряда литературных премий («Лицей», «Дебют», «Белла», «Критерии свободы» и др.). Член Союза российских писателей, Русского ПЕН-центра. Живет и работает в Екатеринбурге

За эту откровенную халтуру
меня Анна Андреевна простит...

Когда б вы знали, из какого сюю
растут стихи, которым ведом стыд.

Когда б вы знали слёз сухую мякоть
и тишины многоголосый ад.
Когда б вы знали, как хрено плакать,
когда ты — нарисованный плакат.

Когда б вы знали, как трясёт поджилки
поэзия — уютная сперва —
и — как теплолюбивые таджики —
дрожат на чистом холде слова.

Когда б вы знали, как паскудно слабы
рифмованные нюни по трубе
(тем более, что равнодушны бабы
к такой мобильной траурной мольбе).

Когда б вы знали, как горит заветно
строка среди разбавленного сна —
огнями, что лишь затемно заметны,
когда тоской душа заметена.

Когда б вы знали, как на вкус невкусна
метафор злых блескучая фольга.

Когда б вы знали...

Да ведь вы же в курсе.

И это
не меняет
нифига.

Полон незнакомых шорохов
мой проштрафившийся дом.
За стеною новый шлохов
тихо пишет «Громкий Дон».

Слишком зябко, слишком ветreno
и тревожно, и темно,
куст прядёт руками-ветками
воздуха веретено.

Падает вода нечастая
на земли сырой скелет...
Но ведь это — сопричастие.
Не соперничество, нет...

Растёшь, но тихо, незаметно,
не вычислен твой рост никем,
следишь за направлением ветра,
шумишь тростинкой в тростнике,

размениваешь + на -,
ответами смешишь вопрос
и крутишь слов немых папирус
в ряды невкусных папирис,

за литром убираешь литр,
за литром чтоб уйти потом,
вышёптывая нервный ритм
озябшим от молчанья ртом,

не кормишь карму, портишь порчу
и красишь в розовый очки,
посыльным в ангельскую почту
уже устроившихся почти.

Неделю в месяц время лепит
и, под его пляша дуду,
ты — просто охреневший лебедь
в заросшем лебедой пруду.

Полина Корицкая

Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. В 2011г вошла в лонг-лист премии «Дебют» (малая проза). Лонг-лист VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», лонг-лист XV, XVI Волошинского конкурса. Публиковалась в журналах «Сибирские Афины», «Тверской бульвар, 25», «Литературная Россия», «Российский колокол», «Кольцо А», «Литературный оверлок» и др. Живёт в Москве

И тогда, нагулявшись под соснами и луной,
Она на трамвае возвращалась домой,
И всю ночь вышивала карминовые деревья.
Ей сосновые иглы кололи пальцы,
Она могла бы вовсе не возвращаться,
Но раз возвращалась, то не могла, наверное.

Ведь деревья ждали, полны тоски,
Те деревья кормили её с руки,
Источала канва варенье.
И она кончалась, держа иглу,
У стола, в заповедном своём углу,
Аннодомини, с самого сотворенья —

Мира, космоса, цвета литой свеклы,
На конце сосновой сухой иглы,
Где застыло перерожденье.
Где застряли, прочно войдя в канву,
Словно в землю, рыхлую, как халву,
Непослушные насажденья.

о господи о господи ого
давай не я а кто-нибудь другой
давай не мы не мыкаться не мыть
ни рамы нет ни мамы нет не мы
изобретали это колесо
теряли пару будто бы носок
пунктиры тела топорную ось
себя потом отыскивать пришлось
как быть когда все небыть и не так
и переполнен внутренний рюкзак
и лопнули натянутые швы
на вас смотрю и кажется не вы

на вас курю и куртка набекрень
вы вронский а я анечка карень
и тормоза отчаянно визжа
царапают обшивку гаража
и половинят лужицу дугой
не я не я о господи другой

Бывает счастье беззащитное
И нежное, как мох на дереве.
И если женщина с мужчиной
Горячая, не индевелая,
И вся насквозь она растительна,
Как самый сказочный пейзаж,
Ей все простительно.
Простительно.
Ей всё простительно, Наташ.

Борис Кутенков

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор четырёх стихотворных сборников, публикаций стихов в журналах «Интерпоэзия», «Волга», «Урал», «HomoLegens», «Юность», «Новая Юность» и др., а также многочисленных статей и рецензий в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы», «Дружба народов», газете «НГ-ExLibris» (приложение к «Независимой газете») и мн. др., III томе антологии «Современная уральская поэзия». Ведущий рубрики «Книжная полка» в журнале «HomoLegens». Колумнист портала «Год Литературы.ру»

Отцу

I.

как будто засветло отец, ещё он не потух,
ещё летит, непобедим, а не калачиком во сне,
а это речь ушла от слов и стала дым и слух,
и стала — свет неразличим и с горем наравне,
где мать — не полчище обид, а яблоко с руки,
там ножевая меркнет связь, прощанья искорка
зажглась,
всю землю погружая в сон, рассудку вопреки,
храни, безмолвие моё, тех, кто со смертью
на варь-варь;
всех, кто простреленный морфлот в моих
беспамятстве и мгле,
болящий год, бегущий год и год, приникнутый
к земле,
катай в золе пропащий плод, скажи: «дитя, задрал
нытьём»,
будь горю этому фагот,
а мы не подведём

II.

под этой сенью неминучей так сын твой страшно
различим,
что надо за руку покрепче, вперёд и — на засов
детсад,
а ну скользнут на лёд колени, на колкий зной,
на душный дым,
и губы вымолят пустое и злое слово невпопад,
а ну как станет сном борцовым, целораспадом
слова «мы»,—
— отец, в диване растворённый, вставай на мой
горючий зов! —
но слышно эхом из дивана, из головы ночной
тюрьмы:
две белых тени зазеркальных сбирают поздний
свой улов,

корзины, тяжестью согбенны,— где ты, где я,
не разобрать,
не будет голоса из пены, не будет рыбы золотой;
под этим сном военнопленным погас огонь, погасла
мать,
и надо тяжкий блуд терпенья держать
спрямлённой запятой,
плетись же, зренью не мешая, держась за острые
края,
растя большая-пребольшая, беспозвоночная моя,
дыра, помеха ростом с космос, в руках слепца
слоновий смех,
туда, где свет идёт не горбясь,
в ночи
и застилает всех

III.

всё бросить, бежав, и отнятым светом светить,—
но как эту веру отнять у проросшего в пустошь,—
куда ты, отец, продлишь безответную нить,
там босховский ад, ветвистое это «тювить»,
но что тебе ад — протянешь, болиши, не отпустишь;

птенцовые руки в чужую сущь синеву;
небывшее это светлей, только им и живу,
а той синеве лишь она по колено:
не руки на грани — а предупредительный ток,
не ад претворённый — а скачки с лицом на восток,
где чужесть поёт, белопенна

всё бросить, бежав, и адское не всколыхнуть;
лодейниковзрящий — из рощи тропой невпопад,
изнанка наружна — и зеркало взгляда не стоит,
покуда в тебе персонален твой ад,
покуда болит, равномерен, твой путь,
болит и не ноет

Ирина Любельская

Инженер-химик. Училась в Институте философии, теологии и истории святого Фомы (Москва) и Российской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург). Автор книги стихотворений «Ключ» (Екатеринбург, «Евдокия», 2015). Стихи публиковались в журналах «Арион», «Знамя», альманахе «Белый ворон», сетевом литературном журнале «Сетевая Словесность», поэтическом альманахе «45-я параллель», проекте «Вещество» Александра Петрушкина, на портале «Полутона». Живет в Московской области

Свет был лёгким

И больше дома не найдет

я слушаю как голубь плачет
М. Гондельман

гаснет скрипит бормочет там льётся плещет вода
ветер дует где хочет иди же иди сюда
крошит кидает плещет как в руки беззубый хлеб
и пенные белые плечи возносит до чёрных неб
где рыбы устали устали где музыки слаб уже свист
к воде приникая устами в ней не отражаясь вниз
где глаза фиолетовых стражи бесформен бесчислен
ДИК

Анна Маркина

Окончила Литературный институт им. Горького. Финалист Григорьевской премии, Волошинского конкурса, премии «Нонконформизм» и др. Публиковалась в журналах «Дружба Народов», «Юность»,

«Зинзивер» и др. Автор книги стихов «Кисточка из пони» (М., 2016) и повести «Сиррекот, или Зефировая Гора» (М., 2019). Живет в Люберцах

Ушла зима, и жизнь твоя
Сошла, что снег, с низин оврага,
Белесый день, разлит, как брага,
По перегонам бытия.
Я жду, когда ты просквозишь
Вот там за почтой вдоль фасада,
Как возвращаются осадки
Бить в барабаны тёплых крыш.
Ты как бы в тучах говоришь,
Звуцишь из сна, тумана, с краю.
Всё оживёт, я это знаю.

И льётся жёлтый лимонад
На блюдца луж, коты дуреют,
В киоски дамы за форелю
Вершат негромкий променад.
Воробушек, как государь,
По крышке люка чертит хорды.
И лёгкость на меня нисходит,
Как будто солнечный удар.

Орут, кипят говоруны,
снимают в ночь со споров пену
и постепенно, постепенно
отходят в царствие луны.
Под облаками одеял
Лежат себе среди подушек.
Закрыты форточки, и душно,
Как будто август обуял.

А я стараюсь взглядом даль
прощупать в поиске фигуры
твоей. Напрасно. Едут фуры.
А бакалейщик прострадал
Всю ночь, как я, и опоздал,
И не спешит, спокойно бреясь.
Весна, какая дурь и прелость!

Под утро жар ползет в кровать.
И я, забившись в край постели,
Скучаю по тебе всем телом,
И хочется поцеловать
Случайный шрамик за плечом,
Ресницы, губы, пальцы, локоть.
За дверью дамы, словно лодки,
Плыют в киоск за куличом.
Расплакались дома с торцов,
И под щелчки прямой капели,
Дворы весну навзрыд запели
И к Богу подняли лицо.

* * *

Довольный кот лежал на стуле,
сопел во сне;

и падал свет в объятья улиц,
как сонный снег.

И я разбрасывалась днями
из чепухи,
совсем легко, как сочиняла
стихи, стихи.

И время из простых полотен
кроилось в век
и растворялось, как в полёте —
беспечный снег.
Лежала комната, что камень,
что тёмный трюм;
отрезки штор не пропускали
в неё зарю.

А снег метался, как опальный,
почти сиял...
Но было так тепло, что спали
без одеял.

Смущался утренним румянцем
небесный свод.
И в государстве год сменялся.
Сменялся год.

сколько ни проговаривай ни пиши ни ври
что ты оправилась что календула расцвела
что в твоём доме смолкли календари
будто кричала мучилась и девочку родила
или такое что-то прилив песок
розовый от кораллов вода икает
южное солнце стреляет тебе в висок
вечер сшивает прямоугольники мотыльками
всё не проходит шиповник внутри страниц
там где герой целует кого в карете
слышишь любовь холишь чужих синиц
держишь своих журавлей в секрете
столько всего что не вынесешь и вдвоём
столько всего что рядом живет и тает
свечи (смотри) загораются на каштанах
и оплывают по капле на чернозём

Григорий Медведев

По образованию журналист. Стихи публиковал в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» и других. Лауреат премий «Лицей» и «Звездный билет». Живёт в Мытищах

Август стоит на Язее,
на невеликой реке.
Осень стоит на паузе
где-то невдалеке.

Перелетает капустница
реку, недолог полёт.
Жарко, а сумрак опустится —
холод с низин поползёт.

Но никогда не смеркнется,
птичий не смолкнет хор
для мимолётной смертницы,
хрупких её сестёр.

Не для таких— гололедица,
стужа, деревья в снегу.
Вряд ли нам выпадет встретиться
там, на другом берегу.

Лето уходит нехотя
вниз по течению, на юг.
Где же капустница? — Нетути.
И пустовато вокруг.

Жизнь будет легка-легка,
только с трещиной посередине —
вроде первого на реке ледка —
ненадежна отныне.

Но срастается перелом
и вправляется ноющий вывих,
не тому ли вода подо льдом
учит нетерпеливых?

На Волхонке снежок, на Стромунке.
Пусть зима промелькнёт, недолга,
нам показывая картинки
цвета низкого потолка.

Из кафешного теплого зальца
выйти как-нибудь ввечеру,
жизнь легко выпуская из пальцев,
словно пёрышко на ветру.

Ночью время шумит, убывая,
мчит по выделенной полосе.
Путь-дорожка пылит столбовая,
неширокое это шоссе.

Помню, школьником был, шалопаем,
и уже одуванчик зацвёл,
я с уроков сбежал на футбол,
а очнулся вдруг за шеломянем.

В этой взрослой постели бессонной,
в тесной жизни своей взаперти
славий щёкот и гул монотонный
слушаю до пяти, до шести.

Соловей заливается сладко,
только, братия, солон полон.
Обступила со всех-то сторон
тьма, и воет вдали Ярославка.

Серафима Сапрыкина

Окончила философское отделение Кубанского государственного университета, магистратуру СПбГУ, направление «религиозная философия». Публиковалась в журналах «Знамя», «Зинзивер», «Сибирские огни», «Кольцо А», «Наш Современник», сборнике «Новые писатели» и других. Лауреат премии журнала «Зинзивер». Живёт в Санкт-Петербурге

я смотрю как замерзает
окоём погубленный
православными глазами
белыми, округлыми
это ясельная память
умывальник кафельный
детскими пою устами
вечную анафему
и качусь, качусь клубочком
крошечной снегурочкой
по пустым полям непрочным
по угодьям сумрачным

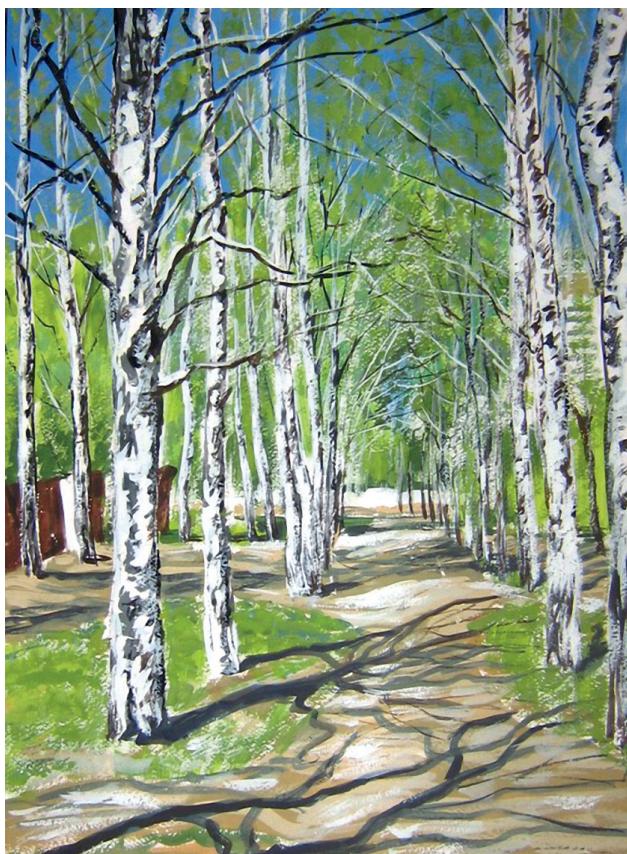
Долгий список разборчивым почерком,
Всех спасут, никого не спасут,
Вызывают по имени-отчеству
На нестрашный пока ещё суд,

По глазам беспризорным, как лезвие,
Вещества обжигающий луч,
Мы идем по порядку, болезные,
Говорим про велик и могуч,

А внутри, среди тайного месива,
В капиллярном легчайшем аду,
Происходит иная поэзия
И иные законы в ходу.

Что вместить в ограниченный датами
Тонкий прочерк, условный пролог?
И висит, как топор, неподатливый,
Навсегда выпадающий слог.

Наши гости

Галина Абделазиз

Выпускница Московского горного института, член Союза российских писателей

И снова сны о Вас...

Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?
А. Блок

На улице Convention зима,
Звезда над переулочком знакомым,
Гирляндами украшены дома,
Повсюду новогодняя истома.
Голубка на карнизе с голубком
Воркуют что-то о грядущем лете –

Как хорошо бы жить в краю другом,
Где тёплую волну целует ветер,
Где нет ни зла, ни лжи, ни баррикад,
Наивные как песнь о мире птицы.

Декабрьский день уходит на закат
И снова сны о Вас мне будут сниться...

Юрий Алтайцев

Доктор технических наук, занимается проблемами обеспечения безопасности Чернобыльской АЭС на Украине

Упал туман в горах

Упал туман в горах,
Расширилось ненастье...
А у тебя в глазах
Оливковое счастье.

На склоненном лугу
Озимье прорастает...
На дальнем берегу
Все о тебе мечтают.

В холодной красоте
Нет теплоты во взгляде...
А ходят всё не те
В Париже и в Канаде.

Не застеклён балкон,
Где ворон чёрнокрылый...
Трамвайный перезвон
Насмешливый и милый.

Твою любовь храню
От горя и ненастья...
Спасибо ноябрю,
Его дождливой власти.

Серёжки

Возвращалась женщина одна
Вечером,
одна, без провожатых,

Женским одиночеством сильна,
Опытом конца восьмидесятых.

Вспоминала прежние дела,
В дом вошла и на диван присела,
В зеркале ещё любовь цвела,
Розоватым облачком висела.

Медленно поправила берет,
На лице разгладила морщины,
Вспомнила, что смотрят ей в след
Разные солидные мужчины.

Значит, не увяла красота,
Значит, не потеряна вовеки.
Есть ещё в ней милая черта,
От которой тают люди.

Все причины зная наперёд,
Со стола любви сметая крошки,
Положила бережно серёжки
В деревянный бабушкин комод.

За окном далёкий стук колёс,—
Поездов ночное расписанье,
Трепет недоверчивых берёз
И любви простое ожиданье.

Алина Бобылёва

Выпускница ВГТУ. Организатор Международного молодежного фестиваля короткометражного кино и анимации «Новый горизонт»

Пронумеровали, мой милый, сегодня с хвоста?
Звук, отражаясь от рельсов, летит по перрону.
Глаза закрывая, я слышу идущий состав,
Дождь барабанит по выцветшим старым вагонам.

Качается полка, качается черный ремень,
Меряя час и минуту от дома до дома.
Фонарная рябь задевает плацкартную темь.
Дверь открывается синим ключом домофона.

Пронумеровали, мой милый, сегодня, с хвоста?
Эхом летит ДСКшным по лестничной клетке.
Глаза закрывая, считаю. Привычней до ста.
Сквозь километры целую

бессменно и крепко.

Владимир Болгов

Выпускник ВПИ (ВГТУ)

Как жить без Руси?

Нас бомбили. Бомбили.
И сегодня бомбят.
Отрекись от России —
Нам всё время твердят.
Отрекись, всё получишь,
Всё, что хочешь, проси.
Только как же мне скучно
Будет жить без Руси.

Русь была для Европы
Тем последним мечом,
Что спасал все народы,
Не прося ни о чём.
Что бывал супостатов,
Сколько их, не спросив.
Как же будет, ребята,
Тяжело без Руси.

Нам всё время твердили:
Виноваты во всём.
Для кого-то мы были
Всех пугающим злом.
Но беда наступала,—
У самих мало сил,—
Сразу все вспоминали
Назначение Руси.

Отрекись, всё получишь,
Всё, что хочешь, проси.
Только с Родиной лучше.
Не могу без Руси.

Лапку дай

По лугу ходил телёнок,
Ел да ел. Устал и лёг.
Маленький. Совсем ребёнок.
Так несчастен, одинок.
Пожалеть решила Вика.
Нарвала цветов букет.
И к телёнку: «Посмотри-ка:
Я дарю тебе обед.
Посмотри, какой он свежий,
А как вкусен. На, пожуй».
Посмотрел телёнок нежно:
«Не мешай. Дай, полежу».
Вика руку тянет, просит:
«Дай же лапку подержать».
А телёнок глазки косит:
«Не мешай. Дай полежать».—
«Что ж, телочек, ты невежлив.
Дай же лапку, не жалей».—

«Подрасти ешё мне надо»,—
Так в ответ телочек ей.

Постояла, помолчала:
«Что ж, телёночек, прости».
Сколько дней телёнку? — Мало.
Вике скоро будет три.
Да не дней, а лет. Так что же:
Кто из них двоих взрослей?
Оба дети. Так похожи.

Дал бы лапку, был умней.

Хочу всю!

Ты хочешь предложить мне половину?
А я упорно к целому стремлюсь.
И даже с гор идущую лавину
Хочу я всю. Её я не боюсь.
Я встану на пути. И пусть она боится.
Дорогу ей я перекрыть смогу.
Взметнусь над нею раненою птицей
И опущусь на дальнем берегу.
И не мани меня ты половиной —
Себя отдай. Отдай всю, без остатка.
Я не возьму и половину мира,
Чтоб о другой мечтать украдкой.

Александра Веретина

Член Союза писателей России, лауреат
литературной премии имени Егора Исаева

Человек внутри отрывается точно тромб,
И бригада реанимации катит в свет
Вас обоих одною из безнадёжных троп —
Даже если всё это случается в голове.

Даже если на пять минут — никуда из лап!
Блики бусин, сползающих в капельницах-стручках,
Концентрические круги от лупастых ламп —
Остаются зиять на другой стороне зрачка.

После, ясно, всё принимаешь за бред и чушь.
Может, даже совсем не приемлешь, как блажь
и ложь.
Только дернет тревога, что миру стал странно чужд —
Открываешь глаза. Выдыхаешь наркоз. Встаёшь.

И срывает куда-то вниз непременно враз,
Как икону — с гвоздя — в районе сейсмоугроз.
Человек, отрываясь, скрываясь долою с глаз,
Часто ранее к сердцу раненому прирос.

То есть после шатаешься — тяжести центр смешён.
Ощущаешь себя причастившимся вяющих тайн

(Например, так рождаются люди. Или ешё —
Умирают надежды. Как хочешь, так и считай).

Поднимаешься на карачки, оно кровит,
Лёд отшвыриваешь с груди — лучше жар и пыл,
Мол, я новый солдат, и я знаю слова любви,
И заткнись, донна Роза, пока я их не забыл!

Как бы взять себя в руки, если их только две,
И баюкаешь перебитую на второй?
Даже если всё это случается в голове,
Отдуваться-то сердцу... негоже ему с дырой.

Всё — метафоры, бутафория и туфта! —
Усмехнутся вселенским безднам в твоих глазах.
Ты пошел бы на это ешё раз. И без щита,
Чтобы не на чем было тебя принести назад.

Гербарий

Замёрзла. Говорят, ешё пригреет —
даст бог, не кирпичом по голове.
И осень плачет, зреет и звереет,
и я такая тоже — дайте две.

И тяжело во мне: где взять атланта,
чтоб поднял и поставил на штатив —
классическим обмылочком таланта,
гербарием от цветших перспектив?

Земную жизнь пройдя до кромки ржавой,
стыдясь, оборотясь на полотно,
признать: всё, что писала я, пожалуй —
всё о любви. Оно

для гордости не повод — с жару с пылу
ни выгоды, ни мудрости не взять.
Потрачено. А что, так можно было —
миры творить и умиротворять?!

И если так судить — хватило б места
(когда бы оказалась я умней)
в пределах жизни и в пределах текста
для тем и для событий поважней,

чем «наши души — однокоренные,
их рифмовать друг с другом — моветон»...
Стоят, стоят задачи, как стальные.
Лежат свершенья — сопли и картон.

И эта боль привычно нелегка мне —
зато понятно, что ешё жива.
Есть время — нету силушки на камни —
разбрасывать и собирать слова,

стремясь сильнее с каждой минутой
туда, где наконец-то полумгла
с меня соскочит, как с пластинки гнутой —
кривая граммофонная игла.

Дарья Гузеева

Член Союза писателей России, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин ЦФ Российского государственного университета правосудия

Рассыпаюсь

Рассыпаюсь...
Соберите меня в мозаику.
Просыпаюсь,
Говорю: «Алло!», а там «занято»...
Я пытаюсь
Быть поэтом, а не прозаиком
В нашей жизни,
Где радость зыбка-то как!

Иней

Иней утёк уже. Не дождался
Моего возвращения в этот город.
Она сказала: «Кристаллизация
Нужна, чтоб убить душевный холод...»
Тихо заглядывая в лица деревьям,
Силимся там вдохновение встретить.
Может, хотя бы загадочной тенью
Муза мелькнёт, улыбнувшись, заметит.
Эти деревья стоят, нараспашку
Душу свою открывая проезжим.
Может, когда-то мы в мире нашем
Слово «планету беречь» сдержим.
Если увидеть ты сможешь иней,
Ажурную сеть кружевной вуали,
Значит, с тобой мы в небе синем
Много веков назад летали.
Только сейчас мы это узнали.
Нам помешали
Сердца из стали.

Сети

Бой
«двадцать четыре».
Часов
в этой квартире нет.
Стук
«двадцать четыре».
Сердец
в цифровом мире нет.
Лишь
«два-дцать че-ты-ре»,
Ещё
«два-дцать че-ты-ре»
Плюс
Сети да файлы
Плюс
Теги и смайлы...

Где
Ямочки щёчек?!

Лишь
тикает счётчик...

Где тёплые пальцы
Да
Искорки смеха?!

Эх
ты, неумеха
За
Смыслом гоняться...

Лишь
тикает счётчик,
Лишь
Байты да авы...
Спишь?
Двадцать четыре
Тебя
В интернет-мире.

Лечу. 25.12.2016

Доктору Лизе (Елизавете Глинка)

Что значит это слово — «лечу»?
Послушай. Я рассказать хочу...
Маленьким детям нужно спасенье,
Нет вовсе времени для промедления.
Врач по профессии, врач по призванию
Не всеми одобрен в этом старанье.
В горячую точку женщина-врач
Едет, но рядом палач.
А многие заново стали ходить,
Многие просто начали жить,
«Милое сердце» есть «милосердье».
Рядом согреться — нужно усердье!
Крика шакалов не слышать, идти!
Камни, брошенные на пути
В спину ей, не поранят, не жди!
Не остановят и не заставят
Бросить забытых в подвале холодном.
Только помочь бы в горе народном!
Только успеть бы как можно больше
Крохотных жизней вылечить, дольше
Их путь на земле воплотить.
Тут и себя можно забыть!
Но не забудут шакалы, о нет!
Ждут лишь момент погасить белый свет!..
Что значит, скажи мне, слово «лечу»?
Небо. Шасси. Самолет. Палачу...
Умысел зверский удался... Молчу...
«Как же?! За что вы убили?!» — кричу...
Это не два разных слова «лечу».
Я приравнять эти смыслы хочу.
Души героев будут в раю!
В память о них эту песню пою...

Але́нький цветочек

Але́нький...
Где цветочек але́нький?
Папенъка,
Привези мне, папенъка,
Маленький,
Говоришь, подарок,
Маленький?
Знали б вы,
Нет дороже!
Знали б вы!
Чудища...
Не боюсь я чудища.
Жаль его,
Горемыку, жаль его...
Буду я
Утешать там... буду я...,
Добрую...
Душу добрую успокаивать.
Сёстрам же
Не прощу обмана я?
Злого их
Умысла коварного?
Нет, друзья,
Пусть им будет Бог судья!
Я же — в лес!
С милым заговаривать!

Спрячь меня, никому не показывай!
Буду жить у тебя за пазухой.
Как в шестнадцать, те чувства первые
Были искренними, самыми верными,
И сейчас так наружу просятся,
Что уже наплевать! Пусть косятся
Дураки и зеваки стаями,
Лишь друг друга с тобой узнали бы мы
В этом стоне весны каштановой,
Пригвоздили бы себя к любви заново,
Родились бы, раскрылись, ветками
Оплели души наши. Метко так
Я с балкона, как та Джульетта,
Поцелуй бы прислала приветный.
Но пока, ведь не все ещё сказано,
Меня прячь на груди, за пазухой.

Зоя Колесникова

Член правления Воронежского регионального
отделения Союза писателей России, руководитель
Молодежной литературной студии «Современник»
при Воронежской писательской организации

В январе поутру устремляется к пагоде ветер.
И деревья кивают на теплую зrimую дверь...

Мой читатель любезный, случайный, стихам моим
верь.

Но и птице, летящей к закату, друзья мои, верьте...
И так было всегда. Растворялась полоска заката
и во мгле, и в дали, за чертой, на краю горизонта.
На мгновение мир затихал... И высвечивал даты...
Поднималась Луна, освещая ушедших бессонно...
Всё хлопочет к весне. И в немом преломлении света
тихо падает снег. Перед тем, как упасть, погрустнев...
Почему-то теперь для кого-то не первое лето
возвращает не нам свой последний веселый напев.

Евгению Новичихину

Дымок между небом и снегом.
Морозец крепчает по-русски.
Иду тихой улочкой узкой.
И в этом особая нега.

И падает иней с ветвей,
и в небо возносится птица.
Ей с каждой зимою видней,
о чём нам радеть и молиться.

И падает свет в унисон
и мыслям, и снам, и деревьям,
как будто бы знает и он
о степени высшей доверия.

У ветра весеннего запах особый,
здесь каждый листочек даёт аромат:
весь мир воплотился в медовые соты
и возвеличился вновь во сто крат.

И город молчащий, звучащий, горчащий
вбирает высокие токи весны...
Сияющий чистый фонтан говорящий –
играющий символ воспетой страны.

И счастливы двое в его первовластье,
и это впервые за многие лета...
А ветер весенний не знает о счастье –
его возлеет он в образе света.

Мысли о смерти, мальчик,
как суету, гони...
Где твоей жизни ларчик,
там и её огни...

А в небосводе завтра
грянут колокола...
Чем бы ты ни был занят,
ангельские крыла
будут тебя лелеять.
будут тебя беречь...
Будет ещё светлее
в храме от слов и свеч!..

Будут летать букашки,
Будет янтарный свет...
Будет совсем не страшно
Думать, что смерти нет.

Играй, великий музыкант!
На струнах жертвенной души
играл Бетховен...
Или Кант
по-своему сыграть спешил...
Под снегом колкий изумруд
иголок ели и сосны...
Вчера не пели. Но поют
синички — вестницы весны...
Тончайший и легчайший свист!
Под каблучками снег хрустит...
Играйте, милый пианист!
Пока моя душа
летит!

Надежда

Среди неведомых забот
и безнадежности случайной
во мне безмолвие поёт
смятенно, призрачно, печально...

Его немыслимая суть —
пока ещё неизречённа —
в тебе вспорхнет когда-нибудь
и растворится во Вселенной.

Владимир Кузьменко

Выпускник ВГПУ, член молодёжной литературной студии «Современник» при региональном отделении Союза писателей России

Снежинкой долгой Мир благословлён,
И кошка рада, балуется пухом.
Во сне июньских тополей я — слухом —
Паденьем громким каждой удивлён.

Гремит подобно стройка и салют?
Нет, жизнь, какая-никакая быстрая.
На рукавах моих покорно ждут
Красавицы — в упор дыханья-выстрела.

Случайного опасного тепла
Чего не ждать? Прекрасное — не в этом?
В другую жизнь их жизнь перетекла,
Довольная немым своим ответом.

Кривые зубы гаражей
Мазутным кариесом съедены.
В оттенках чьих карандашей
Печалью выдуманной бредим мы?

И отчего промзона спит,
Брыкаясь в небо дымом копотным,
Что так бока её теснит,
Днём выходным, ничуть не хлопотным?

Наверное, наверняка. Ничьи,
Как провода над крышами,
Поодиночке ждём ручьи,
Их бег речистый еле слышимый.

Месяц

Месяц усился на крыше соседнего дома —
Сгорбился, щупловатый и ясноокий.
Юноша, может и вам эта ночь знакома?
В этом часу по отдельности все одиноки.

Виден ли сверху для вас хоть один прохожий,
Сышен ли ласковый пруд в суховейном мае?
Не сосчитать нам ни звёзд, ни земных подножий,
Культ песнопений, отдушина волчьей стаи.

Сесть на дорожку, так принято над Россией,
В радость ли ночь — или это вам Божья кара?
Месяц пропал с заутренней литургией,
В Мексике где-то поёт для него гитара.

Вероника Кузьмина

Училась на факультете РГФ, выпускница ВГПИ

Отпылала, отгремела, отголосила,
Семь десятков лет метелью запорошено,
Семь десятков зим травою вешней всхожено,
Светлой памятью седин встревожено.

Отпусти печаль свою ты в даль далекую,
Словно в вечность птицу скорби одинокую,
Словно в бездну, путь-дорогу длинную,
Птицу-память, грусть необъяснимую.

Отпусти тоску свою ты песней тихою,
У священного огня склоняясь с молитвою,
У огня того благословленного,
Память что хранит нетленную.

У гранитной у плиты склони колени,
Будь достоин славы незабвенной,
Будь достоин подвига погибших,
До Весны-Победы не доживших.

Легендарному кумиру

Памяти профессора О. Я. Баева

Есть учителя — легенды, оставляют в жизни след,
Яркий след идей нетленных, мыслей, фраз
проникновенных,
Жаркий след боев, побед.

Есть учителя — кумиры, ханжество не их порок,
Вдвоем больше с ними силы, образ, памятью
хранимый,
Каждый ученик сберег.

Добрым словом, теплым взглядом, улыбнувшись
Краем глаз. На пороге, где-то рядом,
Хлопотливо встретит нас.

Но, как водится, повсюду век недолог у добра.
Чтить и помнить их мы будем, славный путь их
Не забудем никогда.

Боль утраты утром гложет, прятать грусть нет
больше сил —
Расскажи об этом людям — у тебя такой учитель был.

Александра Наливкина

Студентка ВХУ

Я разглядывал на звёздочках ковра
Мамины улыбку после родов,
Крики детворы: «За Родину — ура!»,
Лица дедов в пламени заводов.

Руки пахли яблоком и пирогом,
В доме кошка, с мордой вороватой.
Одеяло придавило, а потом...
Облака, как сахарная вата.

Дымит труба, дурачится водитель,
Торговка рассуждает о весне,
А я безмолвный и незримый зритель,
Ишу чего-то взглядом в стороне.

Я их люблю: бродячую собаку,
Базарных теток, гопников, ментов.
И по ночам всё пачкаю бумагу,
Рисую лица наших городов.

Аман Рахметов

Выпускник Военно-воздушной академии им. Жуковского и Гагарина в Воронеже. Работает и живёт в Шымкенте

Чемоданы с корнями вещей

Тишина — не есть молчание...

*Милорад Павич.
А.К.*

Ты приедешь до нового года,
до салютов и
снеговиков,
и ключи от дверей треугольных
подойдут для дверей без углов.

А углы — это птицы, их крылья,
нарисованные
малышом,
не владеющим временем рыбы,
но владеющим карандашом...

Остаётся ходить на свиданье
с целым миром —
подглядывать в щель,
наблюдать, как растут чемоданы,
чемоданы с корнями вещей.

Потому что за всеми ночами,
чемоданами,
птицами, за
тишиной наступает молчанье —
говорят только наши глаза.

А глазам, как в глазок телескопа,
упираться
в стремление звёзд,
на сухие ладони пророка
виноградную складывать гроздь.

ты знаешь кому...

Пёс облизывает ладони
Луны,
худощавые и холодные, как ребенок
в застывшие дни —
железо.

Ты залезешь на подоконник
и сквозь свои сны
обнаружишь родинки,
а на родинках — шерсть
и уже не слезешь

никогда. Ты станешь таким же,
как он —
неподвижным иечно преданным,
обрастёшь ярко-желтою шерстью.

Может,
повторяются наши жизни
и страх
помогает сужаться улицам,
как мурашкам оказываться на
коже,
и железо, что прежде — камень,

в огне
закалённое,— расплывается,
и пространство кривится в огне ракеты,
и она приземляется
на Луне...

Только пёс всё так же — к ладоням,
и ребёнок
считает весь мир конфетой.

Как привычно учить языки —
стало нам невозможно молчанье...
Заменяя дверные замки,
запасаемся словоключами

и храним их на связках, во рту,
запасные же прячем в ключницах.
Если те, что во рту, пропадут,
ничего-ничего не случится...

Мы заполним пустые места
на квадратах квартир и кроссвордов —
столько в мире загадок и стран,
сколько в нас не от жертвы — от вора.

Хоть себя самого заключай
в недостроенное помещенье,
потому что замок без ключа,
как и Жизнь, не имеет значения.

Птицы

Довольно сложно заблудиться
в квартире
собственной тогда,
когда я собираюсь к птицам
уехать раз и навсегда.

Мне нравится следить за ними,
как за агентами —
двойной
агент, прикидываться мимо
идущим, слившимся с толпой.

И странной следуя
привычке —
прослушивать их каждый день,
я стану говорить на птичьем —
среди людей.

Коснутся руки мягкого стекла,
и мир за выпуклостью станет шире,
и если окна с миром —
пополам,
то мы актеры, ждущие за ширмой.

Но выпуклость — иллюзия,
и звук
аплодисментов громких вызывает
у стен твоей квартиры тихий зуд,
и ты, как гость,
становишься незваным.

Ковер в прихожей, трогаешь ковер
руками, хочешь по нему пройтись,
не разуваясь,— настоящий вор,
теперь ты — вор,
ты — вор,
остановись.

Не нужно прикасаться к стёклам,
нет!

ни выпуклости мира,
ни свободы —
есть плоскость,
ты,
и карандаш на ней,
и лошади, глотающие воду,

далёкие, в таинственном лесу...

Всё больше повода уйти от слова,
как, не дождавшись поздней электрички,
уйти со станции и быть готовым
с таксистами растрачивать наличку.

Черта характера — уйти, неважно,
какой маршрут, движенье остаётся,
как на стекле в повышенную влажность —
пейзажи, нарисованные солнцем.

Но времени всё меньше на решимость —
искать слова или теряться в числах,
не проверять, но проверять на вшивость
свой вечный поиск жизненного смысла.

Алексей Серёгин

Резчик по дереву. Член воронежского клуба поэтов
«Лик»

Яд января

Много снега и льда...
Коль вопрос — значит «да»,
Но ходить по дороге непросто.

Беспокойство — порог
И работа для ног,
Пусть хрустит под подошвой короста.

Там, где лёд, там и снег,
Где душа — человек,
Только воздух — не почва для духа...
Раз ступень — значит, шаг,
И не мат — значит, шах
И пространство для белого пуха.

Коли так, значит — ток:
Двести двадцать — итог,
Только этого делать не буду.
Если вбок — значит, бык
Быть опорой привык,
И надеяться глупо на Будду.

Если лёд — это лад,
Значит, в воздухе — яд,
Для ума и сознанья отрава...
Мысль тягучая, как мёд,
Где был выход — там вход,
И пороша — для мыслей оправа.

Странный понедельник

Сегодня странный понедельник.
И не в погоде дело тут.
Сеть ловчая часов отдельных.
Дни-пауки её плетут.

Чтобы попался в них бездельник.
Студент, спешащий в институт.
Не смог сбежать ни врач, ни мельник.
Ни поп, ни вор, ни хват, ни плут.

Неделя вся из клейких нитей.
В неё вы точно угодите.
А в центре жадный паучок.

Для жертвы приготовлен кокон.
Дом без дверей, без стен и окон.
Все знают, но о нём — молчок

Солнце заглядывает в прогал меж туч.
Если задуматься, каждый из нас летуч,
Если задуматься, каждый и бел, и ал,
Каждый из нас заглядывает в прогал.

Что же мы видим? Если смотреть с небес,
Всякие мелочи приобретают вес,
Но притяжение действует лишь пока
Мы не поймём, что глядим чересчур свысока.

Если же нам меж туч поглядеть с земли,
Если задуматься, что бы мы сделать смогли,
То притяжение будет тянуть нас вниз,
В сумрачный мир поднебесных — земных — темниц.

Бах, только Ричард, а не Иоганн,

Всё размышлял, услышав чаек стон,
Что каждая — немного Ливингстон,

А вместе они — стая, птичий клан.
Над небесами — тоже небеса,
И каждый — исполин и великан,

И для полёта жизни полоса...
Вложил слова он в чаячы уста,
Кому видна надмирная краса,
Кто, умерев, летать не перестал.

Жизнь после жизни — к совершенству путь,
Её от нас скрывают облака —
Сияющий высокий пьедестал,
И лишь к нему, а не куда-нибудь,
Летим мы, стоя на земле пока.

Разговор без слов

Не в последний раз разговор
О любви идёт, и кто надо — слышит.
Неровной походкой иду через двор
Туда, где совы, летучие мыши...

Иду неспешно туда, где нет
Непроходимой лесной чащи,
И всюду среди деревьев — свет,
Куда невозможно глубже и чаще

Выдохнуть слово, и слово вслед,
Вторя, вдогонку отправить за первым,
И лучше, что никого рядом нет,
Такой разговор неровный и нервный.

Шаг — это слово, полшага — вздох.
Резкий вдох и медленный выдох.
Слово за словом, пока не сдох
От неудавшихся жизни попыток.

О любви — в одиночку, совсем без слов
Разговор, в тишине, без объятий и встреч,
Где летучих мышей взамен и сов...
Тот, кто надо,— слышит мою речь...

Людмила Сёмина

Исполнительный директор Клуба журналистов
«Комсомольской правды»

Вальс-бостон

Старушка-гном весь день у телевизора
пасьянсы бесконечные плетёт.
Всё отшло. И только у провизора
ещё открыт её последний счёт.

Дышать всё тяжелей. Хрипят и булькают
комочки лёгких в скрюченном горбу.
Но — бант на шейке.
Ножки в белых туфельках.
Готова хоть сейчас лежать в гробу.

Читать уже невмочь. С огромной лупою
разглядывает старенький альбом.
Ворчит, что вот была когда-то глупою
сестричкою в военно-полевом.

Что вспоминает? И чего так жалко?
Сын той поры давно уж отлетел.
Жил без отца. Ни шатко — и ни валко.
Что был, что не был. Снимок пожелтел.

В альбоме этом с выцветшими снимками
её не снятое никем кино.
Перебрала всю жизнь в уме песчинками,
за каждый шаг ответит, если что...

Закутается в шаль. Задремлет в кресле.
Лицо разгладится.
Чуть слышен сладкий стон.
Дом офицеров ей приснится в блеске
хрустальной люстры. Танец вальс-бостон.

И медленно плывут по кругу лица
уже забытых молодых людей.
Шагнула ножка, чтобы тоже влиться
туда, где живы все. Ей там родней.

Очнулась. Задрожали венки мелко.
Слеза ползёт по сеточке морщин.
Что вспоминать —
всю жизнь по кругу белкой,
не до амуров обходительных мужчин.

Все радости наперечёт, по капле,
тот вальс недаром снится иногда.
Старушка-гном лекарство в чашку капает,
и спрашивает вновь пасьянс — когда?

Вечер с редактором

Серым жемчугом небо окрашено,
шёлком дымчатым стала трава,

словно смазанный штрих карандашный
притушил всё вокруг до утра.

Ветки тень прочертilla гардину.
Тьма углы заполняет собой.
Режет ламповый круг гильотинно
Полумрак и поток световой.

В мундштуке отстраненном бамбуковом
позабыто окурок дымит.
В старой папке с потёртыми буквами
опечаток штрафной кондит.

Свежеизданный томик поэта
скромно прячет в тени переплёт.
Чуть замедлен на кнопках планшета
пальцев сбивчивый перелёт.

Истончившееся запястье,
лоскуток кружевного жабо...
Видно, как надо лбом в одночасье
белым пламенем прядь обожгло.

Утомлённый прищур за очками,
меж бровей изумлённый надлом.
Отмеряя минуты качками,
мягко тикает метроном.

Красным шрифтом помечена правка.
Всё длинней замечаний реестр.
Приготовлен конверт для отправки
и на рукопись выставлен крест.

Занесён в отказной лист учётный
адрес автора. Принтер гудит.
И фломастер автографом чётким
подмахнёт беспощадный вердикт.

Плащ из шкафа крылом вылетает:
тонко звякнул рингтон, как фарфор.
Шляпка с пёрышком прядь прикрывает.
Прострочили шаги коридор.

Жемчуг серый стал угольно-чёрным.
Мглой окрестность обнудена.
Только конусом усечённым,
как прожектором, светит луна.

Промелькнёт силуэт угловато,
канет в бархат ночной без следа.
Равнодушно и подслеповато
вслед глядит тусклых стёкол слюда.

Воровато, как тать, проникает
меж уснувших домов цепкий смог.
В книжном чреве, на казнь обрекая,
ждёт рассвета убийца-письмо.

Ариша Сергеева

Окончила Московский государственный педагогический университет имени В.И. Ленина, работает в детской театральной студии

Пропажа

Полночных мыслей стёртая канва
Запуталась в ловушке у печали...
Я невзначай рассыпала слова,
Которые тебе предназначались.

Рассыпала — как бусинок горох,
Как хрупкой чашки мелкие осколки,
И канули они — как будто в стог...
Ты пробовал в стогу искать иголку?

А я не стала...
Значит, не судьба
Моим словам — беспомощно и слепо
Припасть к твоим несбышившимся губам
И отозваться гулким стуком слева.

Зачем искать на темной стороне
Пролившиеся лужицы из света?
Ведь их там просто не было и нет —
Как нет в зиме распахнутости лета.

Волчица-ночь крадется втихаря —
Она свою добычу не упустит...
И жёлтое свеченье фонаря,
Как волчий глаз — приют вселенской грусти.

Юрий Силантьев

Кадровый военный, член воронежского городского элитного поэтического клуба «Лик». Неоднократный участник Дней поэзии ВГУ. Член Союза писателей России

Я пока ещё не умер.
Я пока ещё не старый.
Чуть красивый... Даже умный.
Только очень уж усталый.

Только очень я усталый,
жизнью битый-перебитый...
Вот и нервы не из стали,
вот и щёки не побриты.

Не промерены проливы,
не проверены дороги,
не разобраны архивы
и не собраны итоги.

Но и в этом мире зыбком
сохранил я шага твёрдость.
Не ушла из глаз улыбка,
только память поистёрлась...

И уже тревожит осень
злым ознобом меж лопаток.
И в причёску вмёрзла проседь —
за мои потери плата...

Жестокость

Я вижу так, как видел и тогда:
в ночи горела горная деревня,
и — ярко освещала их беда —
тела людей висели на деревьях.

Здесь о вершины бился женский крик,
и автоматы ночь на части рвали...
Мы так спешили в этот страшный миг!
Но БТР подвёл — мы опоздали.

Жестокость вышла полчаса назад
отсюда — дальше, к новому набегу!
И неукрыты мёртвые лежат.
Зима. Но страшно падать снегу.

Здесь понял я, что мудрецы правы:
жестокость — порождает лишь жестокость.
Сорвал берет десантник с головы:
«Ну, суки!.. Дай нам Бог достать их только!»

И ведь достали...

Вина

Только ты и остался от роты ребят,
что повзводно лежат перед энской рекой.
Ты ползёшь, задыхаясь, зубами скрипя,—
и взрываешь единственный мост за собой!

Пусть не создано будет об этом легенд,
и народный певец о тебе не споёт,—
ты живой! И не в счёт эта пуля в ноге,
что огнём прожигает и встать не даёт...

Отгрохочет беда, и настанет покой.
Скажет кто-то: «Война пощадила тебя...»
Ты прости ему это,— он не был с тобой
там, где ты потерял самых лучших ребят!

Если колокол бьёт, то ты знаешь, по ком...
И не спросишь уже, чья упала звезда.
И хоть прошлое выжжено напрочь огнём,
но, похоже, остался ты в нём навсегда.

Это значит — опять выползать из огня,
землю грызть и не знать, что сумеешь дожить...

Одного за другим всех друзей хороня,
в каждой новой могиле себя хоронить!

Ты сражался, как мог. И ни там, ни вокруг —
никого, кто бы в чём-то тебя упрекнул.
Ты же выиграл войну! Так чего же ты вдруг,
словно пулью, в себе ощущаешь вину?..

Горькая чаша

Не на всех чеканятся медали.
Этих награждают, а вон те
не дожили и не долежали
в чистом поле с пулём в животе...

Шлёт судьба не каждому удачу.
Будь хотя бы тем доволен ты,
что не по тебе родные плачут,
не тебе кладут на гроб цветы...

Кто сказал, что есть предел у боли?
Все — по всей земле — лежат друзья...
Как же я, наверное, доволен
тем, что жив, — аж высказать нельзя!

Я на стол поставлю пять стаканов,
по краю по самые налью.
Никого я заставлять не стану
пить со мною горькую мою...

Пленный наёмник

Юрию Тиунову
из 104 дивизии ВДВ

Он стоял, заложив руки за спину,
и не щурясь смотрел на закат,
никаким государством не засланный,
не подвластный законам солдат.

Он стоял вне закона и родины,
прозвываемый «диким гусём».
За Афган два потёртые ордена
так неброско гляделись на нём...

Он стоял, улыбаясь презрительно,
знай горе своё наперёд —
он умрёт. Всё ему извинительно,
потому что он страшно умрёт!

Редкий гость — эта птица пленённая.
Оттого и толпа собралась,
кровью будущей опьянённая,
поглазеть на жестокую казнь.

Ну, а он пил закат этот розовый,
веря, что Милосердный простит
всё за муки его и за бронзовый
крестик, что под тельняшкой висит...

Наталья Смирнова

Главный администратор воронежского Театра
юного зрителя

Юность

Я к зиме сошью шубу,
От дождей — длинный плащ,
От советчиков — в хохот,
А от мудростей — в плач.

От таблеток — в болезни,
Из-под тени — в ожог,
Солнце стало мишенью
Ненаписанных строк.

От намордников — пасти
И на дне все верхи,
От иглы покаяния
Одно средство — грехи.

Там, где Вечность бессменна,
Счастьем брызнет однажды
От воды ледяной
Средство верное — жажда.

А блаженства слезу
Осушит только горе.
Бьёт в холодный песок
Раскалённое море.

И сказали мне люди,
Извинив за наивность:
«От любви сумасшедшей
Одно средство — взаимность...»

Мария Соколовская

Член Союза российских писателей. Заместитель
главного редактора научного журнала «Энергия —
XXI век»

Птичка

И вот уже тридцать. Думала, всё изменится:
Мол, станешь умная, взрослая и серьезная,
А детство сбежит по битой подъездной лестнице...
Но нет. Седина души еще не затронула.

Под снегом идёшь — ранимая и тоскливая —
И смотришь с укором на странное отражение.
Витрины как будто сами проносятся мимо. Ты
Больше, чем смерти, жаждешь теперь спасения

И каждой снежинке заглядываешь в соцветие,
И чудом любуешься, словно в ладони — истина,
И под ногами — истины, и падают с неба — истины,

И в свете фар кружатся чужие истины,
И нет ни одной недостойной, все так прекрасны, но
Они просто тают, когда ты поймать пытаешься.

И ты не пытаешься больше. Смотри — как здорово
Идти свою жизнь в гололёд, снегопаду радуясь.
И только в глазах любого, кто может встретиться,
Всё ищешь упрямо неведомого спасения,
Как будто уже не можешь, устала, падаешь,
Но нет, показалось, ты держишься, ты стараешься.
И кто-то стучится из сердца, но ты не выпустишь.
Там слишком холодно, милая, слишком холодно.

Да, дерево склонилось над землёй.
Нет, дерево возносится ветвями.

Так по зиме зовёт оно домой,
Что ищешь воздух битыми корнями.

Приморский город дует на январь,
А ты на выдохе такое вспоминаешь —

Страницы морщит старый календарь.

Назад его задумчиво листаешь
И забываешь. Что-то забываешь.

помнить страшно и горько безумно и сумрачно
обездвиженный болью был жалок и мал
в мыслях старый монах появлялся задумчивый
долго теплой ладонью
за руку
держал

и теперь изгибается линия фронта
и над ней преломляется в облаке свет
разноцветие тянется до горизонта
и ещё полон жизни
растет
сухоцвет

и рождается Голос в сиянии горного
и молчит улыбаясь ты внемлешь Ему
от взаимности свыше врываются молнии
прекращая
не жизнь
прекращая войну

Это лечит меня и ложится на ветки пухом
Ледяным. Тяжелеет в оттепель, липнет, тает.
Ожидает духом меня на ступенях рая,
Между белым небом и жизнью моей бескрайней.
Между той белизной, что воздушна и обитаема,
И другой, одинокой и тяжелеющей.

Я не знаю Тебя, но врачую тобою раны,
Всепрощающий и Жалеющий.

Дым коромыслом. И плещется в вёдрах огонь.
Я не спеша становлюсь под закатное небо.
(«Хочешь, сегодня мы просто побудем вдвоём?»)
И распускается вечер соцветием вербы.

(«Да»). Вопреки всем законам природы и вдоль
Жизни привычной, но вмиг уже мимо скользящей,
Я раздражённо врываюсь в небесный покой,
Противоречащий мне и сияньем слепящий.

Тело кометой взлетело, над городом — мост:
Лёд безутешно, отчаянно, медленно тает.
И остаётся — души неоформленный камень.

Брось меня в небе среди обжигающих звёзд.

я хочу только не
а без не ничего не хочу
разве только в траве полежать
на пустынном речном берегу

ну а если волшебник летишь
в голубом вертолёте
то
всё то же
но без комаров
захвати ещё пледик в комоде

я немного побуду одна
а потом поболтаем о звездах
костерок разведём
будет радостно тихо и просто

я хочу только не
а без не ничего не хочу
разве только в траве полежать
на пустынном речном берегу

Татьяна Шепелева

Член Союза российских писателей, лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции», выпускница истфака ВГПУ, ведущий библиограф Областной юношеской библиотеки им. В. М. Кубанёва

Мастер Ская

Мастерская,
мастер Ская,
Отремонтируй Скай мне —
Чтобы Скай был синий, с белыми облаками,
С яркими огоньками,

Чтоб не жух ворохом,
Чтоб не пах порохом,
Чтоб не вис
Брюхом вниз
Серыми потрохами.

Отремонтируй Скай мне, отремонтируй Скай
Виртуозно, изысканно, но пускай
Он не станет разверстой ямой –
Станет Ладой и Харе Рамой,
Станет шёлковым и игристым,
А не казусом неказистым.

Если сделаешь Скай блестящим,
Будет истина в настоящем,
Будет солнце и будет слово;
И не стоит искать иного.

Жизненное

Я выкашивал зимы, как кошка шерсть,
я топил сомненья в весенних лужах,
проносился вихрем, футболил жесть,
становился выше и как бы лучше.
Я ночами слушал, как шкаф вздыхал,
со своими скелетами вечно в ссоре,
я вынашивал план, и летал подвал,
и чердак, и живопись на заборе.

Присобачен, приклеен, прибит гвоздем,
прислюнявлен к лицу своей эпохи,
я шуршал печальным календарем –
отрывным, худеющим на издохе.
Просыпаясь, я знал – есть одна стена,
за которой другая. Я был живучим;
Засыпая, я думал, что новизна –
это то, что пугает, а пуще – учит.

Мне на плечи кидался цепной кобель,
я не сразу заметил, что веку крышка;
я купил пальто (не сказать – шинель),
обернулся и понял, что жизнь – пальтишко.

Много позже,
в прихожей снимая жизнь,
становясь горбатым,
я шёл к дивану,
а когда, надевая её,
выходил –
становился выше
и как бы
лучше.

Ладошки, варежки...

Ладошки, варежки... Чтоб не сойти с ума,
Смотрю в окно и думаю: «Зима».
Смотрю в окно — девчонка лет пяти,
Ладошки, варежки... Постой, не уходи!..

Бегу по лестнице, бегу куда-то вдаль,
Бегу по снегу...
...Кончился февраль...

У города и времени свои
Сквозные проявления любви.
Изношена история до дыр –
Империя, мистерия
И др.
Многосерийна, многослойна и
Многоголоса, чёрт её дер!
Но, кажется, никто не виноват,
Что мы заголосили невпопад;
Как ни крути, никто не лучше нас –
Неволя память отшибает враз.

Пусть город спит. И даже пусть не спит –
Пускай замками ржавыми скрипит,
Пускай тоскует, жмурится и ждёт,
И никогда меня не узнаёт,
Кряхтит и кашляет, и шинами шуршит,
И ворошит былое, ворошит,
Где каждый дом одушевлён и нем,
Где в каждом доме тысячи проблем...

А кто-то утром станет у окна,
Посмотрит и подумает: «Весна».

Улыбайся

То не блудный сын воротится бумерангом,
не Угрюм-река утечёт, обернувшись Гангом,
не роман сгорит во сто глав и с одной ремаркой,
то — дворец-ларец и плац с триумфальной аркой.
Не гранит, не мрамор — всего лишь молдинг,
за окном — консалтинг, за дверью — холдинг,
за рекой малина. Мои три сына
не дают мне повод, но есть причина
проявлять извечную человечность —
пирожковость, водковость, чебуречность.
Заходи, прохожий, но — будешь букой,
мы сгрызём тебя между сном и скукой.

То не утлый чёлн влеком по волнам плебейства,
не колючий тёрн, но — поэт и глава семейства,
то — пророк диванный, философ толчка и ванной,
мониторной моторной жизни, сиречь — экранной;
без руля и ветрил, под парами, укрыт ветрами,
он не здесь, не с нами, он мысленно за горами,
в башмаке дыра. «Вселенная, разверзайся!»

Улыбайся, Господи, улыбайся...

На холсте

На холсте осенняя тоска,
На холсте — морока. У виска
Брадобрей шерстит и муравей...

...видно, много красок у войны...

Шорох ливня, просо, колесо,
Грязью моет улица лицо,
На холсте всё те же, но не те...

...нам бы мертвцевов похоронить...

Колокол давно без языка,
На холсте солёная тоска,
У тоски ни сердца, ни строки...

...будет что по всей земле искать...

Ничего не случилось. Бредит апрелем май.
Столько ёлок в лесу! Выбирай для себя осину.
Я ташу, ташу
сосну в деревянный рай,
А звезда-макушка светит куда-то в спину.
Для зелёных лап, для вечнозеленых ламп,
Для озёрных глубин с ресницами точно пики,
Для таких, как мы,— встревоженных с/нежных баб —
Золотая звезда рассыпает косые блики.

Человек не меняется. Смотрит слепым зрачком,
Просыпается утром, ищет свечу и тапки,
Ищет истину, прячется в «точке ком»,
В декабре, в себе, в порядке и беспорядке;
Верит в чудо, по шею сидит в дерьме,
Тяжело бухая и отдыхая,
И уже совсем не в своём уме
Всё лепечет: «Господи, не до края...»

А когда отболит спелёнатых дней дрянца,
Он шагнёт вперед — влюблённый, пустой,
бездонный,
Поелику соль, что хрустит под ногой певца,
Суть кристалл, растущий по жизни оной.

А еще — мороз трещит по-над-за рекой,
А еще — дворы, костры, да колючий ветер,
А еще — небесная колоколь...
Баю-бай, качается колыбелька.

Евгений Шабунин

Член Общероссийского союза военных писателей
«Воинское содружество»

В «гостях» у Есенина

Душа — любым поэтам в любые времена —
Всегда незаменима... И быть должна верна!

В музее твоём — тишь, на полках — ряд предметов
И старых фотографий — причал с туманом лет,

И образ твой: ешё не будучи поэтом,
Как смог таким ты стать? — Ищу я здесь ответ.

Из брёвен — ряд домов, на вид... — так, неказистых,
Вот — церковь, вот — лицей, где твой рождался дар;
И сёстры на подбор, друзья и гимназисты...
Твой взгляд — уже горит, в глазах уже — Икар.

Усадьба в три окна, есть рига и «времянка».
Меж ними и амбар... — Стоят уж много лет...
И чудится: вот-вот хозяин спозаранку,
Пока ты сладко спишь, поднимется чуть свет.

Я вышел на обрыв и оглядел просторы:
Излучин тихий нрав и поворот Оки...
А цепи из холмов... они — как мини-горы,
Как буквы и штрихи есенинской строки.

.....
Мечту свою взметнув к небесным подоконцам,
Хочу признаться всем... любовь свою сберечь...
И, как писал поэт, — «...до дней последних донца...»
Хочу в России жить, в родную землю лечь.

День Победы

Дед мой бился в Гражданскую... Славой овеян!
В Вене встретила мать в сорок пятом весну
Для того, чтобы липы цветли на аллеях
И ничто не мешало бы детскому сну.

Та весна — этот пик сорок пятого года —
Долгожданна была миллионам сердец!
И наградою стала героям народа:
Кто на фронте, в тылу был Победе — кузнец.

Стала наша страна главной кузницей мира!..
Чтоб фашизм уничтожить на нашей Земле,
Миллионы прошли через это горнило...
Непомерную дань мы отдали войне!

День Победы для всех — главный праздник народа,
Сколько б лет ни минуло с тех пор!.. Для страны
Майский день номер девять у каждого года —
Это главный итог той великой войны!

Марина Ширма

Член поэтического кружка «Созвучие» р.п. Таловая

Поэтам

Зое Константиновне Колесниковой

И снова тянется душа
к поэтам зрелым —
Легка строка,
суть хороша,
я неумело
читать пытаюсь между строк

то боль,
то радость,
но ощущаю каждый вздох –
любовь, усталость.
Стихи без вычурности фраз
(сродни голгофам),
я возвращаюсь всякий раз
к изящным строфам.
Слова, рождённые волшбой,
к концу катрена
влеют и манят за собою вдохновенно...

Там, где небо касается горизонта,
Где заря отражается в травах росных,
А ночами луну утешают сосны,
Что ни день — наслаждаться игрою солнца
Всё же буду когда-нибудь беззаботно.
На опушке, лохматой от игрищ ветра,
Что встречает входящих напевом звонким,
В берендеевой, ветхой совсем избёнке,
С ароматом присутствия тайны древних,
Обрету наконец-то покой душевный.
По тропинке, едва различимой в травах,
К тихой заводи вечно спешащей речки,
Повторяющей контур дороги млечной,
Подбегу на рассвете, воскликнув: «Здравствуй,
Богом данный мне мир для любви и счастья!»

— Доктор, пожалуйста, дайте другое сердце!
И, если надо, возьмите моё —
живое.
Пересадите искусственное. Любое:
из пенопласта, пластмассы, чего там ещё?..
В общем,
что было такое...
Пустое-пустое.
Не замирало что-то,
не болело,
не прыгало,
не щемило
и не страдало.
Качало бы кровушку да качало:
по венам,
артериям,
капиллярам.
Старатально,
мерно
и равнодушно.

Всё время, пока наблюдаю безумный ужас –
бедlam, творящийся в целом мире.
Доктор!
Пересадите сердце
и, заодно, чтобы не было осложнений,
прошу Вас, пожалуйста,
отключите разум.
Это вне компетенции Вашей?
Что же, тогда,
пожалуй,
вылечите
хотя бы
эмпатию.

Эльвира Щербакова

Преподаватель ВГПУ, главный редактор газеты
«Учитель»

Я иду и вдыхаю цветущую жизнь:
Она пахнет шербетом и сладкою липой...
Из раскрытой души никогда не уйдёт
Разнотравье журчащего жаркого лета,
Из раскрытой души никогда не сбежит
Искра счастья, упавшая ранней весною...
Только тихая жизнь расцветает внутри,
Прорастая в колосья душистого хлеба.

Покатилось яблоко рассвета,
Покосился день седым плетнём.
От природы не ждала ответа —
Ночь придёт, и снами оживём.

Окроплённой стелется дорожка,
Ветви старой ивы умолчат,
Что чудес осталось ждать немножко —
Вплоть до наступленья красных дат.

Петушиный крик погонит смуту
Из моей невызревшей души,
И покажется мне только на минуту:
Мы пришли из утренней тиши,

Чтоб, срывая яблоки рассвета
И тоскуя под седым плетнем,
У природы не спросив совета,
Жизнь прожить одним счастливым днём!

Возвращение поэта

Поэт из Каменной Степи

О творчестве Бориса Николаева

...И чудо превратилось в небылицу,
а я не в силах с этим примириться.
Борис Николаев

В научных томах, которых за почти полтора века исследований Каменной Степи набралось на целую домашнюю библиотеку, сказано строго и ясно: «так называют земли, занимаемые Научно-исследовательским институтом сельского хозяйства Центрально-Чернозёмной полосы им. В. В. Докучаева». Можно иначе:

*Входит дух рукотворной природы
по натруженным спинам плотин.*

Или:

*Утренней рощи не потревожив,
нить паутинки с ветки сниму.
Знает, наверное, кто-нибудь всё же,
как хорошо мне в полях одному.*

*Так далеко я, что даже не слышу
стука вагонных колёс за рекой.
Кто-нибудь спросит: «Бывает ли тише?»
Тише, наверное, — вечный покой.*

Это стихи моего земляка и старшего друга, поэта Бориса Николаева. В прошлом году в издательстве Воронежского государственного педагогического университета вышло его избранное. Книга писалась всю жизнь.

В скромном авторском предисловии есть объяснение: «Желание выпустить эту книгу обусловлено отнюдь не честолюбивым стремлением стяжать какую-то известность или что-то подобное в этом роде, а многим столь знакомой потребностью поделиться с близким от переполненного сердца... Именно поэтому многие стихотворения сборника написаны в форме обращения — обращения к другу, к любимой, к Родине, к современникам — с надеждой быть услышанным и теми, кто пришёл в нашу жизнь совсем недавно...»

Родившийся в 1955 году в Каменностепном «оазисе» (и не только природном: в советское время в некоторые дикие места приезжали как видные учёные, так и культурные деятели — от Лемешева до Пахмутовой с Добронравовым), поэт признаётся: «Счастливое детство — прочная основа на всю жизнь».

Художественный мир Николаева на этом прочном союзе родной земли и родного неба и держится.

*И больше ничего, нигде —
незыблемо молчанье.
И облака стоят в воде,
как рыба на кукане.*

*Лишь изредка ударит карп
о зеркало литое,
и покачнутся облака
и миражи покоя.*

Лирическому герою настолько близка окружающая действительность, что он растворяется в ней, теряется в отражениях на воде, в которых «уже нельзя не заблудиться».

В других духовных (и географических) координатах представить его невозможно. Стихи полны дорогих сердцу реалий: слепнут совы, деревья входят в воду по колени, тает осевший по оврагам снег, свистит сурок.

Помню, пришёл как-то по весне в гости к Борису Иванычу, как, естественно, из-за разницы в возрас-

те, я его называю. Встретил меня восторженно-взъерошенный юноша со сдвинутыми на нос очками — значит, написал новые стихи! Говорили о поэмах Юрия Кузнецова, о «Нашем современнике» и «Октябре», о молодых поэтах...

...Городская натура возникает в его стихах во время учебы на архитектурном отделении Воронежского СХИ: «Улица Бучкури», «Золотая рыбка Дитриха», «Освобождённая музыка» и др.

К началу 80-х годов относятся первые публикации в региональной периодике, первые столкновения с неприятием и непониманием.

В «Охотничьем этюде» есть довольно точный и видимый образ: сорвавшаяся с ветки галка прихрамывает на крыло. Одному из литературных мэтров Воронежа не понравилось: поэтическая небрежность, и вообще «нельзя так писать!»

После этого обычного и вполне предсказуемого случая молодой поэт признания больше не искал, да и писать стал реже — лишь изредка отдавая душу дневнику.

И только события девяностых заставили вернуться к стихам.

*Я — гордый ручей — капиллярник державы,
я вырос в её лучезарном снегу,
но вот и во мне размножаются жабы,
а я... я, увы, ничего не могу.*

С этого периода гражданская позиция поэта проявляется всё острее, становится твёрже. На смену восхищённому мальчишескому говорению приходит публицистичность и декларативность, появляются общие места, которые, впрочем, можно рассматривать как поиск родства с изменившимся до неизвестности миром.

В конечном итоге и эта грань таланта оттается. К растущей лирической мощи добавляется афористичность выражения.

*...в той стране, где яблоки
зреют и на тополе,
в той стране, которую
вместе мы прохлопали.*

Сегодня Борис Николаев — поэт, которому есть что сказать не только о себе, но и о времени. Жаль, что вышедшая почти год назад книга осталась незамеченной. Его стихи в воронежском контексте значимы и интересны, а он, светлый и скромный, как нельзя кстати нужен нынешнему читателю.

Василий Нацентов

Борис Николаев

Родился в 1955 году в Каменной Степи Таловского района Воронежской области. Закончил архитектурное отделение Воронежского СХИ. Первые публикации в региональных изданиях относятся к началу 1980-х годов. Живет в Каменной Степи

Мне выдался путь удивительный
под утро весеннего дня:
вагоны летели стремительно,
легко обгоняя меня.

Стучали колёса вагонные,
и сыпалась с веток роса,
и птицы испуганно-сонные
ломали свои голоса.

Хотелось кричать и дурачиться,
дразнить взбудораженный лес...
Казалось, вот-вот обозначатся
вдали очертанья чудес!

Гудят лягушки над прудом,
отгрюхотали грозы.
На водный свой аэродром
слетаются стрекозы,

на поплавки садятся, спят,
и ветерок приносит
лугов цветущих аромат
и шум высоких сосен.

И больше ничего, нигде —
незыблемо молчанье.
И облака стоят в воде,
как рыба на кукане.

Лишь изредка ударит карп
о зеркало литое,
и покачнутся облака
и миражи покоя.

Улица Бучкури

Дома на солнце щурятся,
в окошках свет лазури,
и носит имя улица
художника Бучкури.

Пусть с нашими «пенатами»
фамилия не вяжется,
была она когда-то там...
да, Логовая, кажется.

Над нею церковь белая,
а ниже — крыш невнятца,
и ветерки несмелые
в садах вишнёвых прячутся.

Пожалуй, что тут странного,
но всё же удивительно,—
живут здесь внуки-правнуки
Кольцова и Никитина!

Минувших лет ровесница,
откроется под вязами
изысканная лестница
с перилами и вазами.

Вздохнут ступени-клавиши
негромко для души моей,
и даль времён растявших
вдруг станет ощущимее...

Освобождённая музыка

Ложится день на здание
из-за реки с востока,
являя очертания
Петровского барокко.

В нём лёгкость и величие
задумывались рядом
в торжественном обличии
застывшего парада.

Но в недрах математики,
на грани поражения,
разламывая статику,
рождается движение.

Под солнцем тени рушатся —
ночей немых союзники.
Смотрю, и жду, и слушаю,
как оживает музыка.

И, будто бы непрошено
к высотам восходящая,—
она, покинув прошлое,
вступает в настоящее.

Захватывает, множится,
спадает водопадами,
ликует и тревожится,
оставвшись неразгаданной.

И я пушинкой некою,
утратив гравитацию,
плыву меж человеками
и не могу расстаться с ней.

Тревожная ночь

Выюга крутится и мчится, сыплет снег.
К нам никто не постучится на ночлег.

— Что там, черти, что ли, воют над трубой?
— Страшно мне, побудь со мною, милый мой.

Где-то выюг теперь пошире хоровод,
снова где-то на народ идёт народ,
где-то люд сметает грозною волной.
— Страшно мне, побудь со мною, милый мой.

Нескончаемая буря за окном
завывает, будоражит старый дом,
рвёт и хлещет, нагоняя жуть и страх,
разорить стремясь отеческий очаг.

Только будет то, что быть всегда должно,
утром станет тихо-тихо и светло.

И, как весть о пораженье силы зла,
звоном встретят светлый день колокола!

Отче наш, средь надвигающихся бед
укрепи нас всех и выведи на свет,
дай нам силы, дай терпенья превозмочь
этую смуту, эту бурю, эту ночь!

Николаю Матвиенко

Эпоха нам указывала путь,
не предлагая выбора иного.
Кто мог подумать, что когда-нибудь
мы сможем породнить её со словом?!

И вновь, но с оговорками, пройти,
припомнив всех больших дорог соблазны,
по пройденному в юности пути,
уже в былых сомненьях не увязнув.

И совести сродни, как день, светла,
в отсутствии богов родная муз
нам ангелом-хранителем была
на постпространстве нашего Союза.

Когда-нибудь и здесь, в родных местах
(я это время, кажется, предвижу),
и наши души оживут в стихах
провинциально-тонких наших книжек...

Стужа

Мой край, дорогой и любимый,
в морозном лежит забытьи,
и к этому краю незримо
прикованы мысли мои.

Там лес и поля неживые,
закована льдами река,
и встали столбы дымовые,
собой подперев облака.

Как в космосе, тихо, ни звука —
такое безлюдье окрест...
Никто не протянет мне руку
из тех заколдованных мест.

Под снегом домишкы простые,
берёзы, колодцы, стога...
И мучит меня ностальгия
по брошенным тем берегам.

А грозное солнце не меркнет,
и я различаю ясней
далекую старую церковь
и свет благодатный над ней.

На долгих прогонах Вселенной,
ведущих в астральный ГУЛАГ,
я церковку эту, наверно,
зажму в свой бесплотный кулак.

И в ней сохранённой любовью,—
ведь истина всё же приста —
быть может, она остановит
несущийся в бездну состав.

Поздравления

Дорогие читатели альманаха!

Здесь мы расскажем вам о самых важных творческих событиях, случившихся с момента выхода в свет последнего альманаха. Год поэтической жизни выдался щедрым на хорошие моменты. Сорадуйтесь, вдохновляйтесь, творите и присылайте нам в будущем весточки о своём-хорошем!

А пока — поздравляем:

Жердеву Веру — со званием лауреата международного конкурса «Есенинцы» (Москва, 2018)!

Колесникову Валерию — с победой во Всероссийском литературном конкурсе «Вселенная под названием «Книга» (Оренбург, 2019), а также с выходом книги «Рождество для принцессы Лизы» (2018)!

Кондратьева Константина — с выходом книги стихотворений «Гипербoreйские дары» (2019)!

Макушину Екатерину — со званием лауреата Всероссийского конкурса молодых поэтов «Зелёный листок», а также со званием лауреата III степени Международного литературного конкурса «Русский Гофман» в номинации «Поэзия» (2018)!

Нацентова Василия — со вступлением в Союз писателей России (2018)!

Пархоц Эльвиру — с выходом сборника стихотворений «Заиграй-овражки» (2019), а также со званием лауреата III степени премии «Кольцовский край» в номинации «Поэзия» (2018)!

Пономарёва Павла — со званием лауреата III степени премии «Кольцовский край» в номинации «Литературная критика, история литературы Воронежского края» (2018)!

Рыбкина Сергея — с выходом в финал национальной литературной премии «Русские рифмы» (2018)!

Смолицкую Елену — с победой в Международном конкурсе «Молодые голоса» (2018)!

Щербакову Эльвиру — с победой в номинации «Поэзия» на Межрегиональном фестивале авторского творчества «Берег»!

Оглавление

Университетская музा	6		
Марина Баранова.....	6	Лидия Люличева.....	23
Иван Белоусов	6	Михаил Маврин	24
Юлия Беляева (Диденко).....	7	Екатерина Макушина	25
Ольга Благонадеждина	7	Кристина Маркова	26
Ольга Булахтина.....	7	Ирина Олей	26
Владислава Бурносова	8	Эльвира Пархоц.....	27
Лана Владимирова.....	9	Наталья Перепечаева	27
Павел Волков	10	Николай Писаревский	28
Кристина Гайдукова.....	10	Елена Правда	28
Екатерина Гарманова.....	11	Аркадий Пресман.....	28
Ануш Давтян.....	12	Валентин Рахманин.....	29
Елена Дубровина	12	Олег Рахманин.....	30
Владимир Емельяненко	13	Лев Рудковский	31
Анастасия Еремина	14	Мила Семёнова	32
Вера Жердева	15	Игорь Серавкин	32
Александр Журихин	15	Светлана Симонова	33
Лариса Зимина	15	Елена Смолицкая	34
Василий Зубков	16	Эмма Старова	34
Вера Калашникова	17	Екатерина Стрельникова	34
Александр Каменский	17	Екатерина Ступникова	36
Анна Ковалёва	17	Александр Тарнов	37
Валерия Колесникова	19	Владимир Тулупов	38
Виктор Колесниченко	19	Сергей Фролов	39
Дмитрий Колесниченко	20	Галина Хожаинова	41
Константин Кондратьев	21	Галина Царакова	41
Надежда Копылова	21	Яна Цыганкова	41
Ирина Куюнцева	22	Анастасия Червинская	42
Зинаида Лаврова	22	Ольга Червинская	43
Юрий Лебедев	22	Дмитрий Чугунов	44
		Евгений Шамильпан	45
		Александр Юнда	46

Интервью с юбиляром.	
В. М. Акаткину – 80 лет	47
Взгляд молодых	50
Василий Нацентов	50
Павел Пономарёв	52
Сергей Рыбкин	53
Контекст	55
Антон Азаренков	55
Ксения Аксёнова	56
Евгения Баранова	56
Любовь Глотова	56
Елена Жамбалова	57
Мария Затонская	58
Дарья Ильгова	58
Анастасия Кинаш	59
Константин Комаров	59
Полина Корицкая	60
Борис Кутенков	61
Ирина Любельская	62
Анна Маркина	62
Григорий Медведев	63
Серафима Сапрыкина	64

Наши гости	65
Галина Абделазиз	65
Юрий Алтайцев	65
Алина Бобылёва	66
Владимир Болгов	66
Александра Веретина	67
Дарья Гузеева	68
Зоя Колесникова	69
Владимир Кузьменко	70
Вероника Кузьмина	70
Александра Наливкина	71
Аман Рахметов	71
Алексей Серёгин	72
Людмила Сёмина	74
Ариша Сергеева	75
Юрий Силантьев	75
Наталья Смирнова	76
Мария Соколовская	76
Татьяна Шепелева	77
Евгений Шабунин	79
Марина Ширма	79
Эльвира Щербакова	80
Возвращение поэта	81
Поэт из Каменной Степи	81
Борис Nikolaev	82
Поздравления	85

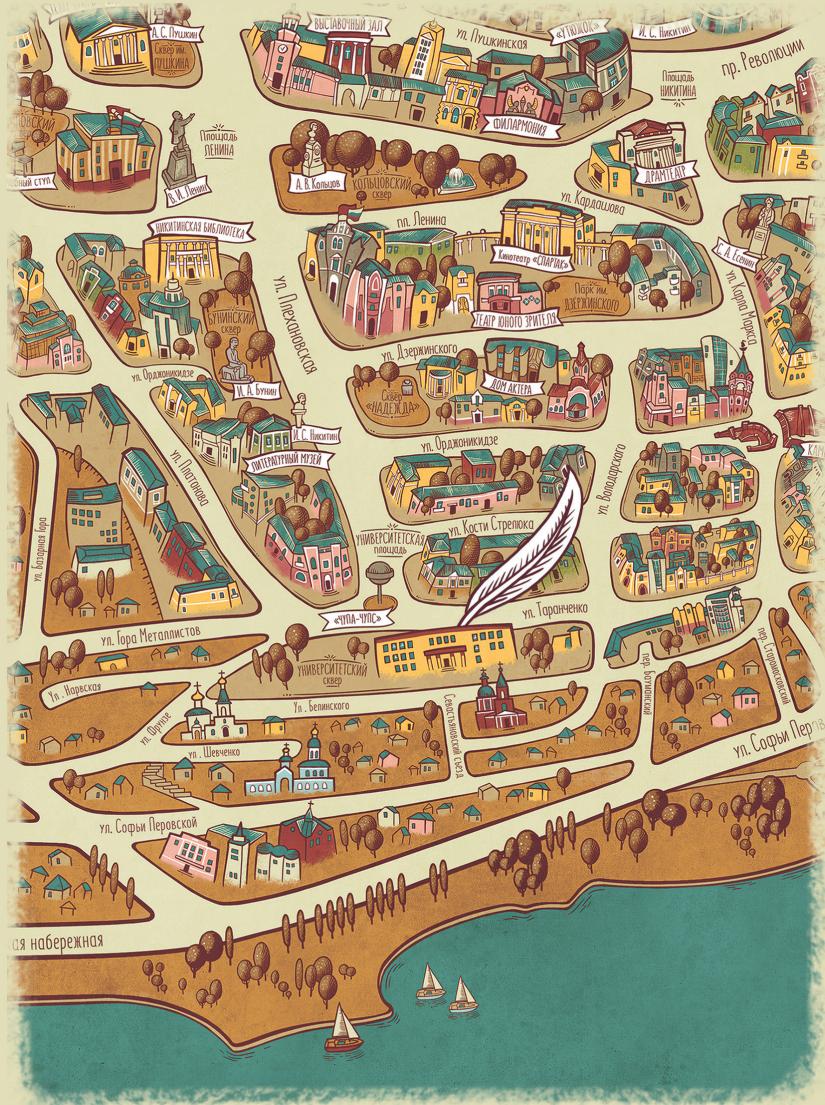
Литературно-художественное издание

День поэзии LXIII

Литературно-художественный альманах

25 марта 2019 г.

Редактор-составитель *Д. А. Чугунов*
Корректор *Э. О. Пархоц*
Компьютерная вёрстка *А. Сундуков*

АВТОРСКАЯ КАРТА И СУВЕНИРЫ «ВОРОНЕЖ НА ЛАДОНИ»

 vrn_na_ladoni

 vrn_karta

 vrn.na.ladoni